

СОДЕРЖАНИЕ

Сюжет в литературе и фольклоре

<i>Ковалева Т. И.</i> (Новосибирск) Из комментариев к типологии видений в древнерусской агиографии (сюжет об избиении беса святым)	5
<i>Климова М. Н.</i> (Томск) Заметки к изучению Эдипова сюжета (вопросы генезиса, эволюции, типологии)	16
<i>Козлов А. Е.</i> (Новосибирск) «Ведь если верить Льву Толстому...»: «Война и Мир» Д. Д. Минаева и М. С. Знаменского	32
<i>Саакян Э. А.</i> (Ванадзор) Персонажи легенд о демоне, вредящем деторождению, в армянской, южнославянской традициях и в авторском тексте А. Ремизова	90
<i>Владимиров О. Н.</i> (Новокузнецк) Сюжетообразующие мотивы в книгах К. Сергиенко	103

Сюжеты и судьбы

<i>Кудрина Е. В.</i> (Москва) «Повесть слишком многословна»: М. Горький и несостоявшийся писа- тель Марк Волгин (сюжет романа «Эмигранты» и судьба его автора)	116
<i>Большухин Л. Н., Замятина О. В.</i> (Нижний Новгород) Истинная жизнь Голубчика-Гостова	129
Требования к оформлению статьи	176

CONTENTS

The Plot in Literature and Folklore

<i>Kovaleva T. I.</i> (Novosibirsk) From the Comments on the Typology of the Visions in Old Russian Hagiography (The Plot of the Beating a Demon by a Saint)	5
<i>Klimova M. N.</i> (Tomsk) Notes to the Study of the Oedipus Plot (Issues of Genesis, Evolution, Typology)	16
<i>Kozlov A. E.</i> (Novosibirsk) “War and Peace” as Dmitry Minaev’s and Mikhail Znamensky’s Pastiche: Cartoons and Parodies in the Satirical Weeklies	32
<i>Sahakyan H. A.</i> (Yavayzor) Characters of Legends about a Demon Harming Potential in Armenian, South Slavic Traditions and in the Author’s Text of A. Remizov	90
<i>Vladimirov O. N.</i> (Novokuznetsk) Plot-Forming Motives in the Books of K. Sergienko	103

Plots and Destinies

<i>Kudrina E. V.</i> (Moscow) “The story is too wordy”: M. Gorky and the Failed Writer Mark Volgin (The Plot of the Novel “Emigrants” and the Fate of Its Author)	116
<i>Bolsukhin L. Yu., Zamiatina O. V.</i> (Nizhny Novgorod) Golubchik-Gostov’s True Life	129
Requirements for the Article	176

Сюжет в литературе и фольклоре

Научная статья

УДК 821.161

DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-5-15

Из комментариев к типологии видений в древнерусской агиографии (сюжет об избиении беса святым)

Татьяна Ивановна Ковалева

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
tkvl@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7165-3186>

Аннотация

Рассматривается нетипичный для оригинальных древнерусских сочинений сюжет видений об избиении беса святым, вошедший в предложенную нами ранее типологию. Она представляет один из возможных способов систематизации обширного, тематически разнообразного материала видений. Большинство примеров, включенных нами в типологию, – сюжеты, выявляющиеся в составе агиографических повествований разного типа. Рассмотренный сюжет – один из таких случаев. Нами проанализированы два примера видений, содержащих сцены расправы над бесами, из литературных сочинений разного времени: Византийского Жития Андрея Юродивого одним из первых, в XII в., познакомившего русского читателя с этим сюжетом, и Жития инока Епифания, появившегося на излете древнерусской традиции. Отмечены типологически схожие черты видений: наличие общей структурной схемы, участие в формировании события видения сразу двух персонажей, сакрального и инфернального миров. Выявляющаяся при анализе сцены избиения беса специфика задана традицией, временем создания сочинений и их прагматической направленностью. Так, занимательный, наглядный рассказ об избиении беса, изобилующий художественными деталями, в византийском житии характеризует высоту духовного подвига святого. В Житии Епифания подобный рассказ отражает мировосприятие подвижника – автора одной из первых на Руси автобиографий, также демонстрирует феномен «литературной материализации видений». Примеры видений из Житий Андрея Юродивого и инока Епифания позволяют проследить эволюцию изображения сцены избиения беса святым в литературном процессе средневековой Руси, отражающую значительные изменения жанра видений в переходный период отечественной словесности.

Ключевые слова

древнерусская агиография, жанр видений, сюжет об избиении беса святым, Житие Андрея Юродивого, Житие инока Епифания

Для цитирования

Ковалева Т. И. Из комментариев к типологии видений в древнерусской агиографии (сюжет об избиении беса святым) // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2. С. 5–15. DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-5-15

© Ковалева Т. И., 2021

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2. С. 5–15
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2, pp. 5–15

From the Comments on the Typology of the Visions in Old Russian Hagiography (The Plot of the Beating a Demon by a Saint)

Tatyana I. Kovaleva

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
tkvl@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7165-3186>

Abstract

This article examines the plot of visions on the beating a demon by a saint is not typical for the original Old Russian writings. This plot is included in the typology proposed earlier. It represents one of the possible ways of organizing a vast, thematically diverse material of visions. Most of the examples of our typology are plots in the composition of hagiographic narratives of various types. The considered plot is one these cases. We have analyzed two examples of visions containing scenes of beating demons from literary compositions of different times. From the Byzantine Life of Andrew the Fool that one of the first in the 12th century introduced the Russian reader to this plot. Also from the Life of the Monk Epiphanius written at the end of the Old Russian tradition. Typologically similar features of visions are noted: the presence of a common structural scheme, participation in the formation of the event of two characters of the sacred and infernal worlds at once. The revealed specificity of the scene of beating demons is explained by tradition, the time of writings and their pragmatic orientation. Thus, an interesting, visual story on the beating the demon full of artistic details in the Byzantine Life characterizes the height of the spiritual feat of the saint. In the Life of Epiphany, a similar story reflects the worldview of an ascetic, also demonstrates the phenomenon of "literary materialization of visions". Examples of visions from the Lives of Andrew the Fool and the Monk Epiphanius demonstrate the evolution in the depiction of the scene of the beating demons in the literary process of medieval Russia, reflecting significant changes in the genre of visions in the transitional period of Russian literature.

Keywords

Old Russian hagiography, genre of visions, the plot of the beating a demon by a saint, The Life of Andrew the Fool, The Life of the Monk Epiphanius

For citation

Kovaleva T. I. From the Comments on the Typology of the Visions in Old Russian Hagiography (The Plot of the Beating a Demon by a Saint). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 2, pp. 5–15. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-5-15

Древнерусские видения, являющиеся частью христианского литературного наследия, – обширный, тематически разнообразный материал, анализ которого неизбежно приводит к вопросу его систематизации. Решение этого вопроса важно для описания фонда сюжетов, характеристики самого жанра видений, уточнения его специфики и т. д. Ранее нами был предложен опыт типологии видений, связанных с земным бытием человека¹, на материале главным образом оригинальной

¹ Другая разновидность видений – эсхатологические, о посмертной участи души, устройстве ада и рая, т. е. те, предметом которых является «малая» эсхатология, в силу своих особенностей требуют разработки иных принципов типологии. Исследованию эсха-

древнерусской агиографии XIII–XVII вв. [Ковалева, 2019]. Представленная типология – один из возможных подходов к систематизации материала. В ее основе лежит идея связи жанра с картиной мира древнерусского человека, характеризующаяся подчеркнутой дуальностью. Согласно идее дуализма выделяется две группы персонажей иного мира, являющихся в видениях: сакрального и inferнального. В свою очередь, в соответствии с функциями этих персонажей выделяются и тематические разновидности сюжетов видений, вошедших в типологию.

В древнерусской литературе (как и в средневековой западноевропейской) видения на раннем этапе своего существования встречаются исключительно как «малая форма» (термин Е. К. Ромодановской) в составе других жанров средневековой словесности – агиографии, исторических сочинений, хождений, торжественного и учительного красноречия и др. (см.: [Ромодановская, 2002, с. 296]). В виде отдельных сочинений видения начинают появляться в XVI в. (Видение хутынского пономаря Тарасия, Повесть о видении Антония Галичанина), сосуществуя с видениями, продолжающими включаться в памятники другой жанровой принадлежности. Е. К. Ромодановской была сформулирована задача изучения древнерусских видений не только выделившихся в отдельные сочинения, но и как «малой формы» [Там же]. Поскольку этот материал не привлекал должного внимания исследователей, большинство примеров, включенных в тематические разделы типологии, – это эпизоды видений, выявляющиеся в составе агиографических повествований.

Апогея развития жанр видений достиг в XVII в. Н. И. Прокофьевым на материале видений Смутного времени описана их структурная схема: 1) молитва или раздумье тайнозрителя, после чего он впадает в «тонок сон»; 2) собственно видение, во время которого чудесные силы, сообщая тайнозрителю откровение, разрешают какой-либо вопрос или призывают к действию; 3) пробуждение и испуг тайнозрителя; 4) постижение тайного смысла откровения; 5) приказание о проповеди откровения среди народа [Прокофьев, 1964, с. 40]. Эта схема не может претендовать на универсальность, так как она выявляется в основе ограниченной группы видений, представляющих собой отдельные сочинения. Однако с учетом наблюдений Н. И. Прокофьева нами проанализирована тематическая группа видений, связанных с основанием церкви/монастыря, существующих исключительно в составе повествований. Показана эволюция структурной схемы видений в контексте сочинения с сохранением ее основных элементов, по которым жанр опознается: 1) исходная ситуация видения (часто это какое-либо состояние измененного сознания тайнозрителя: молитвенное состояние, «тонкий сон», «иступление ума»); 2) собственно видение; 3) итог видения [Ковалева, 2017, с. 16–17]. Ее элементы при анализе конкретных сочинений могут быть «прописаны» более детализировано. Кроме того, нами исследован процесс развертывания события в повествованиях и роль видений в нем. При этом показано, что тайнозритель (термин Н. И. Прокофьева) – свидетель и участник чудесного события, в рассмотренных случаях и главный герой сочинения, в момент видения уступает свой статус: главными героями становятся посланцы иного мира, без которых невозможна сама ситуация видения. Благодаря развертыванию их функций осуществляются

тологических видений в русской рукописной книжности посвящена монография А. В. Пигина [2006].

основные события, которым сочинения посвящены [Ковалева, 2017, с. 16–17]. В частности, это значимое обстоятельство позволяет рассматривать видение как «сюжет в сюжете» и соответственно описывать его, как и любой другой сюжет.

Несмотря на общую схему, согласно которой видения строятся, они, как упоминалось, в содержательном плане могут быть весьма разнообразны. Обратимся в данной статье к примерам видений, имеющих нетипичный для оригинальных древнерусских сочинений сюжет об избиении беса святым, выявляющийся в сравнительно небольшом их количестве.

История сюжета об избиении беса святым в книжности и иконографии средневековой Руси рассматривается Д. И. Антоновым [2010], исследователь отмечает, что прежде всего этот сюжет отражен в переводных византийских памятниках [Там же, с. 61], например в Житиях Симеона Столпника, Антония Великого, Николая Мирликийского, Андрея Юродивого др. В древнерусских сочинениях названный сюжет выявляется в период наметившегося «слома» поэтики русской средневековой литературы, существенные изменения она претерпевает во второй половине XVII в.: «В эту эпоху в целом ряде сочинений появились красочные рассказы о “физической расправе” над демонами» [Там же, с. 74]. Широкое знакомство с сюжетом на Руси обеспечивали не столько тексты, сколько памятники древнерусской иконографии [Там же, с. 70]. Что касается именно древнерусского сюжета видений, где святой избивает беса в духовной реальности, то он фиксируется в XVI в. в Киприановской редакции Сказания о Мамаевом побоище (видение Василия Капицы и Семена Антонова: святой митрополит Петр колет своим золотым жезлом конное войско эфиопов), в XVII в. – в Житии Юлиании Лазаревской (видение Юлиании Лазаревской: святой Николай избивает бесов, собирающихся убить подвижницу, палицей, «единаго же беса поймав, мучаше») ², Житии инока Епифания (в одном из видений Епифания Богородица мучает беса, пришедшего убить подвижника), также в Повести о Соломонии бесноватой (в видении Соломонии являются святые Прокопий и Иоанн Устюжские: Иоанн разрезает «копием» утробу героини, достает из нее бесов, а Прокопий в первый раз убивает их своими кочергами, во второй – затаптывает, «давяше их ногою своею» ³).

Рассмотрим некоторые особенности видений, содержащих описание расправы с бесами персонажей сакрального мира, на двух примерах из литературных сочинений разного времени. Первый пример сюжета, об избиении бесов Иоанном Богословом, – из византийского переводного Жития Андрея Юродивого (конец IX – начало X в.), известного русскому читателю уже в XII в., ставшего на Руси образцом для житий юродивых и других агиографических текстов. Это сочинение в духе средневекового романа, поскольку для переводной византийской агиографии характерны элементы беллетристичности [Истоки русской беллетристики..., 1970, с. 68]. Житие пользовалось популярностью у читателей, его успех объяснялся, «во-первых, необыкновенной занимательностью содержания и превосходными достоинствами перевода; во-вторых, – тем обстоятельством, что в наиболее рас-

² Сюжет видений об избиении беса святым в перечисленных сочинениях отмечен Д. И. Антоновым [2010, с. 69, 74].

³ В данном эпизоде описывается не просто избиение бесов, а их убийство – мотив, как показано А. Л. Юргановым [2006, с. 34–37], является инновационным в древнерусской книжной традиции.

пространенном у славян древнерусском переводе Андрей представлен как славянин (так переведено греческое *σκῶθης*), а в более поздних списках как «русин» и даже новгородец» (Житие Андрея Юродивого, 1999, с. 541)⁴. Иначе говоря, русские средневековые читатели считали Андрея «своим». Занимательность содержанию Жития Андрея Юродивого придают, в частности, множество включенных в него фантастических элементов – это и чудеса, и видения, ознаменован же подвиг будущего святого известным пророческим сном, в котором он побеждает перед сонмом адских и небесных сил огромного эфиопа – тысяцкого сатанинского войска, а после сам Христос наставляет Андрея на подвиг юродства. Это был единственный способ покинуть дом богатого господина, слугой которого являлся Андрей, и начать служение Богу. Когда хозяин понял, что его любимый слуга впал в безумие, то «повелѣ вести его въ церковь святѣхъ мученица Анастасия» для излечения. Второй пример сюжета, об избиении беса Богородицей, – из раннего весьма своеобразного старообрядческого Жития инок Епифания, появившегося на излете древнерусской традиции (1667–1676 гг.). Инок Епифаний, как и протопоп Аввакум, является автором одной из первых в русской литературе автобиографий, и свое покаянное житие описывает изуродованной палачами рукой, находясь в земляной тюрьме. В первой части Жития Епифания речь идет о пребывании инок в Сунорецком скиту, до того, как он принял мучения за «старую» веру. И главные ее события – борьба Епифания с бесами, творящими козни в его келье.

Придерживаясь общей схемы, сделаем пересказ видений Андрея Юродивого и инок Епифания по эпизодам.

1. Исходная ситуация видений – молитвенное состояние тайнозрителей:

Андрей Юродивый творит ночную молитву, прикованный цепью в храме святой великомученицы Анастасии: «Оному бдящю до полунощи и по обычаю молитвы и моленья отаи в таинѣмъ храмѣ сердца своего Богу и святѣхъ мученици (Анастасии. – Т. К.) приносящу» (Житие Андрея, с. 336).

Инок Епифаний ложится отдохнуть после ночного правила: «Возлегшу ми по обычаю моему на мѣстѣ моемъ обычномъ, на голой доскѣ, а глава ко образу Пречистыя Богородицы» (Житие инок Епифания, 2013, с. 234)⁵.

2. Собственно видение:

1) появление персонажей – посланцев инфернального мира, собирающихся погубить подвижников:

Андрею является дьявол, «держай секиру», – тот самый «тысящникъ бо бѣаше дѣмоня полку», которого прежде во сне подвижник победил. Дьявол решил отомстить будущему святому, приведя с собой множество вооруженных бесов, несущих «ножи, друзѣи дрѣво и колье и меца и копыя, друзѣи же ношаху ужа» (Житие Андрея, с. 336).

⁴ Далее ссылки на Житие Андрея Юродивого даются сокращенно.

⁵ Далее ссылки на Житие инок Епифания даются сокращенно.

В Житии Епифания проверяется на прочность вера подвижника, вскоре пострадавшего «за слово и за свидетельство Иисус Христово». К нему в келью входит бес «яко лютой и злой разбойник», как описывает сам Епифаний: «И ухватил мене, и согнул вдвое, и съжал мя крѣпко и туго зѣло: невозможно ми ни дышать, ни питать только смерть» (Житие Епифания, с. 234).

2) обращение подвижников к Высшим силам:

В Житии Андрея подвижник взывает о помощи к Господу и Иоанну Богослову: «Он же (Андрей. – Т. К.) съ слезами руцѣ въздѣвъ, къ Господу въпияше, глаголя: “Не предай же звѣрем душа моя исповѣдающуюся тебе!”. И се рекъ: “Святыи Иоанне апостоле Богослове, помози ми!”» (Житие Андрея, с. 338).

В Житии Епифания инок сначала обращается к Николаю Чудотворцу: «И еле на великую силу пропищалъ в тосках сице: “Николае, помози ми!”». Бес внезапно исчезает. Затем инок с печалью и со слезами молитвенно обращается к «вольяшному медянному» образу Богородицы: «О, Пресвятая Владычице моя Богородице! Почто мя презираеши и не брежеша мене бѣднаго и грѣшнаго! Я вѣтъ на Хритса-свѣта и на тебя-свѣта надѣяся, миръ оставил и вся, яже в мирѣ... Видиши ли, Владычице моя Богородице, в малѣ вѣтъ разбойник-от, злодѣй, меня не погубил...» (Житие Епифания, с. 234).

3) появление по зову подвижников посланцев сакрального мира и избиение ими бесов:

В Житии Андрея Юродивого является святой апостол Иоанн Богослов «и множество много с нимъ» и «повелѣ же честныи он старецъ своимъ, да сняша железное уже съ шия Андрѣовы». Железной цепью с шеи Андрея Иоанн избивает бесов и дьявола (Житие Андрея, с. 338). Когда бесы побеждены, святой апостол вновь «възложивъ уже» на шею подвижника, шутя, обращается к нему: «Видиши ли, како ти ся есмь уранилъ на помощь твою. Велми бо ся пеку тобою, мене бо наряди Богъ, повелѣвъ ми, да промышляю, яже ты на спасение твое приводяшь удобная, пекыи ся всегда и подая тебе». Оказывается, Андрей не узнал своего спасителя и, спросив, кто он, получил ответ: «Аз есмь иже възлеже на честныи и животворящая пѣрси Господа нашего Иисуса Христа».

В Житии Епифания подвижнику является Богоматерь, которая сбежавшего беса «в руках у себя мучить», и сердце подвижника от этого наполняется «великия радости». Богородица отдает уже мертвого беса Епифанию, продолжившему «его мучити». Затем подвижник бросает мертвого беса в окно, тот оживает и, как пьяный, уходит прочь (Житие Епифания, с. 235).

3. Итог видений – прославление Высших сил:

В Житии Андрея после происшедшего подвижник «дивился... и горячо прославлял милость Бога» (Житие Андрея, с. 338).

В Житии Епифания инок после видения преисполнился «великой радости, и прославих Христа и Богородицу-свѣта» (Житие Епифания, с. 235).

В рассмотренных примерах традиционно представлена исходная ситуация видений – молитвенное состояние тайнозрителей и итог видений с прославлением Высших сил, спасших подвижников от смерти. Наиболее интересна часть сюжета («собственно видение»), в которой разворачивается главное событие – избиение бесов посланцами сакрального мира, и в центре внимания оказывается столкновение персонажей сразу двух миров. В видениях, связанных с земным бытием человека, как правило, является персонаж / персонажи, принадлежащие одному из миров, сакральному либо инфернальному. Рассмотрим сцену избиения бесов.

Обычно в житиях тайнозрителем видений, как в варианте Жития Андрея Юродивого, является святой. В Житии инок Епифания – простой человек. Здесь нужно иметь в виду, что в XVII в., по Д. С. Лихачеву, происходит открытие ценности человеческой и авторской личности и старообрядческие автобиографии этот феномен ярко демонстрируют [Лихачев, 1958, с. 151–161]. Кроме того, в данной сцене исполняет несвойственную функцию Богородица, избивающая беса. В русских сочинениях это обычно функция Николая Чудотворца – скорого на расправу помощника. Вспомним, к примеру, упомянутое ранее явление святого Николая, избивающего бесов палицей, по молитве Юлиании Лазаревской. Заметим, что в Житии Епифания Николай по зову подвижника не является, хотя бес от произнесения его имени исчезает. Вместо него является Богородица. Постараемся далее объяснить, почему.

Идея о возможности мучения бесов восходит к словам Христа о даруемой ученикам власти над бесами (Лк. 10:17–20). В Житии Андрея Юродивого эта идея получает воплощение на примере действий апостола Иоанна Богослова. Из его Жития известен рассказ о его победе над бесами, посылаемыми волхвом Кинопсом, одержанной силой Божьей благодати, проводником которой является Иоанн. В Житии Андрея мощь этой духовной силы продемонстрирована наглядно в сцене физического избиения бесов апостолом. В ее начале апостол Иоанн снимает железную цепь с шеи Андрея, в конце возвращает. Это действие «обрамляет» центральное событие видения, в описании которого присутствуют динамика и яркие детали: «И ста вне врат <речь идет об Иоанне Богослове. – Т. К.> и рече к своим: “Ведите ми я по единому”. Приведоша же и ростягоша по земли. И взем апостол уже железное, прегну натрои, вда ему ран 100. И вопияше же яко человек: “Помилуй мя!”». К этому действию присоединяется и свита апостола: «По ряду же бивше всех, биюще, поведяху биеным и пущеным: “Шедше, покажите себе отцу своему Сотоне, любо ли ему се будет?”» (Житие Андрея, с. 338). Событие избиения бесов, изложенное в форме занимательного и наглядного рассказа, помогает понять простому читателю, насколько высок духовный подвиг Андрея, к которому на помощь является сам Иоанн Богослов. В. П. Адрианова-Перетц, говоря о переводных византийских житиях, замечает, что «назидательной цели житийного повествования не противоречило то, что оно иногда превращалось в увлекательный рассказ о таких событиях жизни святого, которые открывали возможность более глубокого проявления его христианских добродетелей» [Истоки русской беллетристики..., 1970, с. 69]. В Житии инок Епифания сцена мучения беса Богородицей описана, напротив, лаконично: «А Богородица от образа прииде, яко чистая Дѣвица, и наклоняся лицом ко мне, а в руках у себя бѣса мучит, кой меня мучил» (Житие Епифания, с. 235). В исповедальной автобиографии Епифания не может быть установки на «зрелищность» сцены избиения беса, по-

сколько в ней в первую очередь отражается очень чувственный духовный мир героя. Важной его частью являются близкие, почти «человеческие» отношения Епифания с «воляшным медяным» образом Богородицы (сквозная деталь повествования), принесенным иноком из Соловецкого монастыря, в котором он воспитывался. Вспомним, например, что Епифаний может, обращаясь к образу, и упрекать Богородицу, и жаловаться ей одновременно: «Почто мя презираеши и не брежеши мене бѣднаго и грѣшнаго! Я вѣть на Хритса-свѣта и на тебѣ-свѣта надѣяся, миръ оставил и вся, яже в мирѣ, и монастырь оставил и идох в пустыню работати Христу и тебѣ, и всю мою надежду во всем возложил на Христа и на тебѣ. Видиши ли, Владычице моя Богородице, в малѣ вѣть разбойник-от, злодѣй, меня не погубил, а ты не бережеши мене! Богородице, свѣт моя, не покинь мене, бѣднаго раба твоего, обороняй мене от злодѣев тѣх!» (Житие Епифания, с. 234). С образом Богородицы связаны все видения и чудеса в Житии. М. Б. Плехановой отмечено, что «житие продолжает важную для древнерусской словесности традицию: оно повествует о чудесах от иконы Богоматери... Но сравнение с традиционными русскими повествованиями о чудотворных иконах позволяет сразу же различить в Житии Епифания необыкновенную черту: высшие силы небывало близки к Епифанию. Богородица является ему не только иконой, она часто приходит к нему во плоти, щупает его больную руку, говорит с ним» [Пустозерская проза, 1989, с. 35]. Обусловленное мировосприятием главного героя и автора Жития появление Богородицы в рассмотренной сцене избиения беса неслучайно.

Еще одной важной особенностью эпизодов борьбы с духами в Житии Епифания, в отличие от традиционных древнерусских житий, является их описание в реалистичном, «плотском» ключе, что показывает и рассмотренная нами сцена. А. Н. Робинсон назвал это явление «литературной материализацией видений» [1958, с. 211]. Приведем также пример эпизода, в котором сам Епифаний избивает беса: «И приидоша ко мнѣ в келию два бѣса, один нагъ, а другой ф кавтанѣ; и взял доску мою, на нейже почиваю, и начаша мене качати, яко младенца, и не дадаху ми опочинути, играюще бо. И много сего было у них. Аз же, осердяся на них, встал со одра моего скоро и взял бѣса нагово поперекъ посреде его, он же перегнулся, яко мясище нѣкое бѣсовское, и начах его бити о лавку, о коничекъ, и вопиюще сиче къ высотѣ небесней великим голосом: “Господи, помози ми! Пречистая Богородица, помози ми! Святый ангеле мой хранителю, помози ми!”» (Житие Епифания, с. 235). Подобные описания в Житии Епифания отражают бытовые взгляды (близкие к народным) на отвлеченное понятие – телесность бесов (солидная научно-богословская подготовка была только у одного из соиздателей Епифания – дьякона Федора). Заметим также, что в Житии Андрея Юродивого ни у одного из персонажей, участвующих в сцене избиения бесов, признаков телесности нет. Представления автора Жития Епифания, с одной стороны, могут складываться под влиянием визуальных образов. К примеру, в древнерусской иконографии очень распространенным было изображение Никиты-«бесогона», держащего беса за хохол и заносащего правую руку для удара, – одного из наиболее популярных на Руси святых-демоноборцев [Антонов, 2010, с. 70]. С другой стороны, не стоит исключать и влияния византийских сочинений. Весьма вероятно, что, будучи в монастыре, инок Епифаний занимался переписыванием книг: «Об этом свидетельствует сохранившийся даже в тюремных условиях свою калли-

графичность полуустав узника, умение редактировать тексты и делать из написанного полноценные книги» [Виноградов, 2016, с. 85–86]. Некоторые сюжеты вполне могли быть иноком усвоены. Д. И. Антонов считает, что борьба Епифания с духами по натурализму приближается к маририю святой Марины (Маргариты) Антиохийской, вырвавшей у беса полбороды, правое око, затем избившей его медным молотом [Антонов, 2010, с. 68]. Святая мученица Иулиания Никомидийская, победив искушителя, избив его железными оковами, наутро выбросила в кучу грязи на дороге, Епифаний же, продолживший мучить беса после избияния его Богородицей, выкидывает мертвого духа в окно.

Итак, при анализе видений из Житий Андрея Юродивого и инока Епифания выявляются как их типологическое сходство, так и специфические черты, которые заданы традицией, временем создания и прагматической направленностью сочинений. Рассмотренные примеры позволяют проследить эволюцию изображения сцены избияния беса святым в литературном процессе средневековой Руси, свидетельствующую о значительных изменениях жанра видений в переходный период отечественной словесности.

Список литературы

- Антонов Д. И. «Беса поймав, мучаше...». Избиаение беса святым: демонологический сюжет в книжности и иконографии средневековой Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 61–75.
- Виноградов А. В. Соловецкий инок Епифаний: опыт реконструкции биографии // Православие в Карелии: Материалы IV Науч. конф., посвящ. 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии (25–26 ноября 2015 г., Петрозаводск). Петрозаводск, 2016. С. 81–101.
- Истоки русской беллетристики: возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. 597 с.
- Ковалева Т. И. Видения в агиографических памятниках древнерусской литературы XIII–XVII вв.: жанровая эволюция и сюжетосложение: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017. 21 с.
- Ковалева Т. И. Опыт типологии видений в древнерусской агиографии XIII–XVII вв. // Сюжетология и сюжетография. 2019. № 1. С. 87–103.
- Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. 186 с.
- Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006. 430 с.
- Прокофьев Н. И. Видение как жанр в древнерусской литературе // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1964. Т. 231. С. 35–56.
- Пустозерская проза / Сост., предисл., коммент., пер. отдельных фрагментов М. Б. Плюхановой. М., 1989. 364 с.
- Робинсон А. Н. Житие Епифания как памятник дидактической автобиографии // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 203–224.
- Ромодановская Е. К. Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. 391 с.
- Юрганов А. Л. Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени. М., 2006. 433 с.

Список источников

Житие Андрея Юродивого // Библиотека литературы Древней Руси / Подгот. текста, пер. и коммент. А. М. Молдована. СПб., 1999. Т. 2: XI–XII века. С. 330–359; 541–544.

Житие инок Епифания // Библиотека литературы Древней Руси / Подгот. текста и коммент. Н. Ф. Дробленковой, Н. В. Поньрко. СПб., 2013. Т. 17: XVII век. С. 229–254; 580–584.

References

Antonov D. I. “Besa poymav, muchashe...”. Izbiyeniye besa svyatym: demonologicheskii syuzhet v knizhnosti i ikonografii srednevekovoy Rusi [The Beating a Demon by a Saint: Demonological Plot in Literacy and the Iconography of Medieval Russia]. In: *Drevnyaya Rus' [Old Russia. The Questions of Middle Ages]*, 2010, vol. 1 (39), pp. 61–75. (in Russ.)

Istoki russkoy belletristiki: vzniknoveniye zhanrov syuzhetnogo povestvovaniya v drevnerusskoy literature [The Origins of Russian Fiction: The Emergence of Genres of Plot Narration in Old Russian Literature]. Leningrad, 1970, 597 p. (in Russ.)

Kovaleva T. I. Opyt tipologii videniy v drevnerusskoy agiografii XIII–XVII vv. [Experience in the Typology of the Visions in Old Russian Hagiography of the 13th – 17th Centuries]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya [Studies in Theory of Literary Plot and Narratology]*, 2019, no. 1, pp. 87–103. (in Russ.)

Kovaleva T. I. Videniya v agiograficheskikh pamyatnikakh drevnerusskoy literatury XIII–XVII vv.: zhanrovaya evolutsiya i syuzhetoslozhenie [Visions in Old Russian Hagiographic Monuments of the 13th – 17th Centuries: Genre Evolution and Plot Structure]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Tomsk, 2017, 21 p. (in Russ.)

Likhachev D. S. Chelovek v literature Drevney Rusi [The Man in Old Russian literature]. Moscow; Leningrad, 1958, 186 p. (in Russ.)

Pigin A. V. Videniya potustoronnego mira v russkoy rukopisnoy knizhnosti [The Visions of the Otherworld in Russian Manuscript Booklore]. St. Petersburg, 2006, 430 p. (in Russ.)

Prokofiev N. I. Videniye kak zhanr v drevnerusskoy literature [The Vision as a Genre of Old Russian Literature]. In: Scientific notes of the Moscow State Pedagogical Institute. Moscow, 1964, pp. 35–56. (in Russ.)

Pustozerskaya proza [Pustozersk prose]. Comp., preface, comm., translation of certain fragments by M. B. Plyukhanova. Moscow, 1989, 364 p. (in Russ.)

Robinson A. N. Zhitiye Yepifaniya kak pamyatnik didakticheskoy avtobiografii [The Life of Epiphanius as a Monument of Didactic Autobiography]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury [Transactions of the Department of Old Russian Literature]*. Moscow; St. Petersburg, 1958, vol. 15, pp. 203–224. (in Russ.)

Romodanovskaya E. K. Sibir' i literatura: XVII vek [Siberia and Literature: The 17th century]. Novosibirsk, 2002, 391 p. (in Russ.)

Vinogradov A. V. Solovetskiy inok Epifaniy: opyt rekonstruktsii biografii [Solovetsky Monk Epiphanius: Biography Reconstruction Experience]. In: *Pravoslavie v Karelii [Orthodox in Karelia]. Materials of the 4th Scientific Conference to the 25th*

Ковалева Т. И. Из комментариев к типологии видений в древнерусской агиографии

Anniversary of the Revival of Petrozavodsk and Karelian Dioceses (Petrozavodsk, November 25–26, 2015). Petrozavodsk, 2016, pp. 81–101. (in Russ.)

Yurganov A. L. Ubit' besa. Put' ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni [Kill the Devil. The Path from the Middle Ages to the Early Modern Times]. Moscow, 2006, 433 p. (in Russ.)

List of Sources

Zhitie Andrey a Yurodivogo [The Life of Andrew the Fool]. In: Biblioteka literatury Drevney Rusi [The Library of Old Russian Literature]. Prep. of text, trans., comm. by A. M. Moldovan. St. Petersburg, 1999, vol. 2: The 11th – the 12th centuries, pp. 330–359, 541–544. (in Russ.)

Zhitie inoka Epifaniya [The Life of the Monk Epiphanius]. In: Biblioteka Literatury Drevney Rusi [The Library of Old Russian Literature]. Prep. of text, trans., comm. by N. F. Droblenkova, N. V. Ponyrko. St. Petersburg, 2013, vol. 17: The 17th century, pp. 229–254, 580–584. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Ивановна Ковалева, кандидат филологических наук

Information about the Author

Tatyana I. Kovaleva, Candidate of Sciences (Philology)

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2021. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2

Научная статья

УДК 82: 821.161.1

DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-16-31

Заметки к изучению Эдипова сюжета (вопросы генезиса, эволюции, типологии)

Маргарита Николаевна Климова

Томский государственный университет

Томск, Россия

ritabelan.1954@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9997-5179>

Аннотация

Эдипов сюжет, основу которого составляет судьба невольного отцеубийцы и кровосмесителя, – один из самых известных в мировой литературе и фольклоре. Объяснить историю Эдипа и ее сюжетобразующий мотив инцеста пытались представители разных наук – от историков и этнографов до психоаналитиков, но правильно понять и адекватно описать это «многослойное» и изменчивое во времени явление помогут лишь его междисциплинарные исследования. Размышляя над классической работой В. Я. Проппа «Эдип в свете фольклора» (1944), автор статьи предлагает свой опыт структурного анализа знаменитого сюжета, незавершенный предшественником-фольклористом в условиях борьбы с «формализмом» в науке. Нуждается в исторических уточнениях и предложенная Проппом типология обработок сюжета, ибо из-за вневременного подхода ученого к анализируемым материалам она не позволяет судить о его реальной эволюции. Между тем в своем развитии Эдипов сюжет прошел несколько этапов. Его архаичная основа в сказочном виде отражала историческую борьбу разных форм престолонаследования. Ставшая для античного сознания одним из примеров непреодолимой силы рока, история Эдипа обрела свое этическое измерение в трагедиях Софокла. В Средние века она была переосмыслена в духе христианского учения о покаянии и отпущении грехов, став основой ряда легенд о «грешных святых», но позднее утратила актуальность на фоне католической торговли индульгенциями и развития идеи предопределенности у протестантов. Особый малоизученный этап эволюции Эдипова сюжета – период его бытования в России. К восточным славянам он пришел через польское посредство лишь на исходе Средневековья сразу в нескольких версиях и представлен в русской рукописной традиции группой повестей о кровосмесителе. Эти повести активно переписывались на протяжении трех столетий, ушли в восточнославянский фольклор и отразились в произведениях новой русской литературы.

Ключевые слова

международные сюжеты, Эдипов сюжет, инцест, архаичные формы престолонаследования, христианство и литература, древнерусская литература, компаративистика

Для цитирования

Климова М. Н. Заметки к изучению Эдипова сюжета (вопросы генезиса, эволюции, типологии) // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2. С. 16–31. DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-16-31

© Климова М. Н., 2021

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2. С. 16–31

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2, pp. 16–31

Notes to the Study of the Oedipus Plot (Issues of Genesis, Evolution, Typology)

Margarita N. Klimova

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

ritabelan.1954@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9997-5179>

Abstract

The Oedipus plot, which is based on the fate of an involuntary parricide and incestor, is one of the most famous in world literature and folklore. Various scientists from historians and ethnographers to psychoanalysts have tried to explain the story of Oedipus plot and incest as its plot-forming motif, but only interdisciplinary research can help to properly understand and adequately describe this “multi-layered” and time-varying phenomenon. Reflecting on V. Ya. Propp’s classic work “Oedipus in the Light of Folklore” (1944), the author of the article offers his own experience of the structural analysis of the famous plot, unfinished by his predecessor-folklorist due to the struggle against “formalism”. The typology of plot processing, proposed by Propp, also needs historical explicitation, due to the Propp’s timeless approach to the analyzed materials, which does not allow judging its evolution. Meanwhile, the Oedipus plot has passed through several stages in its development. Its archaic basis reflected the historical struggle of different forms of succession in a fabulous way. The story of Oedipus, which became one of the examples of the irresistible power of fate for ancient consciousness, found its ethical dimension in the tragedies of Sophocles. In the Middle Ages it was reinterpreted in the spirit of the Christian doctrine of repentance and absolution, becoming the basis of a number of legends about “sinful saints”, but later it lost relevance against the background of the Catholic trade in indulgences and the development of the idea of predestination among Protestants. A particular understudied stage in the evolution of the Oedipus plot is the period of its existence in Russia. It came to the Eastern Slavs through Polish mediation only at the end of the Middle Ages in several versions at once and is represented in the Russian manuscript tradition by a group of “stories about an incestor”. These stories were actively rewritten for three centuries, went into East Slavic folklore and were reflected in the works of new Russian literature.

Keywords

international plots, Oedipus plot, incest, archaic succession forms, Christianity and literature, Old Russian literature, comparativistics

For citation

Klimova M. N. Notes to the Study of the Oedipus Plot (Issues of Genesis, Evolution, Typology). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 2, pp. 16–31. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-16-31

Эдипов сюжет, основу которого образует судьба невольного отцеубийцы и кровосмесителя, – один из самых знаменитых в мировой литературе и фольклоре. Давший ему название древнегреческий миф из фиванского мифологического цикла [Грейвс, 1992, с. 280–291] был весьма популярен у античных авторов, а в Новое время превзошел все другие мифы по количеству исследований и толкований. Объяснить историю Эдипа и ее сюжетообразующий мотив инцеста пытались представители разных наук, обращаясь для этого к обычаям и верованиям примитивных народов и материалам мирового фольклора, к конкретным событиям

древней истории и разновременным культурным контекстам мифа и даже пытаюсь погрузиться в темные глубины человеческого бессознательного¹. Эти исследования обнаружили «многослойность» изучаемого явления. На наш взгляд, это говорит о необходимости междисциплинарного подхода к решению вопросов его генезиса и эволюции.

Так, по остроумной гипотезе И. Великовского [1996], фабула фиванского цикла отразила реальные события египетской истории, связанные с правлением фараона-реформатора Эхнатона. Определять достоверность предложенных в его книге построений – дело египтологов, но и неспециалист заметит, что автор гипотезы не пытался объяснить египетскую традицию внутрисемейных династических браков, предположив лишь, что Эхнатон заимствовал этот странный обычай у царей-магов Древнего Ирана. Поиск же первоначального значения кровосмесительных браков уводит исследователя в такие глубины праистории, о которой напоминает лишь фольклор народов за пределами античной ойкумены, – например, сибирских хантов [Бурыкин, 2014]. Заметим также, что миф об Эдипе посвящен *случаю*, трагическому и уникальному, приписанный же Эхнатону *обычай* поддерживался в Египте более тысячи лет, почти до начала нашей эры².

Миф об Эдипе не оставался неизменным даже в Греции. Так, Гомер знал эту историю с другим окончанием. Среди вызванных Одиссеем теней Аида упомянута и жена Эдипа, повесившаяся вскоре после свадьбы, когда страшный смысл ее нового брака открылся. Но злосчастный супруг ее велением богов продолжал править Фивами («Одиссея», XI), женился вторично, имел от этого брака детей и, вероятно, пал смертью героя, так как в тризне по нему участвовал один из осаждавших Трою ахейских вождей («Илиада», XXIII).

Свою этическую проблематику этот фаталистический миф обрел в трагедиях Софокла. Невольные преступления героя мифа («Эдипов грех») были невыносимо чудовищными для античного сознания³, поэтому идеальный протагонист «Царя Эдипа» сурово судил себя за них, не пытаясь оправдаться своим былым неведением. Итогом осознания его трагической вины становится акт самоослепления – деяние страшное и многозначное, описанное у Софокла едва ли не впервые в истории сюжета. Герой «Царя Эдипа» объяснял этот поступок остротой своего стыда (он просто не мог бы смотреть в глаза живым и умершим), но этот емкий символ допускает и другие толкования. В нем можно увидеть демонстративный жест отречения от гордыни неполного человеческого знания, попытку приобщения к иной, высшей мудрости, знак мужественного принятия своей судьбы, нако-

¹ Вне зависимости от нашего отношения к теории психоанализа следует признать, что популярность мифа об Эдипе в современном массовом сознании в первую очередь связана с его психоаналитическим «изводом» в работах З. Фрейда и его учеников [Между Эдипом и Озирисом, 1998].

² Практиковали его также в царских домах Древнего Перу и Сиам.

³ Отцеубийство считается одним из тягчайших злодеяний в большинстве культур (в Ветхом Завете, где проклят со всем своим потомством даже непочтительный сын Ноя Хам, оно и вовсе не упоминается). Необъяснимый, почти мистический ужас донине нередко сопровождает в массовом сознании и тему инцеста. У современников Софокла это нарушение древнейшего эротического табу было связано с целым комплексом негативных идей – тиранической власти, запретного / ложного знания и самообожествления [Аверинцев, 1972].

нец, первый **свободный** поступок Эдипа, не предопределенный заранее тяготеющим над ним родовым проклятьем. Но трагический путь героя Софокла продолжается, чтобы завершиться в финале «Эдип в Колоне» его неожиданным апофеозом: очищенный от преступлений страданием, слепой изгнанник таинственно уходил под землю, став после смерти божеством – покровителем Афин. Такой финал связан, вероятно, с изначальной «амбивалентностью» инцеста, участники которого уподоблялись одновременно чудовищам и богам [Левинтон, 1980, с. 544].

Христианское сознание восприняло этот архаичный миф не без труда. Так, в ранневизантийской Хронике Иоанна Малалы (V в.) пересказ истории Эдипа схематичен и лишен моральных оценок. Изменена отчасти и фабула мифа: отец Эдипа убит мятежниками, чудовищная «Сфинга» превращена в атамана разбойников, а главный герой, ослепив себя, сразу умер [Истоки русской беллетристики..., 1970, с. 19–20]. В таком виде древнерусский книжник мог познакомиться с этим мифом еще в домонгольский период, хотя на Руси творение византийского хрониста не пользовалось популярностью.

История падения и восстания злосчастного фиванского царя вновь обрела актуальность в христианских литературах зрелого Средневековья. Введенная в систему координат учения о покаянии и отпущении грехов, она после переосмысления некоторых деталей⁴ стала сюжетной основой ряда легенд о достигшем святости грешнике-кровосмесителе. Популярности таких рассказов, многократно возникавших на христианском Востоке и Западе, способствовала именно тяжесть «Эдипова греха», подчеркивавшая действенность покаяния и милосердие Бога. Но тот же невольный грех мог стать одновременно и символом абсолютного преступления, ибо в одной из средневековых легенд он был приписан Иуде Искариоту. В дальнейшем, по мере развития католического учения о сверхдолжных заслугах святых, реализованного в торговле индульгенциями, и выросшего на их неприятии протестантского догмата о предопределении, истории «грешных святых» утратили злободневность, «законсервированные» на обочине литературного процесса в памятниках низовой культуры. У восточных славян христианская версия Эдипова сюжета появилась лишь на исходе Средневековья, по всей видимости, через польское посредство и сразу в нескольких вариантах. В русской рукописной традиции XVII в. этот сюжет представлен группой повестей о кровосмесителе, в которых в этой роли выступали не только Иуда, но и некий «папа Григорий» и даже православный святой Андрей Критский.

Многообразие обработок Эдипова сюжета привлекло к нему внимание как западных компаративистов [Ellstein, 1986, S. 210–215], так и представителей русских историко-филологической и сравнительно-исторической научных школ [Словарь книжников..., 1989, с. 214–215, 347; 1998, с. 161]. Но особый интерес представляет для нас статья выдающегося советского фольклориста В. Я. Проппа «Эдип в свете фольклора» (1944) [Пропп, 1976, с. 258–299], побуждающая к научному поиску и через много десятилетий после своего появления [Горелов, 1995].

Эта пространная и богатая фактическим материалом статья состоит из двенадцати разделов. В первых двух обоснованы методологические предпосылки ис-

⁴ Исчез при этом и загадочно-зловещий мотив самоослепления героя, воспринятый как экстравагантная форма его самонаказания и замененный описанием причудливых способов епитимьи грешника.

следования, предложена типология обработок сюжета, к которой мы еще вернемся, а также подчеркнута фольклорная основа софоклова «Эдипа», в котором ученый видел «довольно типичную волшебную сказку» [Пропп, 1976, с. 262]. Названия основных эпизодов этой «сказки» стали обозначением остальных десяти разделов, где к каждому из эпизодов приведены обильные, преимущественно фольклорные параллели. Очевиден интерес В. Я. Проппа к структурной организации сюжета, но интерес для времени создания его статьи «крамольный» и потому в тексте ее не прозвучавший. Внутренняя цензура чувствуется и в осторожных, странно нечетких названиях разделов, где, в частности, не упоминается инцест и не раскрыто содержание двух апофеозов героя, из которых первый был его воцарением, а второй – достижением святости. Между тем присутствие внутренней структуры, общей для всех обработок Эдипова сюжета, ощутит любой внимательный читатель этой статьи. Осмелимся предложить опыт реконструкции этой структуры (табл. 1)⁵.

Таблица 1

Типология Эдипова сюжета: структурная организация типов

Table 1

The typology of the Oedipus plot: the structural organization of types

Структурный элемент	Эдип	Андрей Критский	Юда	Григорий	Альбан
Завязка (пророчество / инцест родителей)	+ / –	+ / –	+ / –	– / +	– / +
Удаление младенца	+	+	+	+	+
Воспитание на чужбине	+	+	+	+	+
Возвращение на родину	+	+	+	+	+
Кульминация (исполнение пророчества / инцест героя)	+ / –	+ / –	+ / –	– / +	– / +
Воцарение	+	–	–	+	+
Разоблачение	+	+	+	+	+
Покаяние	+	+	–	+	+
Развязка (достижение святости / гибель)	+ / –	+ / –	– / +	+ / –	+ / –

Начать приходится с частного возражения автору анализируемой работы, ибо, на наш взгляд, структура Эдипова сюжета при совпадении отдельных элементов далеко не тождественна структуре волшебной сказки по Проппу. Впрочем, и сам ученый позднее изменил мнение по данному вопросу, указав в одной из последних своих работ, что «Эдип» последовательно проходит в фольклоре три формы

⁵ Опыт развернутого структурного анализа «Царя Эдипа» Софокла предложен в статье В. Н. Ярхо [1976].

бытования: миф – легенда – сказка [Пропп, 1976, с. 149–150] ⁶. В основу нашей реконструкции положена типовая модель героического мифа, начинающегося сообщением о необычных обстоятельствах зачатия и рождения героя и завершенного описанием его посмертного воздаяния (так организована, например, мифологическая биография Геракла). Предлагаемая нами схема состоит из девяти устойчивых элементов, в целом совпадающих по смыслу со структуризацией софоклова «Эдипа» у Проппа. Опущен лишь элемент «Сфинкс» (т. е. «победа над чудовищем») из-за его факультативности. Из девяти элементов структуры шесть регулярно повторяются в определенном порядке, а три основных, определяющих развитие действия (**завязка**, **кульминация**, **развязка**), реализуются в двух вариантах. Необычные события **завязки** – **пророчество** о предстоящих герою преступлениях – отцеубийстве и браке с матерью или **инцест** его **родителей**, вызывают **удаление младенца** из родного дома и его **воспитание на чужбине**. Но необходимость осуществления пророчества в историях о судьбе делает неизбежным **возвращение** повзрослевшего героя домой, где при разных обстоятельствах, но неотвратимо наступает **кульминация** действия – **исполнение пророчества** или **инцест героя** с неузнанной им матерью. Продолжительное или краткое **воцарение** невольного кровосмесителя заканчивается **разоблачением** его неведомых миру преступлений, он предается **покаянию**. Этому этапу у Софокла соответствует временной интервал между окончанием «Царя Эдипа» и началом «Эдипа в Колоне», у Проппа он не акцентирован, вероятно, по цензурным соображениям. **Развязка** большинства обработок сюжета благополучна: грешный герой прощен и даже достигает **святости**, за исключением изначально обреченного на **гибель** не принесшего покаяние Иуды. Но типовая модель героического мифа допускает и такой вариант развязки, реализуемый в мифологических рассказах о наказании «дерзких» (hybris).

Обратимся теперь к упомянутой ранее типологии Эдипова сюжета [Пропп, 1976, с. 260–261] (см. табл. 1). Сравнивая известные ему обработки сюжета независимо от времени их создания и формы бытования с историей Эдипа у Софокла, ученый выделил четыре основных типа, названные именами героев-кровосмесителей, – «Андрей Критский», «Юда», «Григорий» и «Альбан». Помимо краткой характеристики содержания каждого из типов, типология включает сведения и об ареале их бытования. Дополнив последние собственными познаниями в данном вопросе, мы для наглядности свели собранные материалы в особую таблицу (табл. 2).

Предложенная В. Я. Проппом типология помогает исследователю ориентироваться в обширном массиве разнородных источников, но судить по ней о реальной эволюции Эдипова сюжета нельзя. Препятствие тому – подчеркнуто вневременной взгляд автора типологии на анализируемые им материалы. Так, В. Я. Пропп по формальным признакам называет «наиболее близким к Эдипу» тип «Андрей Критский», тут же отметив локальность его бытования (только

⁶ Возможно, упоминание волшебной сказки должно было лишь осторожно напомнить подготовленному читателю-другу о ранней «формалистической» книге ученого, посвященной «морфологии» этого фольклорного жанра (1928).

у восточных славян⁷, т. е. вдали от античного первоисточника). Кроме того, в другом месте статьи ученый называет характерную особенность типа «Андрей Критский» – перенос действия «исконно царского» Эдипова сюжета в купеческо-мещанскую среду, вторичным изменением. Наша версия генезиса данного типа будет изложена несколько позже.

Таблица 2

Типология Эдипова сюжета: ареалы бытования типов

Table 2

The typology of the Oedipus plot: areas of existence of types

Историческая область	Эдип	Андрей Критский	Юда	Григорий	Альбан
Западная Европа	+	—	+	+	+
Балканские страны	+	—	+	+	—
Египет	+	—	+	+	—
Ближний Восток	?	—	?	+	+
Древняя Русь	+	+	+	+	—

Немаловажной представляется нам и явная неоднородность материалов к Эдипову сюжету у Проппа, четко распадающихся на два структурно сходных, но едва ли родственных варианта. В основе первого из них мотив сбывшегося пророчества о предстоящих герою злодеяниях – отцеубийстве и браке с матерью. Во втором варианте нет ни пророчества, ни отцеубийства, а удаление младенца из родного дома объясняется его происхождением от инцеста близких родственников (брата и сестры, реже отца и дочери). В указателе сказочных сюжетов Аарне-Томпсона эти варианты представлены как два самостоятельных сюжета: АТ № 931 «Кровосмеситель (Андрей Критский)» и АТ № 933 «Кровосмеситель (Папа Григорий)» [Thompson, 1964, p. 328], о чем, впрочем, упоминает и автор «Эдипа в свете фольклора».

Сюжет АТ № 933 (у Проппа ему соответствуют типы «Григорий» и «Альбан») хорошо известен большинству народов Европы и христианского Востока, отмечено также знакомство с ним у мусульман Ирана и восточноевропейских хасидов. О его генезисе в науке доныне ведутся споры (см. [Kroes, 1954; Sparnaau, 1955; Ellstein, 1986; Горелов, 1994, с. 325] и др.). Нам же представляется несомненной его генетическая независимость от античного мифа об Эдипе. Решение вопроса о генезисе сюжета «Папа Григорий», как и большинства архаичных сюжетов с устойчивым мотивом инцеста, осложняется «многослойностью» и изменчивостью во времени изучаемых явлений. Так, часть статей на данную тему посвящена происхождению отдельных мотивов истории папы Григория, другим обработкам того же сюжета неизвестных. К их числу относятся, например, мотивы столкновения

⁷ Впрочем, ученый упоминает и «несколько сокращенную и отличную форму» того же типа у сербов, имея в виду, по всей видимости, баллады о Семене-найденыше [Сербские народные песни..., 1987, с. 144–147], на наш взгляд, относящиеся к другому типу Эдипова сюжета, так как в них нет ни пророчества, ни отцеубийства.

чества героя на скале посреди моря или питания «Григория-столпника»⁸ неким таинственным «млеком земли». Попытки ряда ученых XIX в. связать происхождение этого сюжета с деятельностью папы Григория VII или другими событиями XI в., временем появления французской народной книги «Жизнь папы Григория Великого», по мере погружения в эту проблему теряли убедительность. Выявление же его многочисленных обработок за пределами Западной Европы с героем, носящим иные имена, подкрепляло гипотезы о восточном генезисе данного сюжета.

Поскольку сюжеты с устойчивым мотивом инцеста в структуре в большинстве своем исконно «царские», заслуживают внимания, на наш взгляд, попытки выявить в них отражение исторической борьбы разных форм престолонаследования. Так, брак Эдипа с Иокастой после убийства им Лая иногда трактуют как сказочную трансформацию матрилокальной системы правления, когда молодой царь становится супругом царицы-жрицы лишь на определенный срок, предварительно убив на поединке своего предшественника. Другой отголосок того же принципа передачи власти ученые находят в популярном сказочно-мифологическом мотиве «царь под видом испытания убивает претендентов на руку дочери», ставшем основной завязки истории царевича Аполлония Тирского. Но архаичные формы передачи престола по женской линии были прочно забыты уже в пору оформления греческой мифологии, и история Эдипа стала примером непреодолимой силы рока. Перипетии давних гендерных битв за власть запечатлел, кажется, лишь фрагмент поэтического свода сказаний Древнего Ирана «Шахнаме» Фирдоуси (не позже 1010 г.)⁹. Его герой царевич Дараб, как и другие персонажи обработок сюжета АТ № 933, был плодом инцеста и воспитан вдали от родного дома, но объяснения тому даны совсем иные. В «Шахнаме» стареющий царь женится на своей любимой дочери по древнему пехлевийскому закону (лишенный наследства царевич при этом сразу и навсегда исчезает из действия), а законный плод этого союза отправлен матерью на чужбину потому, что овдовевшая молодая царица решила править единолично. Но сын ее Дараб, повзрослев, возвращается на родину и отстраняет мать от престола, восстанавливая тем самым принцип передачи царской власти по мужской линии. То, что его инцест с матерью при этом удастся предотвратить, комментаторы объясняют нежеланием Фирдоуси портить подобным грехом генеалогию великого Искандера, одним из предков которого считался Дараб. Другие восточные обработки сюжета АТ № 933 (коптская «История царя Армениоса» и арамейское «Сказание об Александре», возникшие не позднее VII в.) принадлежат уже к следующему, христианизированному этапу его эволюции: инцест родителей героя объясняется в них кознями дьявола, а суровый древний рок уступает место милосердному «Божьему радению», ведущему своего избранника к святости путем «падения и восстания». В таком виде сюжет АТ № 933 был занесен в Европу паломниками, где, взаимодействуя с другими «бродячими» сюжетными элементами (например, мотивом «Поликратова перстня»), стал основой одного из вариантов легенд о «грешных святых». Самой популярной из них оказалась история папы Григория, впервые изложенная в упомянутой ранее народной

⁸ Название немецкой поэмы Гартмана фон Ауэ (XIII в.), ставшей основным источником романа Т. Манна «Избранник» (1951).

⁹ В статье В. Я. Проппа дана ошибочная (вероятно, по памяти) отсылка к «1001 ночи».

книге XI в. «Жизнь папы Григория Великого». Ее сокращенный пересказ в составе популярного латинского сборника «Римские Деяния» был переведен затем на большинство европейских языков. «Возвращением к истокам» может показаться упомянутая В. Я. Проппом в качестве особого типа Эдипова сюжета латинская легенда о св. Альбане, герой которой, как и царевич Дараб, был Рожден от инцеста отца и дочери, но прямая генетическая связь этой легенды с фрагментом «Шахнаме» не просматривается. История св. Альбана – искусственно усложненная книжная контаминация нескольких сюжетов, призванная доказать силу покаяния на примере чрезвычайной греховности. Ее заглавный герой, отмаливающий свои и родительские грехи, помимо невольного инцеста с матерью-сестрой по отцу, обременен также убийством родителей в состоянии аффекта, когда те снова впали в блуд во время их совместного покаяния в пустыне.

Сюжетная контаминация мотивов лежит также в основе популярной средневековой обработки сюжета АТ № 931 – Сказания о Иуде Предателе [Книга Иуды, 2006, с. 149–153]¹⁰. По классификации В. Я. Проппа ему соответствует тип «Юда». Эта апокрифическая биография главного евангельского злодея построена по кумулятивному принципу – как цепочка совершаемых героем преступлений, среди которых его «Эдипов грех», из всех тягчайший, предшествует вполне традиционному краткому рассказу о встрече Иуды с Христом, его призвании в апостолы, предательстве и самоубийстве. Кроме истории Эдипа, в жизнеописании Искарота использованы мотивы других античных мифов о сбывшихся предсказаниях (о Парисе и Телегоне), а также библейский сюжет о братоубийстве, уподобляющий героя Каину. Подчеркнуто негативное отношение создателей легенды к заглавному персонажу позволило одному из исследователей объяснить ее появление борьбой раннего христианства против апологии Искарота гностической сектой каинитов [Соловьев, 1895, с. 183–186]. Известное ранним Отцами Церкви гностическое Евангелие Иуды [Книга Иуды, 2006, с. 90] долгие века считалось утраченным, но в конце прошлого столетия его коптскую версию (III–IV вв.) обнаружили в составе так называемого Кодекса Чакос. От издания этого таинственного евангелия многие ожидали неких зловещих откровений, посягающих на самые основы христианства. Но пресловутый текст оказался лишь туманным изложением бесед Иисуса с Его ближайшим учеником Иудой о тайнах мироздания и предстоящей этому ученику высокой миссии освобождения Учителя из тюрьмы его тела [Там же, с. 112–125]. Не вдаваясь в анализ типично гностических идей этого сочинения, отметим, что ни прошлое, ни моральный облик Иуды его автора не интересуют, так что наивные «разоблачения» легенды об Иуде-Эдипе, участвуя они в полемике с гностиками, явно «били бы мимо цели». На наш взгляд, «Иудина биография» была придумана много позднее, в христианской литературе зрелого Средневековья для удовлетворения естественного интереса верующих к личности и жизни одного из самых загадочных евангельских персонажей. Показательным в этом плане видится нам композиционное сходство и совпадение ряда мотивов Сказания Иеронима со средневековой «биографией» Понтия Пилата [Грабарь-Пассек, 1972], его возможным сюжетным образцом и отчасти источником. Хотя история Иуды-Эдипа, включенная в народную книгу западного христианства «Золотая легенда» Иакова Ворегинского (XIII в.), была

¹⁰ В Древней Руси эту легенду ошибочно приписали блаженному Иерониму.

известна по всей Европе, художественное несовершенство этого наивного сочинения бросается в глаза. Нагромождение грехов заглавного персонажа явно избыточно, а невольность «Эдипова греха» Иуды плохо согласуется с его изначально негативной трактовкой. К тому же включение Иуды Христом в число апостолов, как и у других Его учеников (например, Матфея-мытаря), подразумевало отпущение его прежних грехов. Эти противоречия Сказания способствовали невольному смягчению образа легендарного предателя в отдельных списках и фольклорных пересказах легенды, возвращая ее в магистральное русло эволюции сюжета.

Последний из выделенных В. Я. Проппом типов Эдипова сюжета – «Андрей Критский», в наиболее чистом виде представлен одноименной древнерусской повестью, старейший список которой датирован концом XVI в. [Гудзий, 1915, с. 30–34]. По признакам, положенным в основу типологии, этот тип кажется наиболее близким к античному источнику-мифу, но детальное изучение мотивной структуры этого произведения выявляет его компилятивную природу и явную вторичность. Уже первые исследователи памятника заметили, что в сюжетном отношении он представляет собой странное соединение историй Иуды-Эдипа и папы Григория. Взяв за основу схему апокрифической биографии евангельского предателя, создатель Повести переосмыслил ее в духе догмата о покаянии и отпущении грехов, что потребовало радикального пересмотра ряда эпизодов¹¹ и замены финала, заимствованного из Повести о папе Григории. Но «Эдипова греха» для своего героя автору Повести почему-то показалось мало, и он добавил к ним кощунственные эпизоды соращения Андреем воспитавших его монахинь и убийства трех священников, отказавших ему в покаянии (эти эпизоды находят параллели в легендах о разбойниках). Особенно странно то, что всё это нагромождение осознанных и невольных грехов приписано в Повести святителю Андрею Критскому. Официальное житие этого поборника Православия и церковного писателя никаких греховных эпизодов не содержит, зато истово и красноречиво признается в своих бесчисленных преступлениях безымянный грешник, от лица которого читается во время великопостной службы главное творение святителя – его Великий (или Покаянный) канон. Хотя «первое лицо» в этом тексте подразумевало «человека вообще», бесконечно виновного пред Богом, в восприятии некоторой части слушателей герой канона был неотделим от его автора. Многословные признания лирического героя канона, переполненные не всегда понятными намеками на различные эпизоды библейской истории, стимулировали воображение любопытных мирян. Это создавало предпосылки к появлению новой, апокрифической биографии автора канона, превращенного вольномыслием слушателей в грешника-кровосмесителя. О Великом каноне как одном из возможных источников Повести об Андрее Критском писали А. Н. Веселовский и Н. К. Гудзий, детальное же сравнение словесной ткани обоих памятников выявило многочисленные заимствования из канона на всех уровнях текста Повести [Климова, 2006].

¹¹ Ср., например, обстоятельства невольного отцеубийства, совершенного заглавными героями Сказания и Повести: Иуда по приказу Пилата ворует яблоки в чужом саду и в драке убивает владельца сада, заставшего его на месте преступления; Андрей же, нанятый охранять чужой сад, по ошибке ночью стреляет в хозяина, пришедшего его проверить, приняв того за вора.

Заметки к изучению одного из самых известных сюжетов мировой литературы хотелось бы закончить краткой характеристикой донныне малоизученного этапа его эволюции. Этап этот связан с бытованием Эдипова сюжета в России, в своем начале был представлен, как уже говорилось, группой повестей о кровосмесителе¹². Христианская вариация истории Эдипа пришла к восточным славянам довольно поздно, сохранившись на Западе к этому времени лишь на периферии европейского литературного процесса, в памятниках массовой культуры. Впрочем, книжники переходного периода русской литературы, как правило, знакомили соотечественников с наиболее традиционными и даже несколько устаревшими явлениями современной им западной словесности (с таким же опозданием пришел на Русь, например, рыцарский роман). Огромным успехом у русских читателей пользовались и средневековые новеллистические сборники (Великое Зерцало, Римские Деяния и пр.), соединявшие назидательность идеи с событийной занимательностью. Роль посредницы играла в это время литература соседней Польши, язык которой стал одним из языков русской культуры переходного периода. Поэтому, например, польские печатные издания Римских Деяний не были редкостью в частных книжных собраниях русского XVII в. [Ромодановская, 2009, с. 10]. Именно из фонда традиционных памятников западной литературы отечественная словесность в пору ее неспешного превращения в литературу современного типа получила первые образцы «неполезного», беллетристического повествования, по ним знакомила своих читателей с многими сюжетами и мотивами мировой культуры.

Повести о кровосмесителе были популярным чтением наших соотечественников на протяжении нескольких столетий. Русских читателей неизменно привлекали драматизм и исключительность описанных в них событий, удачное соединение поучения и занимательности. Неизменно близка русскому сознанию была также идея силы покаяния и милосердия Бога, значение которой особенно возрастало в кризисные моменты российской истории. Списки повестей о кровосмесителе есть практически в любом славянском древлехранилище, встречаются они время от времени и среди археографических находок. Поэтому количество их выявленных на данный момент рукописных версий (около 100 списков Сказания Иеронима, более 130 «Папы Григория» и 54 списка «Андрея Критского») едва ли можно считать окончательным. Текстология и литературная история повестей изучена также недостаточно. Это в известной мере справедливо даже для Повести об Андрее Критском, текстология которой проведена с привлечением всех доступных ее списков. Дело в том, что, не образуя цикла, все три памятника этой группы сосуществовали в рукописной традиции в тесном взаимодействии на всех уровнях текста: от единичных лексических вкраплений до образования сложных сюжетных контаминаций промежуточного характера. Поэтому сколь угодно детальное изучение любого из них без учета остальных обречено на неполноту и даже искажение реальной картины его бытования. Менее всего изучен момент их появления на русской почве. Так, применительно к истории Сказания Иеронима, помимо требующей проверки информации из библиографии А. А. Назаревского о списке памятника XVI в. [Назаревский, 1955, с. 104], известно лишь, что текст его слабо

¹² Это обозначение принадлежит первому публикатору рукописных текстов «Андрея Критского» и «Папы Григория» Н. И. Костомарову (1860).

поддавался изменениям, что объясняется, вероятно, его внешней близостью к евангельским событиям. Однако уже в середине XVII в. возникает авторская Особая редакция Сказания, в сюжетном отношении представляющая собой его вольный пересказ с использованием мотивов других повестей о кровосмесителе [Климова, 1990]. Что касается истории папы Григория, то к восточным славянам она приходила несколько раз и, возможно, задолго до ее перевода в составе польской версии сборника Римские Деяния (70-е гг. XVII в.). Известен, например, сокращенный украинский перевод соответствующего рассказа польского сборника, сделанный в 1660 г. шаргородским священником Григорием. Кроме того, 47 из 60 просмотренных нами списков Повести о папе Григории принадлежат к различным вариантам ее более лаконичной Краткой редакции, известной уже в первой половине XVII столетия. Происхождение редакции пока неясно, но по своему содержанию она соотносится с редакцией Римских Деяний как ее вольный сокращенный пересказ с последовательным упрощением некоторых сюжетных ходов и отдельных подробностей и унификацией реалий западного быта.

Особый интерес представляет вопрос генезиса Повести об Андрее Критском. Большинство дореволюционных исследователей (Н. И. Костомаров, А. Н. Веселовский, М. П. Драгоманов и др.) считали ее источником несохранившийся греческий оригинал, пришедший на Русь, возможно, через южнославянское посредство. Н. К. Гудзий, напротив, аргументированно доказывал возможность создания Повести русским книжником [Гудзий, 1915]. Возобновленное в последней четверти XX в. всестороннее изучение этого произведения подтвердило правоту гипотезы Гудзиева, подкрепив ее свежими аргументами. Например, незаслуженное обвинение св. Андрея Критского в «Эдиповом грехе» выросло не только из нескольких буквального понятых метафор Великого канона, но объясняется также погрешностями его славянского перевода. Появление «подложного» жития этого православного святого удачно вписывается в контекст явлений русской культуры XVI в., отмеченных печатью «вольного» отношения к сакральным темам и образам. К этому же времени относится и случай «светского» использования текста Великого канона во вступительной части завещания царя Ивана Грозного [Климова, 2006, с. 113–115]. Еще одной особенностью этого памятника являются преувеличение и полемическое заострение темы покаяния, общей для большинства средневековых обработок Эдипова сюжета. По ходу повествования здесь грешат, каются и спасаются (каждый сам по себе), помимо заглавного героя, его мать и соблазненные им монахини. Но тот же тезис о милосердии Бога и силе покаяния выступает в тексте Повести также орудием обольщения нетвердой в догматике игуменьи или аргументом «богословского диспута» Андрея с отказавшим ему в прощении попом. Хотя кончался этот «диспут» убийством «оппонента», благодатный финал Повести подтверждал правоту доводов Андрея, оправдывая тем самым и насильственную смерть «недостойного пастыря». Впрочем, судя по выразительным пометкам на полях рукописей, «сомнительность» этого сочинения ощущали и некоторые его читатели. Показательно также, что начальный период его истории, кроме его не поддержанного традицией древнейшего списка, представлен несколькими фрагментами Повести, уцелевшими из-за другого текста на обороте листа. Первый полный список ее основной Распространенной редакции (Б-ка МГУ, № 2Ес87) относится к середине XVII в. Очевидны попытки осознанного изыятия «неполезного» сочинения из рукописной традиции. Отметим также,

что на исходе русского Средневековья формируется один из фундаментальных мифов нашего национального сознания, избравший в качестве основного направления исканий русской души путь падения и восстания великого грешника. Псевдожитие св. Андрея Критского – одно из ранних художественных воплощений этого мифа.

Древнерусские повести на Эдипов сюжет оставили заметный след в отечественной культуре. Все три памятника этой группы, продолжая взаимодействовать на разных уровнях их текстов, активно переписывались более трехсот лет. Их рукописная традиция весьма разнообразна и представлена многочисленными редакциями и вариантами. В изменениях, вносимых переписчиками в исходные тексты, можно заметить две противоположно ориентированные тенденции. На заре отечественной беллетристики обработки Эдипова сюжета успешно удовлетворяли потребность невзыскательного российского читателя в чтении не столько «душеполезном», сколько увлекательном, волнующем воображение и чувства. Примечательны неоднократные попытки пересказа историй «святых кровосмесителей» на разных языках отечественной культуры переходного периода – «былинным складом», в виде галантной «гистории», лаконичной устной легенды, затейливой сказки и т. п. Не отвращали от себя эти повести и ревнители старой веры, охотно включавших их в состав традиционных «душеполезных» сборников, ведь христианская направленность этих удивительных историй казалась очевидной, и даже «сомнительность» воплощения идеи покаяния в Повести об Андрее Критском была надежно защищена в глазах старообрядцев дониконовской древностью этого сочинения. Пытаясь вернуть псевдожитие критского святителя в русло традиционной агиографии, книжники-староверы вносили в его текст множество мелких исправлений и дополнений, но посягнуть на его основную сюжетную линию или непривычную трактовку идеи покаяния даже не пытались.

Рано ушли повести о кровосмесителе и в восточнославянский фольклор, соседствуя с издавна бытовавшими там, как и повсюду в Европе, трагическими балладами об инцесте. Ареал прозаических народных рассказов о кровосмесителях простирается от западных регионов бывшей Российской империи до Забайкалья. Первую запись такого рода сделал в 30-х гг. XIX в. ссыльный поэт-декабрист В. К. Кюхельбекер, последнюю по времени привезла археографическая экспедиция 1997 г. к старообрядцам Кемеровской области. Большая часть (17 из 25) устных обработок Эдипова сюжета, бытующих в восточнославянском фольклоре в виде легенд и новеллистических сказок, относится к типу «Андрей Критский». В новеллистических сказках об инцесте герой утрачивает не только имя, превратившись в гонимого судьбой безымянного сироту, но и свою финальную святость, так как сюжет получает мелодраматическую или бытовую развязку.

Рукописные и фольклорные истории «святых кровосмесителей» отразились и в новой русской литературе, став одним из источников, питавших упомянутый ранее национальный миф о покаянии великого грешника. Влияние повестей о кровосмесителе можно найти в таких разных произведениях русских авторов, как повесть Н. В. Гоголя «Страшная месть», «Баргузинская сказка» и мистерия «Ижорский» В. К. Кюхельбекера, поэма К. К. Случевского «В снегах», «Трагедия о Иуде, принце искаротском» А. М. Ремизова, рассказ М. Горького «Отшельник». Наконец, уже в новом тысячелетии поэтесса Н. Мартишина написала странное стихотворное переложение Повести об Андрее Критском.

Список литературы

- Аверинцев С. С. К истолкованию символики мифа об Эдипе // Античность современность: К 80-летию Ф. А. Петровского. М., 1972. С. 90–102.
- Бурыкин А. А. Эдип в свете этнографии. Хантыйские сказки и древнегреческий миф // Вестник угроведения. 2014. № 3 (18). С. 17–27.
- Великовский И. Эдип и Эхнатон. Ростов н/Д, 1996. 606 с.
- Горелов Н. «Эдип в свете фольклора» через пятьдесят лет // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., 1995. Вып. 8–9. С. 323–326.
- Грабарь-Пассек М. Е. Средневековая латинская поэма о Понтии Пилате // Античность и современность: К 80-летию Ф. А. Петровского. М., 1972. С. 410–417.
- Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992. 620 с.
- Гудзий Н. К. К легендам о Иуде Предателе и Андрее Критском // Русский филологический вестник (Варшава). 1915. № 1. С. 3–304.
- Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л.: Наука, 1970. 597 с.
- Климова М. Н. Особая редакция Сказания Иеронима о Иуде Предателе // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 123–128.
- Климова М. Н. Великий канон Андрея Критского как источник его апокрифического жития // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 107–117.
- Книга Иуды: Антология. СПб.: Амфора, 2006. 430 с.
- Левинтон Г. А. Инцест // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 545–547.
- Между Эдипом и Озирисом: становление психоаналитической концепции мифа. Львов: Инициатива; Москва: Совершенство, 1998. 512 с.
- Назаревский А. А. Библиография древнерусской повести. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 192 с.
- Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М.: Наука, 1976. 325 с.
- Ромодановская Е. К. Римские Деяния на Руси: Вопросы текстологии и русификации. М.: Индрик, 2009. 966 с.
- Сербские народные песни и сказки из сборника Вука Стефановича Караджича. М., 1987.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2; 1998. Вып. 3, ч. 3.
- Соловьев С. Историко-литературные этюды: к легендам об Иуде-предателе. Харьков, 1895. Вып. 1.
- Ярхо В. Н. «Эдипов комплекс» и «Царь Эдип» Софокла (О некоторых психоаналитических интерпретациях древнегреческой трагедии) // Вопросы литературы. 1976. № 10. С. 189–213.
- Ellstein Y. The Gregorius Legend: Its Versions and Its Metamorphosis in the Hassidic Tale // Fabula. 1986. Bd. 27, Ht. 3–4. S. 195–215.
- Kroes H. W. J. Die Gregoriuslegende // Neophilologus. 1954. № 38. S. 169–175.
- Sparnaay H. Zum Gregorius // Neophilologus. 1955. № 39. S. 16–23.

Thompson S. The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's "Verzeichnis der Märchentypen" (FFC № 3) translated and enlarged. Helsinki, 1964.

References

Averintsev S. S. K istolkovaniyu simboliki mifa ob Edipe [To the interpretation of the symbolism of the myth of Oedipus]. In: *Antichnost' i sovremennost': K 80-letiyu F. A. Petrovskogo* [Antiquity and modernity: To the 80th anniversary of F. A. Petrovsky]. Moscow, 1972, pp. 90–102. (in Russ.)

Burykin A. A. Edip v svete etnografii. Khantyyskie skazki i drevnegrecheskiy mif [Oedipus in the light of ethnography. Khanty Tales and Ancient Greek Myth]. *Bulletin of Ugric Studies*, 2014, no. 3 (18), pp. 17–27. (in Russ.)

Ellstein Y. The Gregorius Legend: Its Versions and Its Metamorphosis in the Hasidic Tale. *Fabula*, 1986. Bd. 27, Ht. 3–4, S. 195–215.

Gorelov N. "Edip v svete fol'klora" cherez pyat'desyat let ["Oedipus in the light of folklore" in fifty years]. In: *Kunstkamera: Etnograficheskie tetradi* [Kunstkamera: Ethnographic notebooks]. St. Petersburg, 1995, iss. 8–9, pp. 323–326. (in Russ.)

Grabar-Passek M. E. Srednevekovaya latinskaya poema o Pontii Pilate [Medieval Latin Poem about Pontius Pilate]. In: *Antichnost' i sovremennost': K 80-letiyu F. A. Petrovskogo* [Antiquity and Modernity: To the 80th Anniversary F. A. Petrovsky]. Moscow, 1972, pp. 410–417. (in Russ.)

Graves R. Mify Drevney Gretsii [Myths of Ancient Greece]. Moscow, Progress Publ., 1992, 620 p. (in Russ.)

Gudziy N. K. K legendam o Iude Predatele i Andree Kritskom [To the legends about Judas the Traitor and Andrew of Crete]. *Russian Philological Bulletin* (Warsaw), 1915, no. 1, pp. 3–304. (in Russ.)

Istoki russkoy belletristiki: Vozniknovenie zhanrov syuzhetnogo povestvovaniya v drevnerusskoy literature [The origins of Russian fiction: The emergence of genres of storytelling in ancient Russian literature]. Leningrad, Nauka, 1970, 597 p. (in Russ.)

Klimova M. N. Osobaya redaktsiya Skazaniya Ieronima o Iude Predatele [A special edition of the Legend of Jerome about Judas the Traitor]. In: *Obshchestvennoe soznanie, knizhnost', literatura perioda feodalizma* [Public consciousness, booklore, literature of the period of feudalism]. Novosibirsk, 1990, pp. 123–128. (in Russ.)

Klimova M. N. Velikiy kanon Andrey a Kritskogo kak istochnik ego apokrificheskogo zhitiya [The Great Canon of Andrew of Crete as a source of his apocryphal life]. In: *Obshchestvennoe soznanie naseleniya Rossii po otechestvennym narrativnym istochnikam XVI–XX vv.* [Public consciousness of the population of Russia according to domestic narrative sources of the 16th – 20th centuries]. Novosibirsk, 2006. pp. 107–117. (in Russ.)

Kniga Iudy [The Book of Judas]. An Anthology. St. Petersburg, Amphora Publ., 2006, 430 p. (in Russ.)

Kroes H. W. J. Die Gregoriuslegende. *Neophilologus*, 1954, no. 38, S. 169–175.

Levinton G. A. Intsest [Incest]. In: *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Encyclopedia. In 2 vols. Moscow, 1980, vol. 1, pp. 545–547. (in Russ.)

Mezhdru Edipom i Ozirisom: stanovlenie psikhoanaliticheskoy kontseptsii mifa [Between Oedipus and Osiris: The Rise of the Psychoanalytic Concept of Myth]. Lvov, Moscow, 1998, 512 p. (in Russ.)

Nazarevskiy A. A. Bibliografiya drevnerusskoy povesti [Bibliography of the Old Russian story]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1955, 192 p. (in Russ.)

Propp V. Ya. Fol'klor i deystvitel'nost': Izbrannye stat'i [Folklore and reality: Selected articles]. Moscow, Nauka, 1976, 325 p. (in Russ.)

Romodanovskaya E. K. Rimskie Deyaniya na Rusi: Voprosy tekstologii i rusifikatsii [Roman Acts in Russia: Questions of textology and Russification]. Moscow, Indrik Publ., 2009, 966 p. (in Russ.)

Serbskie narodnye pesni i skazki iz sbornika Vuka Stefanovicha Karadzichica [Serbian folk songs and tales from the collection of Vuk Stefanović Karadžić]. Moscow, 1987. (in Russ.)

Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi [Dictionary of scribes and booklore of Ancient Russia]. Leningrad, 1989, iss. 2, pt. 2; 1998, no. 3, pt. 3. (in Russ.)

Soloviev S. Istoriko-literaturnye etyudy: k legendam ob Iude-predatele [Historical and literary studies: to the legends of the traitor Judas]. Kharkov, 1895, iss. 1. (in Russ.)

Sparnaay H. Zum Gregorius. *Neophilologus*, 1955, no. 39, S. 16–23.

Thompson S. The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's "Verzeichnis der Märchentypen" (FFC № 3) translated and enlarged. Helsinki, 1964.

Velikovskiy I. Edip i Ekhnaton [Oedipus and Akhenaten]. Rostov on Don, 1996, 606 p. (in Russ.)

Yarkho V. N. "Edipov kompleks" i "Tsar' Edip" Sofokla (O nekotorykh psikhoanaliticheskikh interpretatsiyakh drevnegrecheskoy tragedii) ["Oedipus complex" and "King Oedipus" by Sophocles (On some psychoanalytic interpretations of ancient Greek tragedy)]. *Voprosy literatury*, 1976, no. 10, pp. 189–213. (in Russ.)

Информация об авторе

Маргарита Николаевна Климова, кандидат филологических наук

Information about the Author

Margarita N. Klimova, Candidate of Sciences (Philology)

Научная статья

УДК 821.161.1 + 82.0

DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-32-89

**«Ведь если верить Льву Толстому...»:
«Война и Мир» Д. Д. Минаева и М. С. Знаменского**

Алексей Евгеньевич Козлов

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Аннотация

Рассматривается один из вариантов «семантической жизни» сюжета романа Л. Н. Толстого «Война и мир» – стихотворная пародия Д. Д. Минаева, формально ориентированная на поэму М. Ю. Лермонтова «Бородино», и стихотворно-рисовальное попури М. С. Знаменского (сочиненное при участии В. С. Курочкина). Синхронно со своим появлением роман Толстого вызвал не только оценки и интерпретации в критике толстого журнала, но и стал объектом пародирования в сатирических еженедельниках. Прагматика пародий и иронических выпадов при этом объясняется желанием дискредитировать роман как продукт «Русского вестника», чья идеология и сюжет якобы были обусловлены консервативными взглядами М. Н. Каткова.

В приложениях приводится текст пародии Д. Д. Минаева с комментарием и пояснением и карикатурный цикл М. С. Знаменского, позволяющий составить представление об анекдотическом потенциале романа, ставшего в дальнейшем неотъемлемой частью русского литературного канона.

Ключевые слова

Толстой, Минаев, теория пародии, классика и беллетристика, вторичность и альтернативность, карнавализация, гротеск, травестия

Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке гранта президента РФ (МК-841.2020.6 «Искра» (1859–1873) как энциклопедия русской жизни: издательские практики, сюжетные механизмы и жанровые модификации))

Для цитирования

Козлов А. Е. «Ведь если верить Льву Толстому...»: «Война и Мир» Д. Д. Минаева и М. С. Знаменского // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2. С. 32–89. DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-32-89

© Козлов А. Е., 2021

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2. С. 32–89

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2, pp. 32–89

**“War and Peace” as Dmitry Minaev’s
and Mikhail Znamensky’s Pastiche:
Cartoons and Parodies in the Satirical Weeklies**

Alexey E. Kozlov

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation
alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Abstract

One of the variants of the “semantic life” of the plot of the novel by Leo Tolstoy’s “War and Peace” is a poetic parody of Dmitry Minaev formally focused on the poem “Borodino” by Mikhail Lermontov. Simultaneously with its appearance, Tolstoy’s novel aroused not only evaluations and interpretations in the criticism of the magazines, but also became the object of parody in satirical weeklies. The pragmatism of parodies and satirical attacks is explained by the desire to discredit the novel as a product of the “Russian Bulletin”, whose ideology and plot were allegedly due to the conservative views of Mikhail Katkov. The annexes to the article contain the text of a parody by Dmitry Minaev with commentary, as well as cartoons, allowing get an idea of the anecdotal potential of the novel, which later became an constant key text of the Russian literary canon.

Keywords

Tolstoy, Minaev, theory of parody, classics and fiction, secondary and alternativeness, carnivalization, grotesque, travesty

Acknowledgments

The research was supported by a grant from the President of the Russian Federation to support young scientists (MK-841.2020.6 “Iskra (1859–1873) as Encyclopedia of Russian Life: publishing practices, plot mechanisms, genre modifications”

For citation

Kozlov A. E. “War and Peace” as Dmitry Minaev’s and Mikhail Znamensky’s Pastiche: Cartoons and Parodies in the Satirical Weeklies. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 2, pp. 32–89. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-32-89

Трансформации сюжетов классической литературы в культурном пространстве далеко не всегда свидетельствуют об «эрозии» нормативного порядка и «усталости» памяти культуры [Дубин, 2010]. В самом процессе появления анекдотических, юмористических и абсурдистских вариаций на классические темы отражается живое читательское восприятие, зачастую не настроенное на принятие таких презумпций, которые создают вокруг произведения и его творца некоторый ореол. Пародии, фельетоны и стилизации, пародические пересказы в литературной критике [Ямпольский, 1964; Румянцева, 2007; Печерская, 2015], шаржи и карикатуры [Altick, 1997; Vasilenko, 2021] продолжают семантическую жизнь сюжета [Чумаков, 1999], «адсорбируя» и «катализируя» первые читательские оценки. Этот тезис мы проиллюстрируем, обратившись к стихотворной пародии Д. Д. Минаева «Война и мир: подражание Лермонтову и графу Льву Толстому» и литературно-рисовальному поурри М. С. Знаменского, составленному при участии В. С. Курочкина.

Пародия Минаева, действительно, метрически ориентированная на «Бородино», представляет собой во многом типичное для «Искры» явление. Постоянные сотрудники этого сатирического еженедельника: Н. С. и В. С. Курочкины, П. И. Вейнберг, В. П. Буренин и мн. др., обращаясь к традиционным и опознаваемым ритмам классической русской поэзии (лирика В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Фета, Н. А. Некрасова, гексаметры «Илиады» и «Одиссеи», фольклорные стилизации), использовали форму произведения как средство литературной борьбы [Ямпольский, 1964; Целикова, 2007]. При этом индивидуально-авторские особенности, как правило, нивелировались, уступая место усредненной личности пародиста и стилизатора [Козлов, 2020]. «Искра», по справедливому замечанию Н. К. Михайловского, становилась «вывеской», объединяющей всех временных и постоянных сотрудников под единым «знаменем» (стиля, формы и идеологии).

Объектом нападок «Искры» становились не только эпизоды внутренней и внешней политики, но и прецедентные тексты, особенно «Отцы и дети» и «Дым» И. С. Тургенева, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, проза Л. Н. Толстого. Дополнительное напряжение этим пародиям сообщали публицистические выступления писателей: миниатюра Тургенева «Довольно», «Несколько слов по поводу „Войны и мира“» Толстого, публицистика «Времени» и «Эпохи». Пародии и стилизации превращали эти тексты в события повседневности, давали возможность их фамильярного и неформального прочтения. Значимость плана выражения, а не плана содержания, моментальный, сиюминутный характер отзыва [Силантьев, 2006] определяли злободневность пародийных текстов.

В частности, пародии Д. Д. Минаева, опубликованные им под разными псевдонимами, компилировали идеологический материал, адаптированный для демократического читателя. Несмотря на то, что его пародии неоднократно переиздавались отдельными книгами, они не имели такого резонанса, как первые публикации на страницах «Искры».

Пародия на «Войну и мир» Л. Н. Толстого была подготовлена серией шаржей и карикатур, направленных на дискредитацию книги как продукта порицаемой и отрицаемой аристократической культуры.

Война и мир (иллюстрированные заметки)*

* Просим извинения у гр. Толстого. Подробный художественный разбор его, бесспорно, великого произведения за нами (Искра. 1868. № 16. С. 194).

Рис. I. Война как ее понимали в начале, и мир, как его понимают во второй половине XIX столетия, – предмет, вызывающий на размышления! Современный читатель бросается читать роман гр. Толстого, в надежде найти в нем ответ на роковые вопросы. Увы! Вместо ответа граф-художник дает читателю только картины, одне картины!

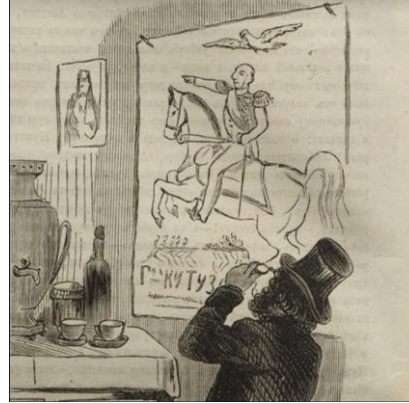

Рис. II. Самая мысль о создании эпопеи посетила автора на почтовой станции при рассмотрении им хорошо известной всем проезжим картины. Ряд подобных картин под громким заглавием «Война и мир», в четырех частях, продается во всех книжных лавках за 7 рублей (безделица!). Торопитесь покупать! Цена, говорят, ввиду громадного спроса, учетверится!

Рис. III. Литературные источники и художественные оригиналы, послужившие автору материалами при создании эпопеи. Среди материалов: Английский Милорд Георг, Рославлев, или Русские в 1812 году

Рис. IV. Увы! Скромные оргии в отдельных комнатах Дюссо и Бореля дали автору только бледные копии с величественных оригиналов времен героических, Испивавших ковшами И сидевших вокруг огня С красно-сизыми носами.

Разделение мнений и оценок в отношении героев произведения отразило спор об идентичности, вспыхнувший с новой силой между представителями дворянской и разночинской культуры. Если первые преимущественно видели в романе «изящную отделку», «диораму русской жизни»¹ (П. В. Анненков), находя в героях «дедов и прадедов»² (Н. Д. Ахшарумов), то вторые предпочитали сравнивать стиль романа с рассказами «речистого офицера» (В. А. Зайцев), отмечая «изящную отделку изящных уродов» (Б. В. Берви-Флеровский). Сходным образом оценивал роман и обозреватель «Искры»:

Новый роман «Война и Мир» есть не что иное, как рассказ о двух сражениях – Аустерлицком и Бородинском. В антрактах между этими сражениями какие-то миленькие офицерики влюбляются в не менее миленьких барышень, а старики очень дурно говорят по-французски, а гр. Толстой в выносках переводит их слова на русский язык.

Полюбивши барышень и поболтавши по-французски, офицерики начинают сражаться с французами, но как прежде не умели осилить французского языка, так на сражении не умеют осилить французского воинства³.

Эти оценки Д. Д. Минаев умножает и популяризирует, доводя до абсурда стиль и характерологию исходного текста. Его пародия заключает в себе ряд содержательных особенностей. Во-первых, в небольшом и заведомо вторичном тек-

¹ «Что может сравниться со сладостным ощущением – оказаться потомством в отношении людей, живших 50–60 лет тому назад? Мы разумею – оказаться потомством не в смысле позднейшего рождения, а в смысле признанного и единственного решителя всех их споров. Какое наслаждение сознать себя внезапно этим потомством и получить неожиданно его права, как будто вся предварительная работа по определению и характеристике людей и событий уже кончена до нас; все документы для их классификации собраны и взвешены; недоразумения, наговоры, ошибочные воззрения оценены по достоинству; страсти, стремления и интересы нового времени, всегда судящего о ближайших своих предшественниках по собственным своим нуждам, устранены из оценки, и мы можем уже смело развивать одну черту в облике исторического деятеля, какую выберем, и одну подробность в историческом событии, какая встретится, не опасаясь извратить их понимание и представление у наших современников. С этим гордым ощущением нашего неожиданного производства в потомство ничего сравнить нельзя по его едко-приятному вкусу» (Анненков П. В. Исторические и эстетические вопросы в романе графа Л. Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Европы. 1868. № 2. С. 785).

² «В заключение повторим, что автор нам оказал большую услугу. Он воскресил перед нами наших отцов и дедов. Мы видим их перед собою, в его рассказе, живых, молодых, полных здоровья и силы; видим их в обществе и у домашнего очага, в сельской тиши и в вихре столичной жизни, в мире и на войне; видим и всматриваемся с тем теплым чувством сыновней любви и сердечного любопытства, с каким мы впились бы глазами в случайно отысканный у кого-нибудь из родных портрет нашей матери или отца в полном цвете их молодого возраста. Мы никогда их не видали такими или не помним, по крайней мере. Мы их привыкли видеть в болезни и старости, страдающими, сморщенными, усталыми, схоронившими старых друзей и юношеские привязанности; но, мы думаем, не всегда же они были такими; были же и они когда-нибудь молоды и здоровы, влюблялись, шалили, кутили и пировали, сражались и философствовали. Было время, когда и они вступали в жизнь с развернутыми знаменами молодой надежды и при звуках победной музыки...» (Ахшарумов Н. 1805-й год, соч. Графа Льва Толстого // Всемирный труд. 1867. № 6. С. 136).

³ N. Война и мир, роман гр. Толстого // Искра. 1868. № 13. С. 45.

сте отражена непосредственная реакция первых читателей романа Толстого, открыто выражающих несогласие с художественной и идеологической организацией этого произведения. И. Г. Ямпольский, обратившись к этому материалу, справедливо писал о том, что пародия и карикатура «характеризуют не только осмеянное произведение, но в еще большей степени смеющегося над ним человека» [Ямпольский 1928, с. 67]. Во-вторых, обращаясь к «ключевому тексту», описывающему историю войны 1812-го года, поэме М. Ю. Лермонтова «Бородино», Минаев своеобразно меняет рецептивный след: теперь история «дедов и прадедов» локализована не в повествовании участника этих событий (дяди), а в художественном тексте, заведомо искажающем достоверность отдельных свидетельств («Ведь если верить Льву Толстому»). Этим объясняются основные приемы пародиста: обращение к метафорам театра (с ориентиром на народный площадной театр, раёк), детской комнаты (войска как игрушки), доведение до абсурда оригинальной историософской концепции Л. Н. Толстого, превращающейся в лубок. С лубочной техникой связана и серия шаржей, сопровождаемых сатирическими подписями М. С. Знаменского и В. С. Курочкина. «Художник выступает в них истолкователем наиболее уязвимых мест литературного произведения. Сатира направлена не на произведение, имеющее часто большие достоинства, но на те отрицательные тенденции, проявившиеся в романе <...> Карикатурный роман подчеркивал отрицательные черты героев, сопоставлял их действия с поступками современных общественных деятелей» [Тарасов, 1955, с. 18], – эти слова о шаржах А. М. Волкова⁴ полностью характеризуют и графический сериал «Искры». В отличие от Минаева, авторы попури используют еще более архаический ресурс – метрику и лексику героической поэмы XVIII в., ориентированную на стиль В. К. Тредиаковского и М. М. Хераскова, сатиры А. Д. Кантемира и басни И. А. Крылова. Отталкиваясь от точки зрения человека из народа (Тит – повар Кутузова, Рыжий Лаврушка), Знаменский отказывает их историям в поэтичности, произвольно меняя правила русской орфографии и пунктуации, нарушая логические и синтаксические связи, он демонстрирует безграмотность и наивность таких рассказчиков. Отсутствие завершения графического романа – и в печатном виде, и в архиве «Искры» – оставляет только догадываться о том, как могли бы быть в этом дискурсе реализованы фигура Платона Каратаева, сны Пьера, убийство Верещагина и т. п.

Пародия Минаева и шаржи Знаменского представляют собой квинтэссенцию выпадов «Искры», направленных против «Войны и мира» и «Русского вестника» как идеологической платформы, якобы связанной с этим романом [Ямпольский, 1928; Гусев, 1957; Соболев, 2007]. Сам Толстой интересовал своих оппонентов в меньшей степени: показательно, что в шаржах, изображающих писателя как завсегдатая питейных домов и почтовых станций, вдохновляющегося бульварным чтением и исторической беллетристикой [Сорочан, 2013], его фигура лишена узнаваемых черт (рис. II и III).

Главным оппонентом становилась не личность писателя (в тот период нарочито редуцированная), а дискурс или та совокупность свойств, которая была названа

⁴ Наибольшую известность получили серии сатирических рисунков, написанных им по мотивам «Петербургских трущоб» В. В. Крестовского и «Отцов и детей» И. С. Тургенева. Замысел пародийного «Преступления и наказания» так и не был осуществлен.

В. Б. Шкловским [1928] «материалом» «Войны и мира». Именно Шкловскому принадлежит инициатива введения пародии и шаржей «Искры» в научный оборот; в дальнейшем они неоднократно публиковались и комментировались И. Г. Ямпольским. Данная статья, основанная на сделанных ранее наблюдениях, продолжает их, проясняя некоторые контексты, связанные как с романом, так и с историей его критики.

Ниже приводится текст с авторскими примечаниями (вынесены в постраничные сноски, пронумерованные римскими цифрами) и комментарий исследователя – за текстом.

*Приложение 1*⁵

Отставной майор Бурбонов
[Д. Д. Минаев]
Война и мир
Подражание Лермонтову («Бородино»)
*и графу Льву Толстому («Война и мир»)*ⁱ

– Скажи-ка, дядя, без утайки,
Как из Москвы французов шайки,
Одетых в женские фуфайки,
Вы гнали на ходу.
Ведь если верить Льву Толстому,
Переходя от тома к тому
Его романа, – никакому
Не подвергались мы погрому
В двенадцатом году.

Какой был дух в Наполеоне
И были ль мы при нем в загоне,
Нам показал, как на ладони,
В романе Лев Толстой.
Тогда славяне жили тихо,
Постилаась каждая купчиха...
Но, чтоб крестьян пороли лихо,
Застенки были, Салтычихаⁱⁱ...
Все это слух пустой.

⁵ Искра, 1868, № 48, с. 213–215.

ⁱ Последний роман графа Л. Толстого привел меня к печальному соображению, что стихотворение Лермонтова «Бородино» не лишено больших погрешностей, почему я осмелился, так сказать, реставрировать сие стихотворение по сочинению «Война и мир», сочинению неоспоримо художественному и правдивому. Пусть мою смелость извинят только одною любовью к истине. – М. Б.

ⁱⁱ «Ужасы крепостного права того времени, которое я описываю, закладывание жен в стены, сечение взрослых сыновей, Салтычиха и т. п. – я не считаю верным и не желал выразить...» (*Русский Архив*, № 5, стр. 516. Заметка графа Льва Толстого).

– Да, были люди в наши годы,
Не мелкой, нынешней породы:
В дни мира – гордые Немвроды,
Богатыри – в войне...
Ростов – звезда всей молодежи,
Андрей Болконский – диво тоже,
Безухой – член масонской ложи,
*Денисов, Долохов*ⁱⁱⁱ... О, Боже,
Их вспомнить любо мне!..

Нам Бонапарт грозил сурово,
А мы кутили образцово,
Влюблялись в барышень Ростова,
Сводили их с ума.
Безухой прочь прогнал супругу,
Послал картельный вызов другу
И, друга ранивши, с испугу
Едва совсем не спился с кругу...
Но вот пришла зима.

Войска французов шли в тумане,
Мы отступали... Ведь заранее,
Как говорится в алкоране,
Наш рок определен.
Бояться ль нам Наполеона?
Что значат звания, оборона?..
Лежит над миром, как попона,
Лишь «*власть стихийного закона*»^{iv}...
Так что Наполеон?
Но вот и войско Бонапарты:
«Посмотрим мы, какой в вас жар-то!..»
(Того сражения ланд-карта
В «Войне и Мире» есть...)
Безухой, главный член романа,
Явился в поле утром рано
И стал смотреть из шарабана^v:
Полна французами поляна
И всех врагов не счесть...

ⁱⁱⁱ Вероятно, всем читателям известны эти имена главных героев в сочинении «Война и Мир».

^{iv} Совершенно справедливо говорит граф Л. Толстой, что миром управляют не гении, не наука, но «*стихийный зоологический закон, что историей управляет закон предопределения*» (*Русский Архив*, № 5, стр. 523–528).

^v Прошу припомнить, что граф Безухий выехал на Бородинское поле, как на прогулку, с одной тросточкой и лорнетом.

Под ранним солнцем блещут ружья...
С *Безухим* не было оружия.
Подумал он: «и так ведь дюж я,
Неустршим, как слон»...
Пред ним, как пестрый ряд игрушек,
Мелькали в поле сотни пушек,
Палаток множество верхушек:
В одной палатке, средь подушек,
Лежал Наполеон.

Нетерпеливость обнаружа,
Он мыслил: «Русских угошу же!..
Лишь только б насморк не был хуже ^{vi},
Я тотчас двину рать,
Мюрата с конницею ходкой,
И будет мне Москва находкой»...
И корсиканец этот кроткий
Себе всю спину жесткой щеткой
Велел вдруг растирать ^{vii}.

Два дня мы были в перестрелке,
С врагом играли, как в горелки;
Стрелки шныряли, словно белки,
И прятались во рву.
Денисов так вошел в охоту:
«О, дайте мне одну лишь роту
И всю французскую пехоту
Я разобью сейчас с налёту,
На части перерву» ^{viii} ...

Французский лагерь был в тревоге,
Что промочил в ненастье ноги,
Ступивши в лужу на дороге
Их «маленький капрал»...
У нас же в войске – смех и шутки,
Да раздавались прибаутки:
«Французы вымокли, как утки,
И Бонапарт раз двести в сутки
Чихать от страха стал!..»

^{vi} У Наполеона, говорит граф Л. Толстой, был насморк во время Бородинской битвы, и насморком объясняет его неудачу в этот день. Что ж? Сам Наполеон говаривал: «от великого до смешного – один шаг».

^{vii} См. «Война и Мир», том 4-й.

^{viii} Там же.

На третий день сошлись два стана.
Раздался грохот барабана...
Взглянуло солнце из тумана
На бородинский бой.
Безухой был в сраженьи этом
Одет легко, как будто летом:
Вооружась одним лорнетом,
Он любовался, как балетом,
Военною стрельбой.

Средь пушек, касок, пик, фуражек,
Блестящих блях, стволов и пряжек:
«Вот так веселенький пейзажик!» –
Сказал *Безухой* Пьер.
«Стрелки французские не метки,
(*Шаспо* не знали наши предки),
Но все ж годятся для виньетки
В иллюстрированной газетке,
Хоть в “Искре”, например...»^{ix}.

Ну ж был денек!.. В дыму сраженья,
Конечно, общего движенья,
Победы или поражения
Нам рассмотреть нет сил^x.
Война свирепа, как Медуза;
Ее описывать – обуза,
И здесь моя робеет муза...
Лишь видно было, как Француза
Безухой князь душил,

Как, распростертый у лафета,
Лежал солдат один, да где-то,
На возвышенье, у пикета,
Чихал Наполеон...
Как в бенефис к ногам актера
Летят букеты для фурора,
Летели ядра очень скоро,
Но все кричали вместо «фора»
«Ура!» со всех сторон.

^{ix} Если граф Л. Толстой (да и многие другие сочинители, как напр., автор «Смерти Грозного») не стесняется в своем сочинении анахронизмами, и то, что думал или делал Наполеон на острове св. Елены, заставляет его говорить и делать в двенадцатом году, то, следуя его примеру, и я не стесняюсь хронологией и героя Бородинской битвы заставляю упомянуть о журнале «Искра».

^x См. «Война и Мир», том IV.

Так бились, верно, только в Трое.
Но уцелели в русском строе
Романа славные герои,
Не смяли их враги.
Себя для «пятой части»^{xi} холя,
Они в Москву вернулись с поля,
Лишь только князя Анатоля
Постигла в битве злая доля:
Лишился он ноги.

Вот смерклось... Тел кровавых груду
Наполеон встречал повсюду
И проклинал свою простуду:
«Мой насморк ввел в беду!»
Горнисты громко затрубили
И – басурманы отступили...
Так, по сказанью новой были,
Мы неприятеля разбили
В двенадцатом году.

Да, были люди в наши годы!..
И будут помнить все народы,
Что от одной дурной погоды,
Ниспосланной судьбой,
Пал Бонапарт, не вставши снова,
И пал от насморка пустого...
Не будь романа Льва Толстого,
Мы не судили б так толково
Про Бородинский бой!

Комментарии

Строфа 1

Зачин пародийного текста, сохраняя тематическую канву лермонтовского оригинала, создает перекодировку на уровне стиля. Опираясь на многочисленные свидетельства о войне 1812-го года, Минаев вводит в свой текст непоэтическую подробность: неприятель комически снижен (*французов шайки, одетых в женские фуфайки*). Как отмечалось выше, история «дедов и прадедов» локализована не в повествовании участника этих событий (дяди), а в художественном тексте, заведомо искажающем достоверность отдельных свидетельств, следовательно, недостоверна.

^{xi} Кто из нас не ожидает теперь с нетерпением выхода V-й части «Война и Мир»?

Строфа 2

Здесь и далее цитируется статья Л. Н. Толстого «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”», часто с искажениями смысла и преувеличениями. Показательно, что Минаев сопровождает свой текст цитатами из романа и публицистики Толстого, вырывая их из контекста и тем самым обесмысливая.

Не лишено интереса упоминание «тихой жизни славян». История Древней Руси неоднократно становилась объектом пародийного описания в «Искре», нападениям подвергались многочисленные ученые, отстаивающие ценность, самостоятельность и независимость этого исторического периода. С другой стороны, отец Минаева – Дмитрий Иванович был известен своим интересом к фольклору. В 1857 г., например, он издал книгу «Тысячелетие Руси в русских народных сказаниях».

Строфа 3

Перечисление действующих лиц, восходящее к форме «списка кораблей», регулярно использовалось в пародийных реестрах «Искры».

Знаменательным является упоминание ветхозаветного Немврода, бывшего «сильным звероловом пред Господом». Так подчеркивается физическая сила героев, представленная в ущерб их интеллектуальным способностям.

Строфа 4

Строфа завершает краткое описание основных событий первого и второго томов. Беглое перечисление эпизодов романа соответствует серии сатирических иллюстраций М. С. Знаменского (см. прилож. 2). Особую роль при этом играет пересказ, позволяющий нивелировать сюжетные подробности (например, в тексте Минаева не упоминается о встрече Безухова и Осипа Алексеевича Баздеева на почтовой станции). В ходе пересказа характер Безухова упрощается, редуцируясь до типажа денди (*картельный вызов другу* идиоматически связан с романом в стихах «Евгений Онегин»).

Строфа 5

Большинство критиков, признавая художественность романа, осуждали его анархистский пафос, связанный преимущественно с концепцией П.-Ж. Прудона: «Есть две стороны жизни в каждом человеке: жизнь личная, которая тем более свободна, чем отвлеченнее ее интересы, и жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы»⁶ [Эйхенбаум, 2009; Зорин, 2019]. Концепцию Толстого, наиболее рельефно представленную при описании войны 1812-го года, сравнивали с «восточным фатализмом» [Wachtel, 1994] (отсюда упоминание Корана).

Сам Толстой в романе спорит с «исторической точкой зрения», отрицая, что одна из множества причин могла стать ключевой и определяющей. «Ежели от воли Наполеона зависело дать или не дать Бородинское сражение, и от его воли зависело сделать такое или другое распоряжение, то очевидно, что насморк, имев-

⁶ Толстой Л. Н. Война и мир. Том третий // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1940. Т. 11. С. 22.

ший влияние на проявление его воли, мог быть причиной спасения России и что поэтому тот камердинер, который забыл подать Наполеону 24-го числа непромокаемые сапоги, был спасителем России»⁷. В этой и последующих строфах Минаев переворачивает этот тезис, доводя его до абсурда.

Строфы 6, 7

Карта Бородинского сражения, представленная в романе, неоднократно становилась объектом критики участников войны 1812-го года и историков [Гусев, 1957, Зайденшнур, 1966].

Минаев обращает внимание на «странность» пародируемого текста и недостоверность точки зрения Пьера Безухова: «Толстой точно указывает литературную традицию присутствия Пьера – это Фабриций Стендаля, присутствующий на Ватерлоо и ничего не понимающий. Таким образом, мы видим здесь один из истоков приема Льва Николаевича, но то, что было факультативно у Стендаля, для Льва Николаевича Толстого легло в основу романного приема» [Шкловский, 1928, с. 204].

Строфа 8

Незначительная деталь выведена Минаевым на первый план: «Император Наполеон еще не выходил из своей спальни и оканчивал свой туалет. Он, пофыркивая и побряхтывая, поворачивался то толстой спиной, то обросшей жирной грудью под щетку, которою камердинер растирал его тело. Другой камердинер, придерживая пальцем склянку, брызгал одеколоном на выхоленное тело императора с таким выражением, которое говорило, что он один мог знать, сколько и куда надо брызнуть одеколону»⁸.

Строфа 9

Возвращение к лермонтовскому тексту с изменением исходной рифмы «перестрелке» / «безделке», создает эффект игры, театрального или народно-площадного представления.

Строфа 10

Портрет «маленького капрала» Наполеона, выполнен в духе «Ярмарки тщеславия» У. М. Теккерея и «Войны и мира». Заведомо сниженный, он отличается гиперболизацией, разоблачающей и историческую личность, и способы ее изображения в тексте Толстого.

Строфа 11

Не исключено, что, обращаясь к «странностям» точки зрения героев Толстого, Минаев соотносит два эпизода романа – искаженное восприятие театра Наташей Ростовской и первые впечатления Бородинского боя, «доверенные» Пьеру Безухову.

⁷ Толстой Л. Н. Война и мир. Том третий. С. 201.

⁸ Там же. С. 210.

Строфа 12

С большой вероятностью перечисление существительных ориентировано на сходные перечислительные ряды в «Полтаве» (*Бой барабанный, клики, скрежет, Гром пушек, топот, ржанье, стон, И смерть, и ад со всех сторон*⁹) и «Евгении Онегине» А. С. Пушкина (...*будки, бабы, Мальчишки, лавки, фонари, дворцы, сады, монастыри, Бухарцы, сани, огороды, Купцы, лачужки, мужики, Бульвары, башни, казаки, Аптеки, магазины моды, Балконы, львы на воротах И стаи галок на крестах*¹⁰).

Словосочетание «веселенький пейзажик» используется Н. Г. Помяловским в романе «Молотов»: «У вас выйдет простенький роман с веселенькими пейзажиками вместо трагических событий»¹¹. Стало одним из слов-сигналов в субкультуре разночинцев [Зубков, 2018] и неоднократно заимствовалось Д. Д. Минаевым (см. пародию «Веселенькие пейзажики, или Похождения Бориса Райского»).

Строфа завершается намеком на серию карикатур В. С. Курочкина, синхронно публикуемых в «Искре» (см. прилож. 2). В комментарии Минаев сравнивает Толстого с его тезкой Алексеем Константиновичем, упрекая обоих в многочисленных анахронизмах.

Строфа 13

При описании сражения Минаев использует характерные для торжественной оды образы: *Медуза, муза*. Прозаизации войны у Толстого противопоставляется ее нормативное, т. е. одическое, описание.

Столкновение Пьера с французом, как и в «Севастопольских рассказах», демонстрирует сумасшествие войны: «“Я ли взят в плен или он взят в плен мною?” — думал каждый из них. Но, очевидно, французский офицер более склонился к мысли, что в плен взят он, потому что сильная рука Пьера, движимая невольным страхом, все крепче и крепче сжимала его горло. <...> Не думая более о том, кто кого взял в плен, француз побежал назад на батарею, а Пьер под гору, спотыкаясь на убитых и раненых, которые, казалось ему, ловят его за ноги»¹². Этот эпизод имеет значительный комический потенциал, реализованный в пародии.

Строфа 14

Как и в строфе 11, используется очевидное сравнение театра военных действий с театральным представлением. Заметим, что ранее эта метафора использовалась в обозрении «Искры», позволяя осмыслить сюжет романа как рассказ о двух сражениях и «антракты» между ними.

Строфа 15

Очевидный выпад против П. В. Анненкова и Н. Н. Страхова, назвавших «Войну и мир» национальной «Илиадой».

⁹ Пушкин А. С. Полтава // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 5. С. 58.

¹⁰ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 6. С. 155.

¹¹ Помяловский Н. Г. Избранное. М., 1980. С. 67.

¹² Толстой Л. Н. Война и мир. С. 262.

Строфа 16

Так пересказываются одни из наиболее патетических страниц «Войны и мира», тематически связанные с «Севастопольскими рассказами»: «Измученным, без пищи и без отдыха, людям той и другой стороны начинало одинаково приходиться сомнение о том, следует ли им еще истреблять друг друга, и на всех лицах было заметно колебание, и в каждой душе одинаково поднимался вопрос: “Зачем, для кого мне убивать и быть убитому? Убивайте, кого хотите, делайте, что хотите, а я не хочу больше!” Мысль эта к вечеру одинаково созрела в душе каждого. Всякую минуту могли все эти люди ужаснуться того, что они делали, бросить все и побежать куда попало»¹³.

Отступление «басурманов», воспроизводящее идиостиль рассказчика в «Бородино» Лермонтова, завершает пересказ «новой были», написанной Толстым.

Строфа 17

Стихотворение заканчивается пародийным обобщением, в котором концепция Толстого нарочито искажена. Воспроизводя кольцевую композицию, отражающую логическую структуру поэмы Лермонтова, Минаев приводит читателя к общему выводу – подлинная история нивелирована художественным текстом.

Приложение 2¹⁴

Профессор М. Знаменский
[М. С. Знаменский, В. С. Курочкин]
Война и мир
Литературно-рисовальное поурри
Составлено из сочинений разных авторов:
гр. Толстого, Гомера, Хераскова, Овидия и пр.

Что за штиль! Как он описывает мило! и что за душа!! О себе ничего, ничего! О каком-то Денисове, а сам, верно, храбрее их всех.

(Гр. Толстой – «Война и мир». Ч. 2, стр. 56)

О муза, ведущая и доброе, и злое!
Изобрази ты мне кумиров царство тое.

(Россияда, ст. 134)

Детки меня окружили: – Дядюшка милый, сказочку нам про скандал расскажи ты.

– Вижу, ребятки, до сказок вы больно охочи, и вам расскажу я про мир, про войну, про бывалые годы; но прежде, чтоб русскую сказку понять, французский диалект вам знать надлежало б.

¹³ Толстой Л. Н. Война и мир. С. 280.

¹⁴ Искра. 1869. № 2–18.

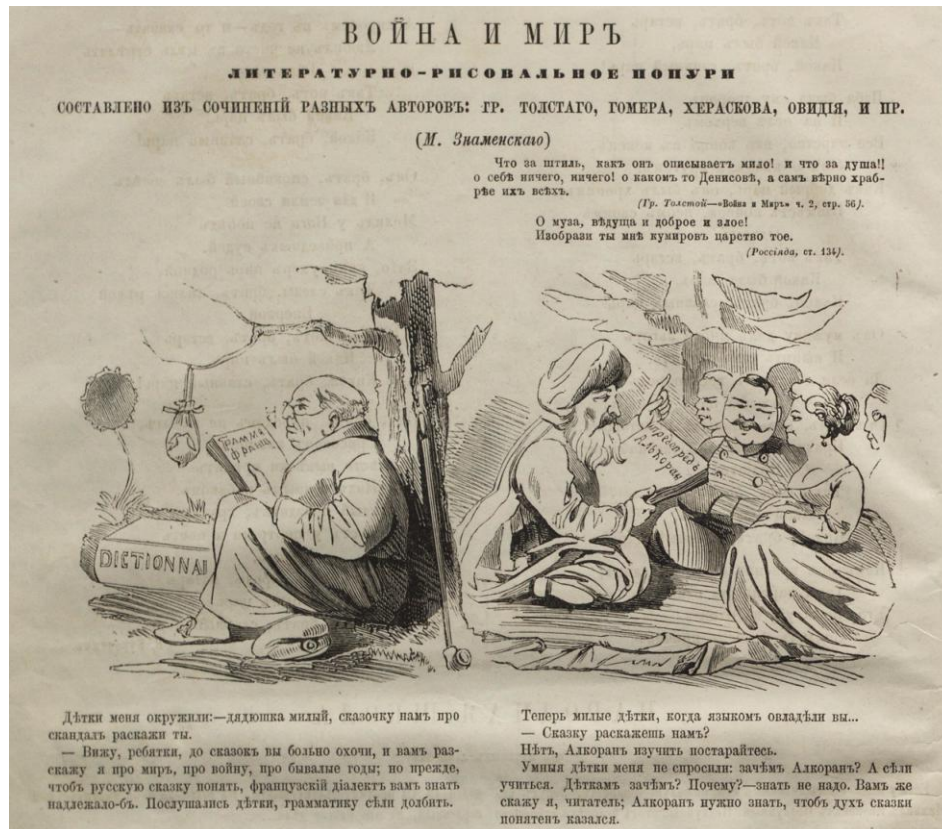
Послушались детки, грамматику сели долбить.

Теперь, милые детки, когда языком овладели вы...

— Сказку расскажешь нам?

Нет, Алкоран изучить постарайтесь.

Умные детки меня не спросили: «Зачем Алкоран?». А сели учиться. Деткам зачем? Почему? — знать не надо. Вам же скажу я, читатель; Алкоран нужно знать, чтоб дух сказки понятен казался.

Искра. 1869. № 2. С. 20

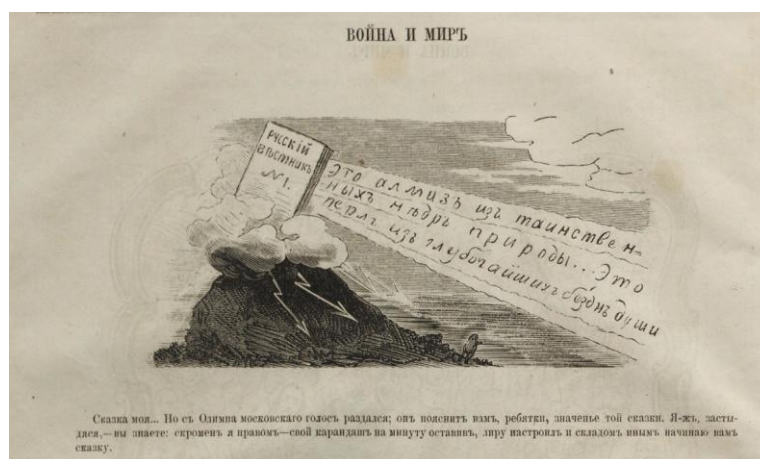
Iskra, 1869, no. 2, p. 20

Вот посмотрите картинку: сотни фигур в ней найдутся, и в тесную рамку все это втиснул волшебник; об этом вы в Русском Вестнике, в книжке зеленой, Щербальского читите.

Искра. 1869. № 2. С. 21
Iskra, 1869, no. 2, p. 21

Сказка моя... Но с Олимпа московского голос раздался; он пояснит вам, ребята, значенье той сказки. Я ж, застыдяся, — вы знаете: скромн я нравом — свой карандаш на минуту оставив, лиру настроил и складом иным начинаю вам сказку.

Искра. 1869. № 2. С. 22
Iskra, 1869, no. 2, p. 22

*Пою от варваров Россию свободенну
Попранну галлов власть и гордость униженну...*

– Дядюшка, – детки меня прерывают, – барышня ноздри зачем раздувает?

– Тише, малютки. То Анета Шерер пишет записки, гостей приглашая, желает вам их показать, ноздри ж у ней воинственным жаром раздуты, время в то время такое уж было.

О вы, ликующи теперь в местах небесных!

Во прежних видах мне явитесь телесных.

Вот и приехали гости, таких уже нынче в сказках не пишут: княгиня Болконская; вместе с усами дар необычный от автора дан ей; чуть на нее старичок полюбуется, тотчас ей уподобится.

Искра. 1869. № 2. С. 23

Iskra 1869, no. 2, p. 23

Сияют пред очами

Герои, светлыми увенчаны лучами

Князь то Василий. Лысина блеск издавала его – ароматами пахло далеко. Но опытный глаз поражался отсутствием шишки на ней.

Родительской шишки князя лишивши, княгине Друбецкой природа влепила ее, уподобив княгиню цыганке, сладких кусочков для деток просящей.

О благе собственном вельможи где рачат,

Там пользы общие законы замолчат.

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2

Сюжет в литературе и фольклоре

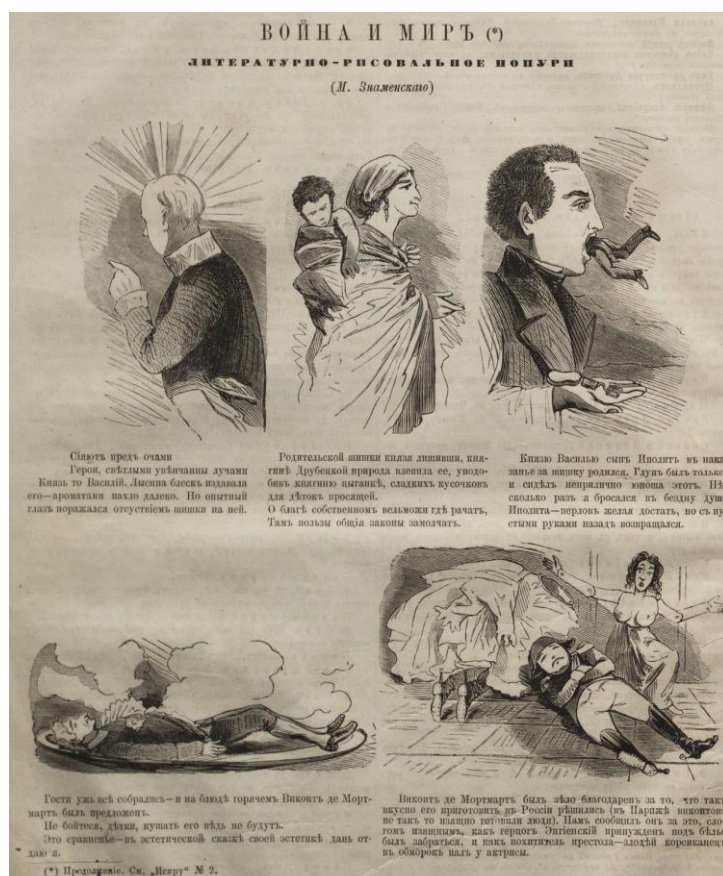
Князю Василью сын Ипполит в наказание за шишку родился. Глуп был только, и сидел неприлично юноша этот. Несколько раз я бросался в бездну души Ипполита – перлов желая достать, но с пустыми руками назад возвращался.

Гости уже все собрались – и на блюде горячем виконт де Мортмарт был предложен.

Не бойтесь, детки, кушать его ведь не будут.

Это сравнение – в эстетической сказке своей эстетике дань отдаю я.

Виконт да Мортмарт был зело благодарен за то, что так вкусно его приготовить в России решились (в Париже виконтов не так-то изящно готовили люди). Нам сообщил он за это слогом изящным, как герцог Энгиенский принужден под белье был забраться, и как похититель престола – злодей корсиканец в обморок пал у актрисы.

Искра. 1869. № 3. С. 38.
Iskra, 1869, no. 3, p. 38

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2

То слово Пьер Безухий подхватил,
И взоры на себя гостей всех обратил,
И будто в пепле огонь, скрывая в сердце гнев,
Пьер с места встал, как некий ярый лев;
Власы вздымались, очки его блистали,
Его намеренье без слов в лице читали,
К виконту взор свирепый обратив,
Вещал; ты знатен, князь, но ты несправедлив!
NB: Пьер под ферулой аббата проникся насквозь либеральным ученьем.

Один только умный и был там – Андрей, князь Болконский. Умные люди в то время на глупых смотрели с гримасой – глаза закрывая, как будто сказать собирались: – Mon Dieu! Что за глупость кругом нас творится. Однако ж Безухому дал позволение приехать к себе он на ужин.

У князя Андрея воинственных книг начитавшись, либерал Пьер Безухий войну признает средством добиться свободы. Поэтому «вы» говорит он Андрею.

Князь же Андрей, о царств равновесии заботясь и Польшу воздвигнуть войною готовясь – на посылки к Кутузову ехать намерен. Поэтому Пьеру он «ты» говорит.

PS. Причины иной к сим отношениям не мог отыскать я, сколько ни рылся в архивах.

Вдруг видят плачущу супругу, к ним входящу,
Во чреве первенца, залог любви держащу,
И токи слезные струящую, но вдруг
Скрепились и рекла: ты едешь, мой супруг,
Ты жизнь свою ценой великою не ставишь;
Но вспомни, что меня во сиротстве оставишь!

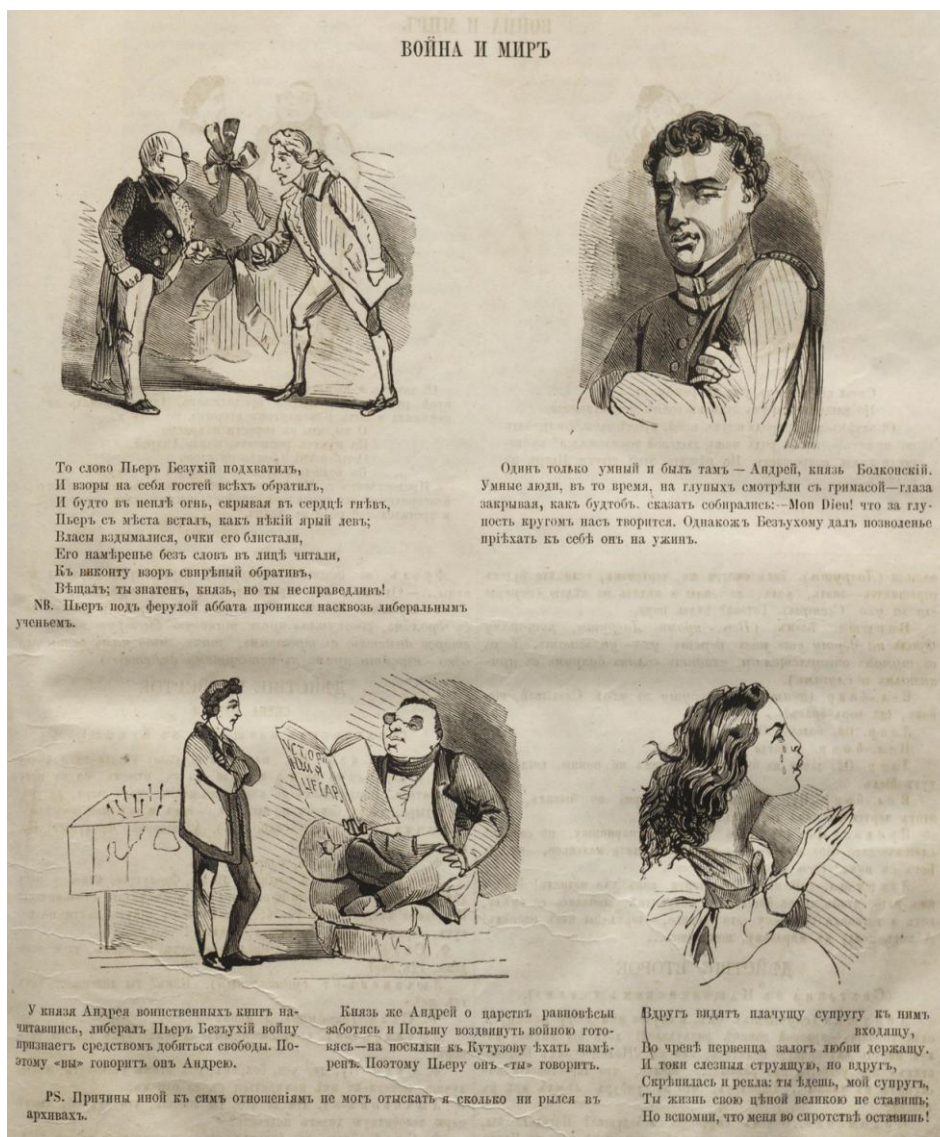
Слова сии сердец уже не пременили,
Но вящим жаром их к войне воспламенили.

О! Зачем же природа шулки иной, кроме бабы, состряпать не может – чтоб род наш людской распложался? – в горести князь вопрошает. Но решить этой шулки Пьер не возмог.

О! зачем я в пять лет позабыл, что зубрили мы в корпусе, – руки ломая, Андрей продолжает, – глупая память мне изменила, и быть Бонапартом вторым не могу я?

О ты, что в горести напрасно
На память ропщешь, князь Андрей.
О ты! о ты! – и более ни слова
В волнение чувств Безухий не сказал.

Предоставив г. П. Аненкову поговорить впоследствии о благородном его характере, глубине психического настроения и трогательной роли в жизни.

Искра. 1869. № 3. С. 39.
Iskra, 1869, no. 3, p. 39

Искра. 1869. № 3. С. 40
Iskra, 1869, no. 3, p. 40

Если б судьба не решила – квартальному плыть на медведе по речке Фонтан-
ке – многое б было на свете иначе.

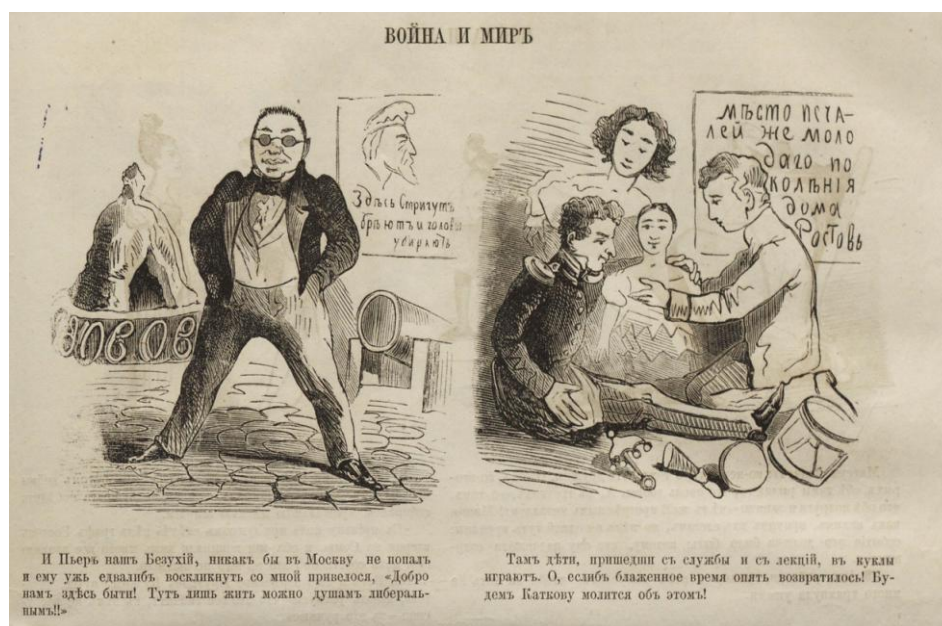
И Долохов храбрый, скользя по окошку, рому так много хлебнуть не успел бы.

Искра. 1869. № 4. С. 50
Iskra, 1869, no. 4, p. 50

Пьер наш Безухий никак бы в Москву не попал, и ему уж едва ли б воскликнуть со мной привелось: «Добро нам здесь быть! Тут лишь жить можно душам либеральным!!»

Там дети, пришедши со службы и с лекций, в куклы играют. О, если б блаженное время опять возвратилось! Будем Каткову молиться об этом!

Искра. 1869. № 4. С. 51
Iskra, 1869, no. 4, p. 51

Матери плачут: во-первых, о том, что дружны. О том, во-вторых, обе дамы рыдают, что очень добры. А в-третьих, — о том, что обе подруги и заняты — чем же?! Презренным металлом! Много, как видим, причин их слезам, но не ни одной тут причины; событие это должно было быть, потому что ему надлежало свершиться.

NB. Это, ребятки, туману я вам напустил, чтоб вы хоть немного трянули ушами.

Пока же матери так плачут, юноша сын, богом войны побуждаем, к черту послал все науки и, врага победить собираясь, прощальною песнью залился.

«В приятную ночь при лунном свете» пел граф Ростов, взирая на Соню, и оба они понимали, как много все значило это, хоть собственно это ничего не значило.

NB. Вот и еще изречение Пруtkова Кузьмы, ну-ко, читатель, изволь раскуси — что это все значит, в век не раскусишь — за это ручаюсь.

С графом Ростовым еще познакомить позвольте: вот он сидит молодецки, расставивши ноги и руки уперши в колена. По мнению автора, поза сия означает, что любит пожить граф Ростов, да к тому ж и умеет.

Матери плачут: во-первых, о томъ, что дружны. О томъ, во-вторыхъ, объ дамы рыдаютъ, что очень добры. А, въ третьихъ,—о томъ, что объ подруги и зайцы—чѣмъ же?! презрѣннымъ металломъ! Много, какъ видимъ, причинъ ихъ слезамъ, но итъ ни одной тутъ причины; событие это должно было быть; потому, что ему надлежало свершиться.

NB. Это, ребята, туману я вамъ напустилъ, чтобъ вы хоть не много тряхнули ушами.

Пока же такъ матери плачутъ, юноша сынъ, бѣгомъ войны побуждаемъ, къ чорту послалъ всѣ науки и, врага побѣдить собираясь, прощальною пѣснью залился.

«Въ прѣлвную ночь при дунномъ свѣтѣ» пѣлъ графъ Ростовъ, взира на Сою, и оба они понимали какъ много все значило это, хоть собственно это ничего не значило.

NB. Вотъ и еще изрѣченіе Прутковъ Кузьмъ, пу-ко, читатель, изволь раскусить—что это все значить, въ вѣкъ не раскусишь—за это ручаюсь.

Сотрудники «Голоса» для воспроизведе-
нія своихъ статей, смотря по надобности, мо-
каютъ перья въ разные суррогаты чернилъ:
то ткнувъ перо въ квасъ, да засыпаютъ со-
лономъ,—и выйдетъ патристическая статья о
любви къ родинѣ; то мокнувъ перо въ ко-
фейную гущу и посыплютъ бобами,—и вся
статья имитъ принимаетъ оттѣнокъ про-
роческой болтовни бабы-ворожейки; когда же
требуется поднять у россиявъ воинственный
духъ,—тогда перья сотрудниковъ опускаются
въ урву, наполненную собственною кровью
А. А. Краевского, которая получается по-
средствомъ надѣла, изъ лѣвой его пятки.
Операция эта совершается ежегодно въ ночь
подъ Иванъ-Купала съ большимъ торже-
ствомъ, въ присутствіи всѣхъ сотрудниковъ
газеты. Даже Н. Щербанъ изъ Париза и г.
С. П. изъ Москвы приѣзжаютъ на это время
въ Петербургъ, чтобы принять участіе въ
этомъ чародѣйствѣ. Итъ сомнѣнія, что эта
жества се стороны Андрея Александровича
очень велика, по чего не сдѣлаетъ человекъ
изъ любви къ своей родинѣ! О своей же
любви къ отечеству Андрей Александровичъ

Съ графомъ Ростовымъ еще познакомить поз-
вольте: всегда онъ сидитъ молодецки, расставивши
ноги и руки уперши въ колѣна. По мнѣнію автора
поза сия означаетъ, что любитъ пожить графъ
Ростовъ, да к тому ж и умѣетъ.

Биржевыя Вѣдомости» пишущая медомъ,
посыпаются горчицей, вслѣдствіе чего и
статьи этой газеты выходятъ такого сорта,
что попробуешь на языкъ,—какъ будто слад-
ко, а раскусишь—окажется кака-то, съ по-
зволенія сказать, мерзость.

«Дѣятельность» водитъ сухимъ перомъ
по бумагѣ, чѣмъ и объясняется замѣченное
всѣми отсутствіе всякаго присутствія на
столбцахъ этой почтенной газеты.

Редакторъ «Вѣсти» г. Скарятинъ-смолен-
скій, для воспроизведеія своихъ плантатор-
скихъ тенденцій, мокаетъ перо въ урву со
слезами крупныхъ землевладѣльцевъ, проли-
тыхъ ими по поводу реформы 19-го февраля
и свое писаніе засматываетъ золотымъ пескомъ,
полученнымъ имъ изъ кармановъ своихъ
милостивцевъ.

Михаилъ Петровичъ Погодинъ для своей
юрисдикціонной газеты «Русскій» пишетъ
статьи еще болѣе другихъ оригинальнымъ
образомъ (на тоже онъ и философъ съ
дѣвятиуго Поля прозывается!) Онъ для сего
даже и перо не употребляетъ, а отправляется
въ кухню къ своей кухаркѣ Агониинѣ, обма-

Искра. 1869. № 4. С. 52

Iskra, 1869, no. 4, p. 52

Какие на Москвѣ тузы живали в одно время, я вам отчасти показал, а здѣсь же
вамъ кажу, какие умираютъ, и какъ у нихъ министры и князья портфели похищаютъ.

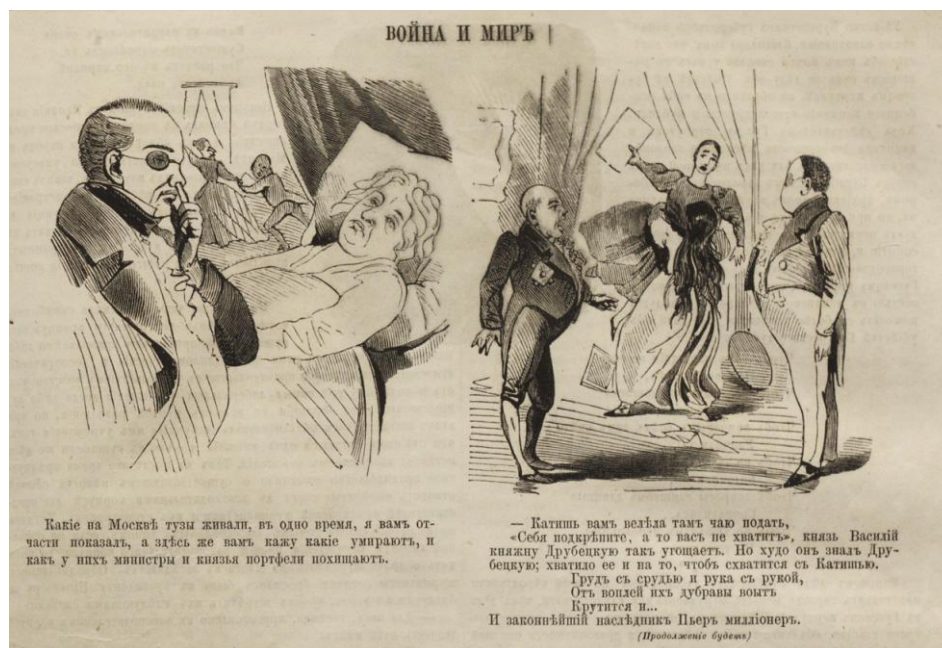
ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2

— Катишь вам велела там чаю подать,
«Себя подкрепите, а то вас не хватит», — князь Василий княжну Друбецкую так угощает. Но худо он знал Друбецкую; хватило ее и на то, чтоб схватиться с Катишью.

Грудь с грудью и рука с рукой,
От воплей их дубравы воют
Крутится и...
И законнейший наследник Пьер миллионер.

Искра. 1869. № 4. С. 53
Iskra, 1869, no. 4, p. 53

Покончив с Москвою на время, хочу повести вас в деревню. Не бойтесь, настолько эстетика знаю, что чувство изящного я не нарушу — не патриот я, избушек мужицких показывать вам не намерен. Герои мои покрупнее.

PS. Разве уж выйдет случай такой, что барские ручки работы запросят насчет зуботычин — ну тогда и крестьяне на сцену!

В деревне жил старец Болконский. Из опыта жизни он правильно вынес, что лень есть мать всех пороков. И гонит он праздность, точа табакерки, записки свои сочиняя и алгебре дочь обучая.

Вот в эту-то школу труда и порядка сдал князь Андрей супругу с усами.

А сам, получив наставленье: недолго ходить в адъютантах (так как по словам гр. Толстого скверная должность), поехал служить адъютантом.

Итак, он поехал, оставив во гневе отца, супругу в слезах, сестру за уроком.

Искра. 1869. № 5. С. 62

Iskra, 1869, no. 5, p. 62

Война. Рисунок для альбомов войнолюбивых читателей.

Штурм

При этом легло много храбрых

Рекогносцировка

Как наш храбрый русский воин,

Не считая, бьет врагов

Осадное положение

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2021. № 2

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2

Искра. 1869. № 5. С. 63
Iskra, 1869, no. 5, p. 63

Искра. 1869. № 5. С. 64
Iskra, 1869, no. 5, p. 64

Из Польши

Князь Андрей догнал Кутузова, и Кутузов, как свидетельствует гр. Толстой, считает себя счастливым, имея под рукой такого подчиненного.

Из Вены

Подробности письмом.

Из Эрцгерцогства Австрийского.

С Долохова приказано снять шинель цвета фабричного сукна.
11 октября, 1805 г.

Оттуда же.

От того же числа. Долохов сделал на караул и говорил с Кутузовым.

Сюжет в литературе и фольклоре

Близ Брауна

6-го октября. Граф Ростов отыскал украденные у Васьки Денисова деньги и уличил Телянина.

25-го октября при р. Эмс.

У моста, не смотря под ноги, попал в вязку. Растоптанную грязь и, споткнувшись, упал на руки.

Пал, и взгрели на павшем доспехи!

Князь Андрей скачет курьером к императору Францу.

По словам гр. Толстого, император Франц, увидев князя Андрея, смешался, не знал что сказать и покраснел.

Возвращаясь обратно, князь Андрей спасает жену лекаря 7-го егерского... от пьяных.

И, вспоминая с содроганием свое заступничество, Князь Андрей решает, что это толпа мерзавцев.

Граф Ростов ранен; подробности письмом.

Он как в облако луна, был в горесть погружен,
И пролил токи слез... Тоска его мне бремя;
О муза! Пресечем печальну песнь на время

Херасков

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Верьте мне, дети, – добродетель в сем мире всегда получает награду. Примером вам может Безухий служить: денег теперь у него нет и счету. Да сверх того шарф преотличный Катишь ему вяжет.

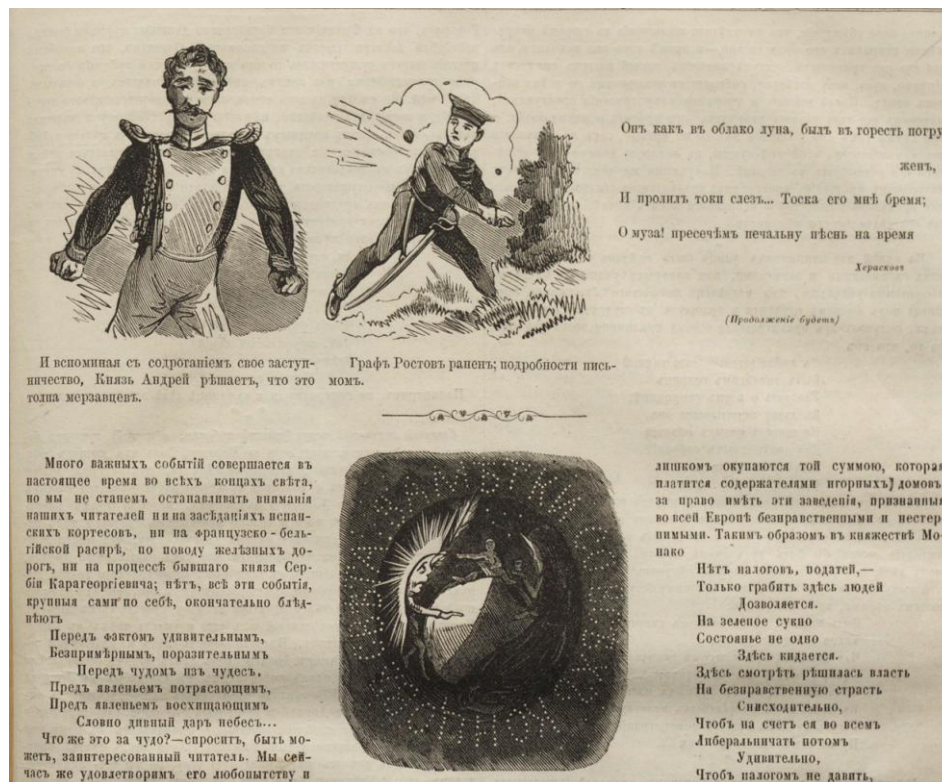
Безухого чувства, когда он Наташу Ростову увидел, роли свои позабыли; так что глазами пришлось ему слушать¹. Что ж, посудите, с Пьером случилось – как голую спину Елена – дочь лысого князя Василья к носу ему поднесла! В вос-торге он *слышит* тепло ее тела, запах духов *осязает*, скрипенье корсета ее *обоняет*.

Так что папаше с мамашей столкнуть их осталось только: целуйтесь и празднуйте свадьбу.

¹ Пьер доволен тем, что *видел, как она говорит* (См. Война и Мир).

Искра. 1869. № 6. С. 76
 Iskra, 1869, no. 6, p. 76

Искра. 1869. № 6. С. 76
Iskra, 1869, no. 6, p. 77

Покончивши с дочерью – сына женить возжелал князь Василий, и к старцу Болконскому едут за дочкой; но умный старик понимает прекрасно, что праздность пороки родит: а выдавши дочку – что делать он будет? Кого обучать? Милом смекнувши все это, дорогу велит он забрасывать снегом.

Но и лысый Василий не трус; по сугробам он храбро пробрался.

Влюбилась в юного князя Мария княжна, и умер бы в праздности старец. Но... Сей князь, развратный князь, любовникⁱⁱ малодушный, Не свету разумаⁱⁱⁱ, но слабостям послушный И нежности одни имеющ во уме С мамзель Бурьен лобзается во тьме.

ⁱⁱ Херасков здесь хочет сказать, что состояние Анатоля порасстроено и душ он имеет мало.

ⁱⁱⁱ Здесь г. Херасков намекает на светящуюся голову его отца. Голова – вместилище разума.

Искра. 1869. № 7. С. 86
Iskra, 1869, no. 7, p. 86

За этим по гладкой дороге – с носом отличным тронулись гости домой.
Из этого ясно, что в мире сем также
Наказан быть может порок.

Но, муза, целью доселе ты брала
Раздоры, хитрости и нежные дела;
Теперь является кровавое мне поле.
Потщися устремить вниманья к песням боле.

Если воитель храбрый, слушая толки о деле военном, в совете заснул, то что же нам делать!! Как одолеть нам – девять десятков воинских страниц!?!?

Сделаем вот что: чаем густейшим стаканов штук двадцать до краю наливши, выпьемте зараз. Один мой приятель, собираясь в уланы, науку рекрутскую так одолел.

Нет, и чай оказался бессильным дремоту мою превозмочь. Я удалюсь на время, пусть лучше Тит, мой приятель, своим слогом про битву расскажет.

Смело рассказывай, Тит – ни в чем не стесняйся – и *думы, и мысли* в героев *влагай, какие тебе лишь угодно*; лиц ведь таких *не бывало* на свете, я их измыслил. Действительно, если б Болконский, Друбецкой и проч. жили на свете, – ну, тогда дело другое; пожалуй, припишешь, что и во сне им не снилось.

АУСТЕРЛИЦКАЯ БАТАЛИЯ РАССКАЗ ТИТА (КУТУЗОВСКОГО ПОВАРА), БЫВШЕГО ОЧЕВИДЦЕМ ОНОЙ БИТВЫ

Вот, братцы мои, допрежь всего смотр был, потом генерал марш!

С вечера энералы рассуждали. Немецкий энерал Воротин такого тумана наворотил, что утром пошли мы, да на француза и наткнулись. Ах! Ох! Ну да что поделаешь, шабаш, значит.

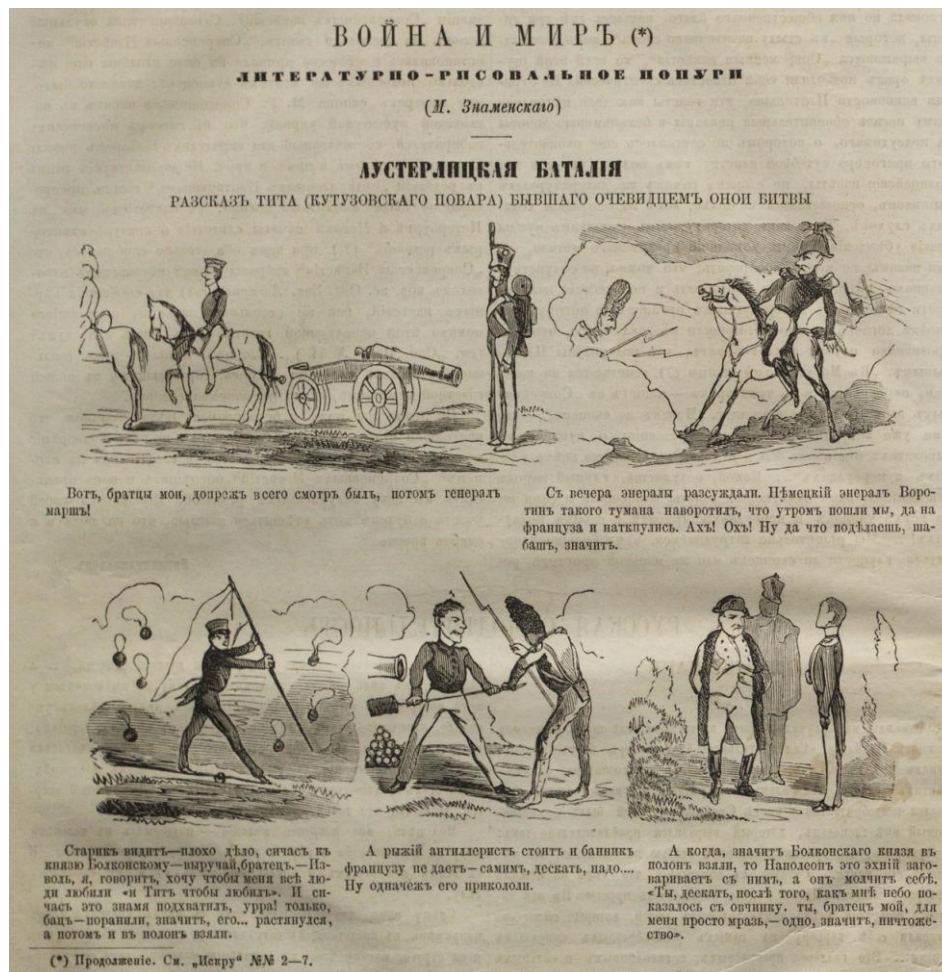
Старик видит – плохо дело, сичас к князю Болконскому – выручай, братец. – Изволь, я, говорит, хочу, чтобы меня все люди любили «и Тит чтобы любил». И сичас это знамя подхватил, урра! Только бац, поранили, значит, его... растянулся, а потом и в полон взяли.

А рыжий артиллерист стоит и банник французу не дает – самим, дескать, надо... Ну однако ж его прикололи.

А когда, значит, Болконского князя в полон взяли, то Наполеон это эхний заговаривает с ним, а он молчит себе. «Ты, дескать, после того, как мне небо показалось с овчинку, ты, братец мой, для меня просто мразь, – одно, значит, ничтожество».

Искра. 1869. № 7. С. 87
Iskra, 1869, no. 7, p. 87

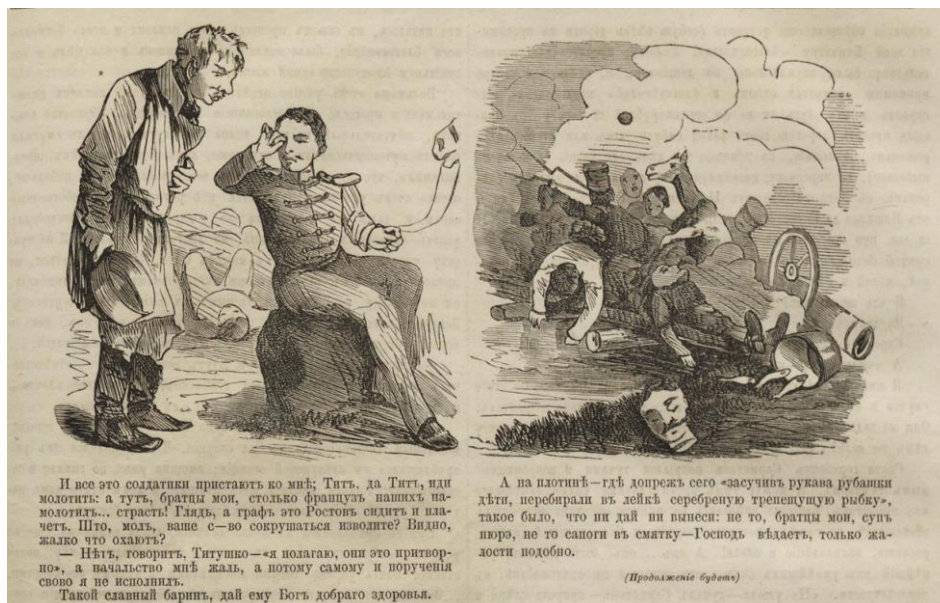
Искра. 1869. № 8. С. 98
 Iskra, 1869, no. 8, p. 98

И все эти солдатики пристають ко мне; Тит да Тит, иди молотить: а тут, братцы мои, столько француз наших намолотил... страсть! Глядь, а граф это Ростов сидит и плачет. Што, мл, ваше с-во сокрушаться изволите? Видно, жалко что охают?

— Нет, говорит, Титушко — «я полагаю, они это притворно», а начальство мне жаль, а потому самому и поручения свою я не исполнил.

Такой славный барин, дай ему Бог доброго здоровья.

А на плотине — где допрежь сего «засучив рукава рубашки, дети перебирали в лейке серебряную трепещущую рыбку», такое было, что ни дай ни вынеси: не то, братцы мои, суп пюре, не то сапоги всмятку — Господь ведает, только жалости подобно.

Искра. 1869. № 8. С. 99
Iskra, 1869, no. 8, p. 99

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ЧУВСТВА, ЧУВСТВИЯ И ЧУВСТВИЦА НАШИХ БАБУШЕК И ДЕДУШЕК, ПРОПУЩЕННЫЕ СКВОЗЬ ГОРНИЛО ВДОХНОВЕНИЯ

Встревожился Питер, и мчится Уваров узнать, что такое случилось. Бедные кони! Будь бы в то время Катков знаменитый, гонки такой вам не было бы, верно.

Храбрый Денисов туда же стремится, путь усыпая порожней посудой.

Летит и Ростов, ваш милейший душка-гусарчик!!

Путь держит туда же и Пьер, граф счастливый, с другом своим, с таковым же супруги прекрасной...

Счастливый, сказал я, но в сем мире порочном счастье куды как непрочное! Взгляните: Безухий в Английском клубе, сидя за обедом, волосы по приказу жены отпустивший, в носу ковыряет. Что ж с ним случилось? И сам он не знал бы, но вдруг он увидел в том месте, где Долохов кушал, медведя с квартальным^{iv}, и тотчас решил, что виновность жены решена несомненно.

^{iv} Неправду ли я говорю, уверяя, что если б судьба не решила квартальному плыть на медведе, многое б было на свете иначе.

Искра. 1869. № 9. С. 110
 Iskra, 1869, no. 9, p. 110

Долохов пулей был хвачен.

– Элен от доски убежала.
(Проклятый медведь, каких бед он наделал).

Искра. 1869. № 9. С. 111
Iskra, 1869, no. 9, p. 111

За этим тетрадь себе сшил он – и почерком чистым вывел на первой странице: Дым, сочинение князя... Но рано казалось судьбе наградить нас подобным твореньем, и к князю Андрею помехой Пьера втолкнула судьба.

Покончив с супругой и другом, в Питер Безухий поехал. Страшный сумбур в голове его плелся:

«Все вокруг него представлялось ему запутанным, бессмысленным и отвратительным».

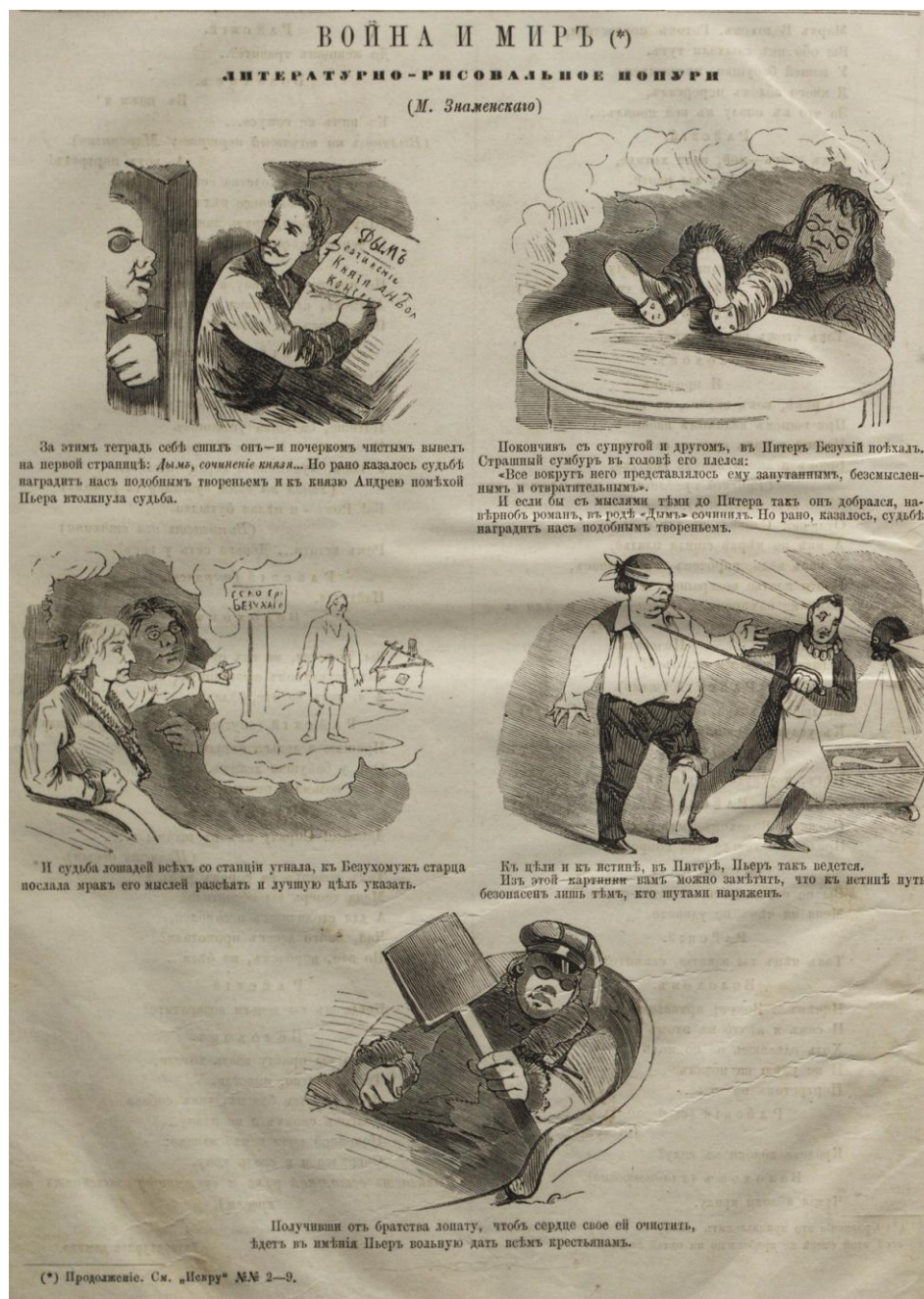
И если бы с мыслями теми до Питера так он добрался, наверно б роман вроде «Дым» сочинил. Но рано казалось судьбе наградить нас подобным твореньем.

И судьба лошадей всех со станции угнала, к Безухому ж старца послала мрак его мыслей развеять и лучшую цель указать.

К цели и к истине, в Питер, Пьер так ведется.

Из этой картинки нам можно заметить, что к истине путь безопасен лишь тем, кто шутами наряжен.

Получивши от братства лопату, чтоб сердце свое ей очистить, едет в имение Пьер вольную дать всем крестьянам.

Искра. 1869. № 10. С. 120
Iskra, 1869, no. 10, p. 120

Но те, кому истина вредна – будут хитрее масонов, хоть штуки, чтобы скрыть ее, будут попроще: выгонять с хлебом да с солью, шапки до неба и крики: отца нам не надо, владей нами!

Андрей, князь Болконский, явившись из плена – оплакав супругу, утешился тем лишь, что «воск с волосами сына младенца вниз не пошел, а поплыл по воде».

NB. Признак, что долгие годы жить будет ребенок.

Искра. 1869. № 10. С. 121

Iskra, 1869, no. 10, p. 121

(окончание третьей части)

Андрей ему лекцию тотчас прочел, доказавши по пальцам:

Что нужен, во-первых, труд мужику, иначе он и помрет от безделья.

Лечить же их вовсе не нужно – пускай умирают калеки.

А главное, в-третьих, жить для себя – вот моя мудрость!

И чтобы это сильнее доказать – Пьера повез он к сестрице.

Страница там Пелагея в поученье ему сообщила: «как отлично бывает, когда ты запрешься, встанешь – помолишься, снова заснешь так, что на свет Божий и выходить не хочется», где люди живут и трудятся.

День заключил Пьер со старцем Болконским, ему доказать все стараясь, что в будущем будет лишь мир, а войны уж не будет. Болконский стоял за войну.

Прав кто, читатель?

Оба тут правы – будет мир и война в бесконечных страницах.

Искра. 1869. № 11. С. 128
Iskra, 1869, no. 11, p. 128

С князем Болконским дуб говорил в том костюме, в каком мать природа его породила:

– «Весна, и любовь, и счастье! И как не надоест вам все один и тот же глупый и бессмысленный обман, все одно и то же, и все обман! Нет ни весны, ни солнца, ни счастья. Вон, смотрите, сидят задавленные мертвые ели, всегда одинокие, вот и я растопырил свои обломанные пальцы, где ни выросли они – из спины, из боков; как выросли, так и стою, и не верю надеждам и обманам».

– «Да, ты прав, тысячу раз прав, дуб», – отвечал князь Андрей, все дым, дым и дым!!

При следующем свидании дуб преображенный млел и колыхался в лучах вечернего солнца, и при его виде на князя Андрея нашло беспричинное, весеннее чувство радости и обновления.

И мы не узнаем прежнего Болконского. Крестьян отпустил он на волю, школы построил, больницы завел. И тут с ним случилось... но после об этом – теперь же вернемся к Ростовым.

Оставивши Марса с Венерой, крылатый божок Купидон, войной уstraшенный, лучшего места, как дома Ростовых себе не нашел; там он за ящиком, местом скорбей поколения молодого, устроил жилище.

Запахло любовью в ростовских хоромы: буфетчик влюбился в кухарку, та в повара Павла, а сей, непреклонный, в Аксютку, Аксютка в лакея, оный же в няньку Матрену, Матрена же в кучера Федьку.

В то время калилась линейка и ставился знак на руке.

Дело дошло до того, что даже «глаза целовались».

В этот-то храм Купидона с делами приехал Болконский. Как ты, читатель? А я так полагаю, он навряд уцелеет.

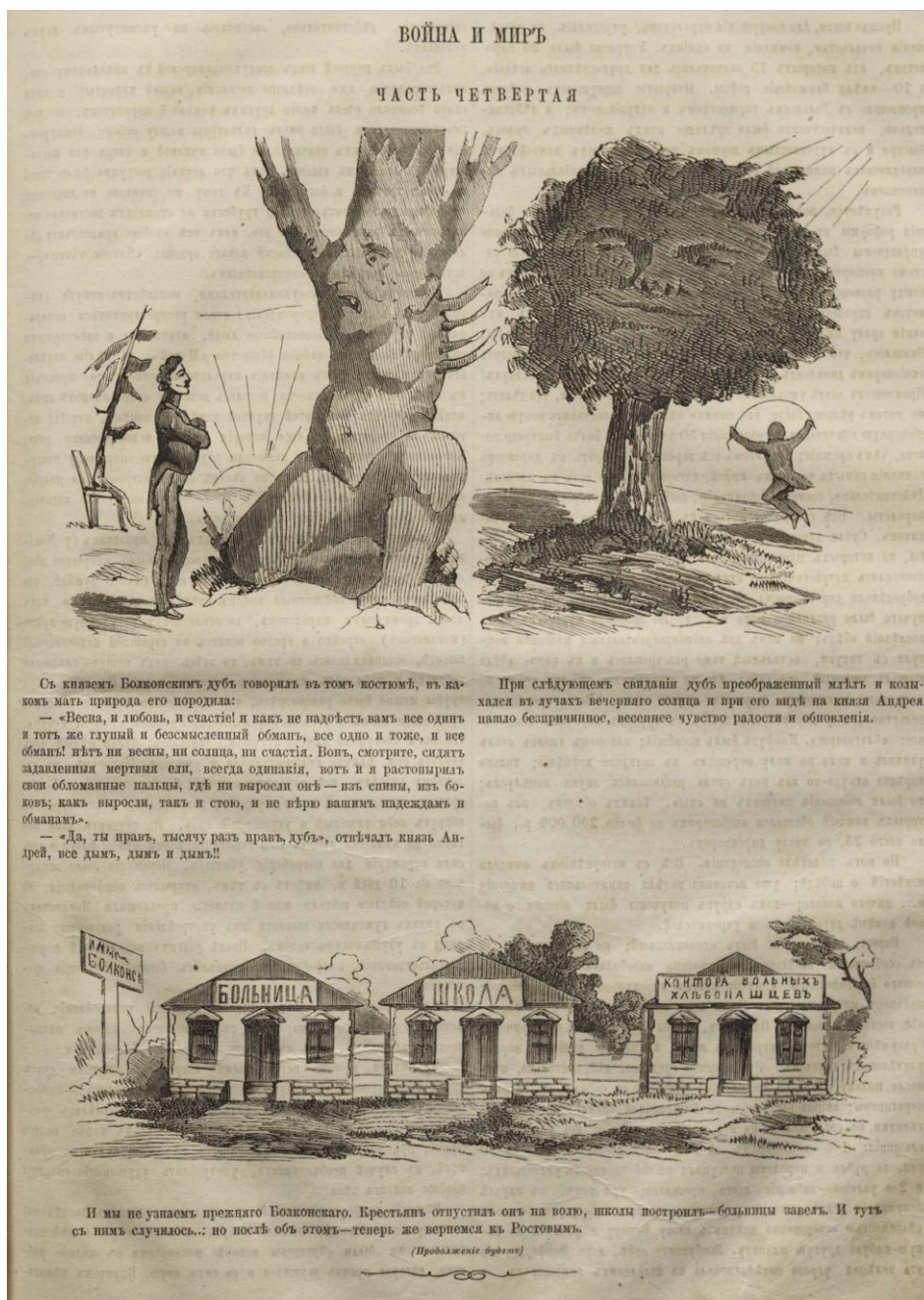
Под дубовым влиянием окончивши труд свой военный, в Питер поехал Андрей, где новая эра свершалась.

«Нашего полку прибыло!» – зашипели старцы, увидев Андрея и зная его по тенденциям, высказанным Пьеру. «Нашего полку прибыло!» – сказали либералы, имея более современные об нем сведения.

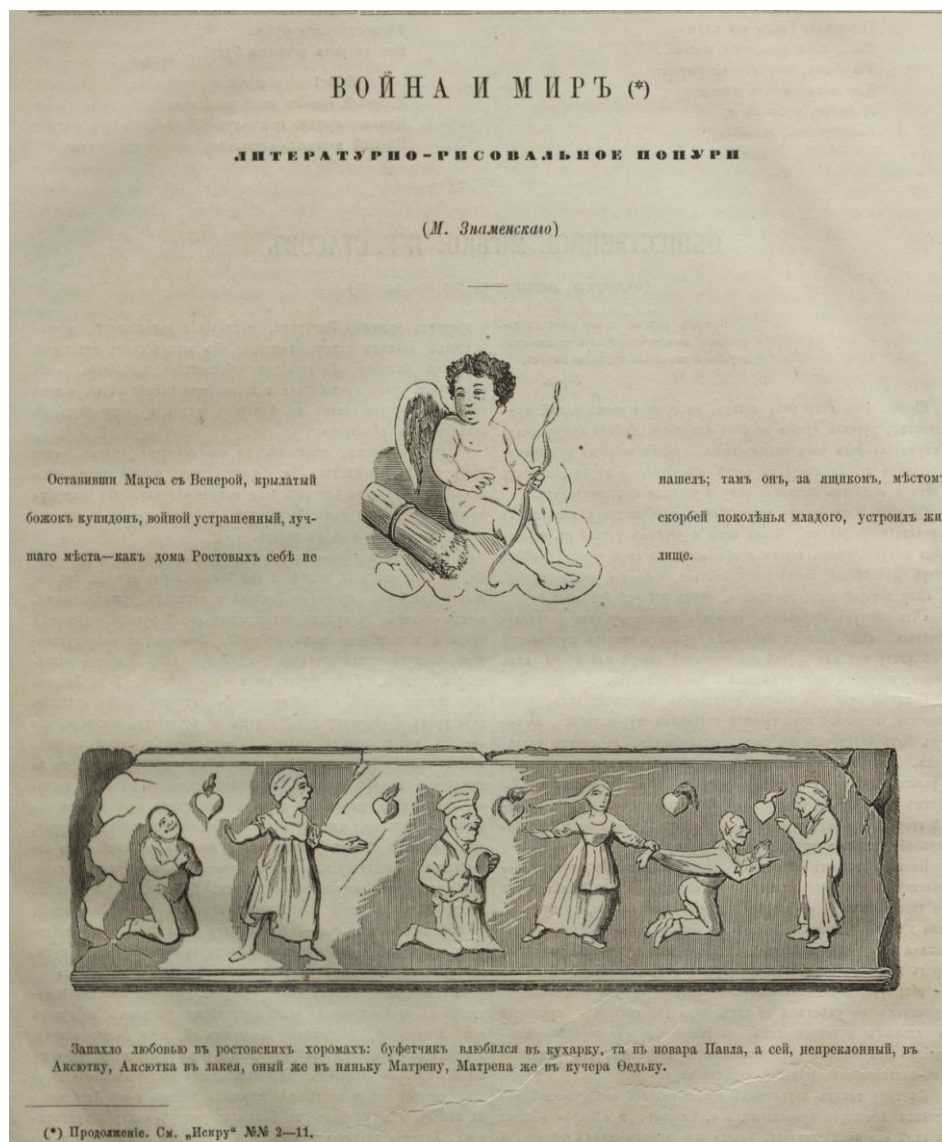
Судьба, всех героев знакомых на бале столкнуть предоставим (это ей уж забота), мы же рассказ свой о князе Андрее продолжить потщимся.

Болконский пошел танцевать там с Натальей Ростовой – «но едва лишь он обнял стан ее гибкий, как вино ее прелестей треснуло по лбу его (67 ст. том 2-й). Каюсь, читатель, сюжет сей курьезный наглядно не мог изложить я, не зная в судах каких вина прелести женской хранятся.

Окончивши танцы, Болконский вожит: женюсь на Наташе или нет. Но потом загадал он вернее, «если она подойдет к кухне своей, то будет моею женой».

Искра. 1869. № 11. С. 129
Iskra, 1869, no. 11, p. 129

Искра. 1869. № 12. С. 146
Iskra, 1869, no. 12, p. 146

Искра. 1869. № 12. С. 147

Iskra, 1869, no. 12, p. 147

Искра. 1869. № 14. С. 170
Iskra, 1869, no. 14, p. 170

ОНА ПОДОШЛА!

Папаше с мамашей руки на них возложить лишь осталось.
Теперь-то, любя и любимый взаимно, с новыми силами примется крепко за дело Андрей, все мы того ожидали. Но...

- Стой, кто? Куда?
- Болконский, князь... За границу... На год...
- Как, бросивши дело? Неправда, не он... Разве г. Кельсиев?
- Князь Болконский... Про-пу-скай!

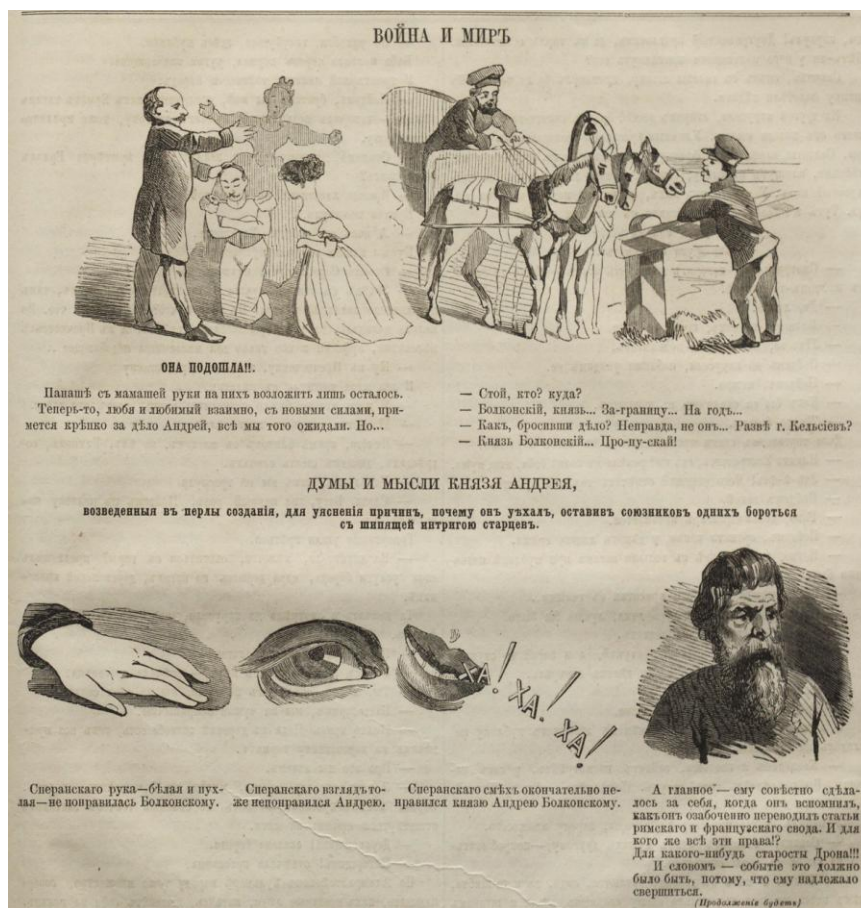
ДУМЫ И МЫСЛИ КНЯЗЯ АНДРЕЯ,
возведенные в перлы сознания, для уяснения причин, почему он уехал, оставив союзников одних бороться с шипящей интригой старцев.

Сперанского рука, белая и пухлая, не понравилась Болконскому.
Сперанского взгляд тоже не понравился Андрею.
Сперанского смех окончательно не нравился князю Андрею Болконскому.

А главное — ему совестно сделалось за себя, когда он вспомнил, как он озабоченно переводил статьи римского и французского свода. И для кого же все эти права?

Для какого-нибудь старосты Дрона!!!

И словом — событие это должно было быть, потому что ему надлежало свершиться.

Искра. 1869. № 14. С. 171

Iskra, 1869, no. 14, p. 171

АТРЫВКИ ИЗ МЕМУАРОВ РЫЖАВО ЛАВРУШКИ

Я так полагаю, «что весь мир разделен на два неравные отдела. Один – наш Павлоградский полк, а другой все остальное». С эфтим и их с-во граф Ростов согласны. А все в мире разделяется на три темпа. Сие последнее они от того говорят, что очень к музыке пристрастны, и когда им в Москве удалось взять втору в терции высокой ноты, то в душе их тронулось что-то лучшее, что только было в душе их, и тут они подумали, что можно зарезать, украсть и все-таки быть счастливым.

Однаке мой барин Денисов поехал насчет провианту переговорить и встретимши там чиновника провиантского, и там сейчас же «как ты нас с голоду моришь?! А, распротакрой, сякой», и начал катать. Тогда их отдали под суд, и они сделались чрез энто самое несчастными. А я перешел служить к графу Ростову.

У родителей ихних имущество порасстроилось, и потому самое нас выписали, дабы мы оно дело их поправили. И мы это сейчас, по-гусарски – управителя ихнего Митеньку перво дело за шиворот. «Разбойник! Неблагодарная тварь!.. Изрублю собаку... обворовал...» и ловким, значит, манером киселя коленкой поддали.

Теперича будем так рассуждать... Старинное предание говорит... А если я пьян и примусь господам услужать, то окромя, значит, того... што все приломаю... значит, ничего не делаю и пользу приношу... значит, я нашел одну сторону первобытного блаженства... Однаке черти больно отпорили – волк их ешь.

А у родителей ихних барышня жила, Софьей звать, и на святках гусаром нарядилась, и так это прелестно вышло, что граф их поцеловал и жениться на них обещался.

Мы «звуча шлепаньем копьем» на француза ходили – и граф взял в плен «француза с дырочкой» – и так ему жалко было энтого француза с дырочкой, «что хошь ему за него награду дали, однаке неясное чувство нравственно тошнило ему».

И так как меня опять касательно этого первобытного блаженства отпорили и в деревню за курами послали, то я и попался, как кур во щи, французу и с Бонапартом ихним говорил, И турусы на колесах ему разные представил, и Тьер все это прописал; но хоша француза и обманешь – графа Толстого никогда, так уж он меня, раскусимши, описал.

Опять за сеном мы поехали, а мужичье это необразованное из Богучаровой княжну Болконскую не пушают... Ну наш граф сейчас царап их по рылу... выпустили... За энто самое богатящая княжна Болконская в них влюбилась – и мы, хоша тоже допрежь сего были влюблены.

Искра. 1869. № 15. С. 182
Iskra, 1869, no. 15, p. 182

Искра. 1869. № 15. С. 183
Iskra, 1869, no. 15, p. 183

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2

ПИСЬМО СОНЕЧКИ БОЛТУХИНОЙ,
ВОСПИТАНИЦЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕ-
НИЯ, КОНФИСКОВАННОЕ НАЧАЛЬНИЦЕЙ ОНОГО – ПО СЛУЧАЮ
БЕЗНРАВСТВЕННОГО УПОМИНАНИЯ В НЕМ О ПАНТАЛОНАХ

11-го июня 18... года. Г. Зашиверск

Душка Филочка!

Ты не можешь представить себе, какая у нас была божественная погода. «В ярких лучах солнца, в запыленных листьях деревьев, в ярких летних платьях и в белых панталонах – было то летнее томление – которое особенно резко чувствуется в ясный жаркий день в городе!!»

В такое-то благодатное время жители нашего города (числом '11 душ), спасаясь от летнего томления, сняли белые брюки и летние платья и целые дни проводили под сенью струй. И в таком положении застал нас приход почты.

Вообрази! Прислали божественное творение графа Толстого, из-за которого была у нас совершенная война – причем один из наших учителей вследствие контузии пролежал целую ночь в канаве.

НВ. И ничего тут удивительного нет; удаленные от центра просвещения на 9349 верст, мы, естественно, поотстали лет на 60, и сочинение, описывающее начало нынешнего века, должно иметь для нас интерес современности. – *Замеч. гувернантки, конфисковавшей это безнравственное письмо.*

Не будь здесь душки Анатоля Шарыгина, мне долго бы не привелось прочесть это бессмертное творение, но он храбро отбил две части – и я спешу поделиться с тобой своим восторгом. Ни один из романов Поль де Кока не производил на меня такого глубокого впечатления, как «Война и Мир». Как отлично автор изучил женское сердце! Какая прелесть и душка Наташа Ростова! Ах! Как я горько плакала, когда высватал ее Болконский и уехал за границу на год – вообрази – на год!!! Не варварство ли? Но нет, я тебе немного выпишу.

«Ей жалко было самое себя, жалко было, что она так, *даром, ни для кого*, пропадала все это время, в продолжение которого она чувствовала себя столь способной любить и быть любимой».

Читая эти строки, я просто рыдала.

– «Что тебе надо? – сказала ей мать.

– Его мне надо... сейчас, сию минуту мне надо, мама, мне его надо. За что я так пропадаю, мама? Ах, куда бы мне деваться? Что бы мне с собой сделать?»

Далее я не могла читать и не помню, что со мною было.

После мне рассказывали, что я бросилась на вошедшую гувернантку, вскочила ей на спину и вскричала: «Петька, вези меня». А затем со мной сделалась истерика.

После приема лекарства я чувствую себя лучше.

НВ. Глауберовой соли три столовые ложки на стакан воды – самое верное и испытанное мною средство в подобных случаях. – *Замечание гувернантки, конфисковавшей это безнравственное письмо.*

Искра. 1869. № 17. С. 202
Iskra, 1869, no. 17, p. 202

Только ужасно нервы расстроены, меня раздражает все: и что корова наша так громко целый день мычит, и что по этому случаю гувернантка шепчется с кухаркой – приказывая ей достать что-то беспрерывно.

NB. Эти девчонки вечно недослышат и перевернут. Ничего я достать не приказывала, а велела дать больной нашей корове двойной прием глауберовой соли. – *Замеч. гувернантки, конфисковавшей это безнравственное письмо.*

NB NB. Удивляюсь! – *Замеч. ветеринара*

В Москве, куда повезли ее, в опере она познакомилась с прекрасной Еленой Безуховой. Голая Элен, так описывает автор, сидела подле нее и всем улыбалась, и точно так же улыбалась Наташа.

Улыбалась и с ужасом чувствовала, что между ей и братом Елены, красавцем Анатоном Куракиным, под влиянием магнетизма его пучеглазых глаз, «нет никакой преграды». Так что, выходя из оперы, он мог пожать ей руку выше локтя – а в следующее свидание и поцеловать ее.

NB. Чернявский-то, Чернявский что же смотрел? Ну да и Незнакомец-то с Загуляевым тоже хороши!! Взялись блюсти нравственность – так блюди. – *Замеч. гувернантки, конфисковавшей это безнравственное письмо.*

Что ж ей оставалось делать? Бросить жребий – она так и сделала. Ах, думала она, как было бы хорошо обоим, ах, если бы нос Болконского да к фигуре Анатоля или... Ах, я сама не знаю, который лучше. «Что же мне делать, когда я люблю его и люблю другого?» Оба! Оба вынулись. Ах! Как страшно... Убегу... убегу. Впрочем, это, кажется, у Гоголя кто-то так говорил. Я хотела еще раз прочесть это место, но наш Аттил в юбке отняла у меня книгу и сожгла – начитаетесь, говорит, всякого вздору, а я траться на лекарства. Такая досада.

NB. Гадать грех. – *Замеч. учителя нравств. философии*

Но убежать ей помешали.

Потом Наташа лежала на диване и не шевелилась.

Потом она лежала на диване и хворала.

Потом Наташа приняла яду и окончательно сделалась больна.

Однако же она осталась жива; все это устроено было судьбой, как я догадываюсь, для того, чтобы доставить случай madame Schoff приобрести большую коллекцию баночек и коробочек от пилуль и порошков – так как она была большая охотница до этих вещей.

NB. Еретикам всегда счастье. *Замеч. зашиверского старца.*

Граф Ростов имел полное право воскликнуть

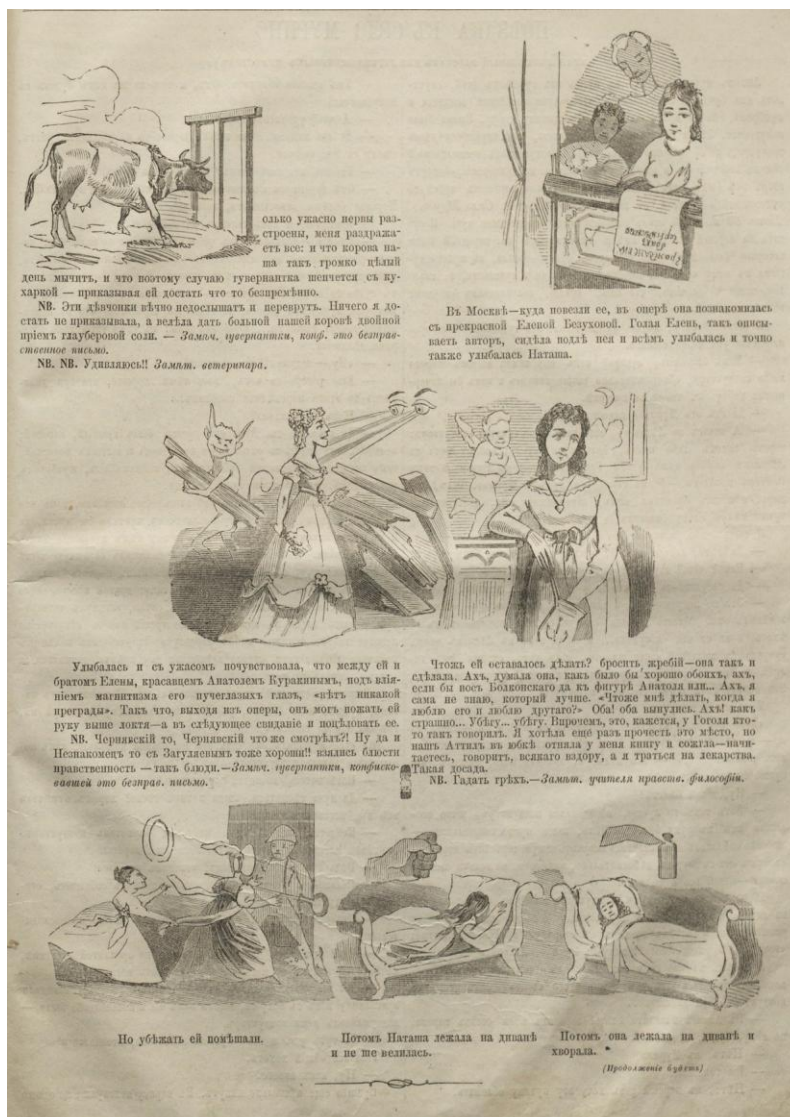
Что за комиссия, Создатель,

Быть взрослой дочери отцом.

НВ. Это из Грибоедова, последнего из допускаемых мною на лекции русских писателей. *Замеч. учителя словесности.*

Окончание письма затеряно.

Узнав из вышеприведенного письма о Наташиной истории, князь Андрей отправился в Петербург — но Анатолию заблагорассудилось убраться в Молдавскую армию.

Искра. 1869. № 17. С. 203
Iskra, 1869, no. 17, p. 203

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2

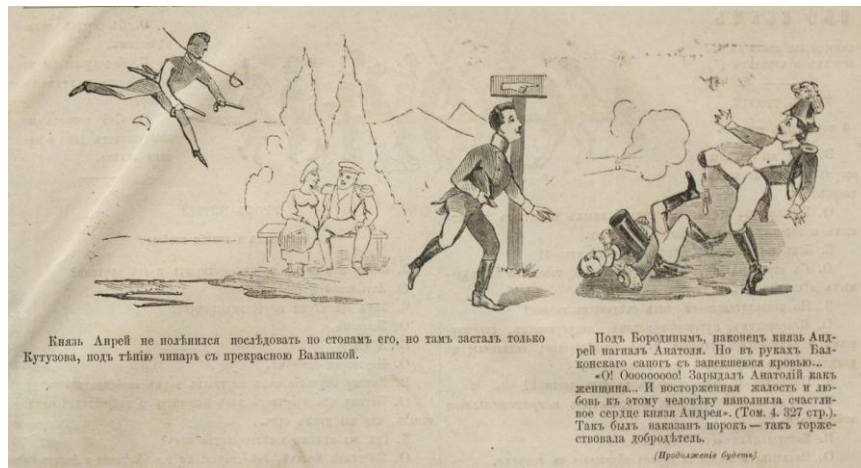

Искра. 1869. № 18. С. 214
Iskra, 1869, no. 18, p. 214

Князь Андрей не поленился последовать по стопам его, но там застал только Кутузова под тенью чинар с прекрасною Валашкой.

Под Бородиным, наконец, князь Андрей нагнал Анатоля. Но в руках Болконского сапог с запекшеюся кровью...

«О!Ооооооо! Зарыдал Анатолий как женщина... И восторженная жалость и любовь к этому человеку наполнила счастливое сердце князя Андрея (Том. 4 327 стр.). Так был наказан порок — так торжествовала добродетель.

Искра. 1869. № 18. С. 215
Iskra, 1869, no. 18, p. 215

Литературно-рисовальное попури так и не было завершено в связи с приостановкой «Искры». Возобновление издания в 1870 г. оказалось возможным при условии отказа его издателя от иллюстраций.

Список литературы

Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957. 916 с.

Дубин Б. В. Классика, после и рядом. Социологические очерки о литературе и культуре. М., 2010. 345 с.

Зайденинур Э. Е. «Война и мир» Л. Н. Толстого. Создание великой книги. М., 1966. 404 с.

Зорин А. Л. Жизнь Льва Толстого. Опыт прочтения. М., 2019. 248 с.

Зубков К. Ю. Слова-сигналы нигилизма и «Обрыв» И. А. Гончарова // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 25–39. DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-25-39

Козлов А. Е. «Пасквиль на литературу»: журналы «Всемирный труд» и «Заря» в оценках сатирического еженедельника «Искра» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020, Т. 19, № 6: Журналистика. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-9-20

Печерская Т. И. Пересказ сюжета как способ его присвоения (полемика вокруг романа И. С. Тургенева «Отцы и дети») // Сюжетология и сюжетология. 2015. № 1. С. 83–93.

Румянцев В. Н. Стихотворный фельетон середины XIX века: Н. А. Некрасов, В. С. Курочкин, Д. Д. Минаев: Дис. ... канд. филол. наук. Оренбург, 2007. 234 с.

Силантьев И. В. Газета и роман: риторика дискурсных смещений. М.: Языки славянских культур, 2006. 222 с.

Сорочан А. Ю. Лев Толстой – читатель исторической беллетристики // Вестник Твер. гос. ун-та. Серия «Филология». 2013. № 6. С. 53–59.

Соболев Л. И. Современники читают «Войну и мир» // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 179–224.

Тарасов Л. В. Адриан Волков. М.: Искусство, 1955. 31 с.

Шкловский В. Б. Материал и стиль «Войны и мира». М., 1928. 249 с.

Целикова Е. В. Феномен пародийной личности А. А. Фета в творчестве поэтов «Искры» // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. № 11 (32). С. 234–237.

Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» и стихотворная беллетристика 1830-х годов // Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999. С. 97–107.

Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб., 2009. 952 с.

Ямпольский И. Г. «Война и мир» Л. Толстого в пародиях и карикатурах. Эпизод из борьбы разночинцев с Л. Толстым // Звезда. 1928. № 9. С. 93–113.

Ямпольский И. Г. Сатирическая журналистика 1860-х годов. М.: Худож. лит., 1964. 624 с.

Altick R. Punch: The Lively Youth of a British Institution, 1841–1851. Ohio State Uni. Press, 1997. 776 p.

Vasilenko A. G. Parody and Caricature in the Satirical Weeklies: Conventions of Perception and Conflict of Interpretations. In: SHS Web of Conferences (EDP Sciences, France). 2021. Vol. 94. P. 1–5. DOI 10.1051/shsconf/20219402001

Wachtel A. B. An Obsession with History: Russian Writers Confront the Past. Stanford, CA: Stanford Uni. Press, 1994. 276 p.

References

Altick R. Punch: The Lively Youth of a British Institution, 1841–1851. Ohio State Uni. Press, 1997, 776 p.

Chumakov Yu. N. “Evgeny Onegin” i stikhotvornaya belletristika 1830-kh godov [“Eugene Onegin” and poetic fiction of the 1830s]. In: Chumakov Yu. N. Stikhotvornaya Poetika Pushkina [Poetics of Pushkin]. St. Petersburg, 1999, pp. 97–107. (in Russ.)

Dubin B. V. Klassika, posle i ryadom. Sociologicheskie ocherki o literature i kul'ture [Sociological essays on literature and culture]. Moscow, 2010, 345 p. (in Russ.)

Eikhenbaum B. M. Lev Tolstoi: Issledovaniya [Researches about Leo Tolstoy]. St. Petersburg, 2009, 952 p. (in Russ.)

Gusev N. N. Lev Nikolaevich Tolstoj: Materialy k biografii s 1855 po 1869 god [Leo Tolstoy: Materials for a biography from 1855 to 1869]. Moscow, 1957, 916 p. (in Russ.)

Kozlov A. E. “Libel of Literature”: “The World Labor” and “Day Spring” in the Estimates of the Satirical Weekly Magazine “Iskra”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 6: Journalism, pp. 9–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-9-20

Pecherskaya T. I. Pereskaz syuzheta kak sposob ego prisvoeniya (polemika vokrug romana I. S. Turgeneva “Ottsy i deti”) [Retelling of Story as Method of His Attribution]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Studies in Theory of Literary Plot and Narratology], 2015, no. 1, pp. 83–93. (in Russ.)

Rumyantseva V. N. Stikhotvornyj fel’eton serediny XIX veka: N. A. Nekrasov, V. S. Kurochkin, D. D. Minaev [Poetry Felieton of middle of 19th century: N. A. Nekrasov, V. S. Kurochkin, D. D. Minaev]. Orenburg, 2007, 234 p. (in Russ.)

Shklovsky V. B. Material i stil’ “Vojny i mira” [Material and style of “War and Peace”]. Moscow, 1928, 249 p. (in Russ.)

Silantev I. V. Gazeta i roman: ritorika diskursnykh smeshchenij [Newspaper and Novel: Rhetoric of Discourse Mixture]. Moscow, 2006, 222 p. (in Russ.)

Sobolev L. I. Sovremenniki chitayut “Vojnu i mir” [Contemporaries read “War and Peace”]. *Voprosy literatury*, 2007, no. 6, pp. 179–224. (in Russ.)

Sorochan A. Yu. Lev Tolstoj – chitatel’ istoricheskoy belletristiki [Leo Tolstoy as a reader of historical fiction]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Filologiya”* [Bulletin of Tver State University. Series “Philology”], 2013, no. 6, pp. 53–59. (in Russ.)

Tarasov L.V. Adrian Volkov. Moscow, 1955, 31 p. (in Russ.)

Tselikova E. V. Fenomen parodiynoy lichnosti A. A. Feta v tvorchestve poetov “Iskry” [Phenomenon of the Parody Character of A. Fet in works of “Iskra” poets]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2007, vol. 11 (32), pp. 234–237. (in Russ.)

Vasilenko A. G. Parody and Caricature in the Satirical Weeklies: Conventions of Perception and Conflict of Interpretations. In: SHS Web of Conferences (EDP Sciences, France), 2021, vol. 94. DOI 10.1051/shsconf/20219402001

Wachtel A. B. An Obsession with History: Russian Writers Confront the Past. Stanford, CA, Stanford Uni. Press, 1994, 276 p.

Yampolsky I. Satiricheskaya zhurnalistika 1860-kh godov [Satirical Journalism of 1860s]. Moscow, 1964, 624 p. (in Russ.)

Yampolsky I. G. “Vojna i mir” L. Tolstogo v parodiyakh i karikaturakh [“War and Peace” by Leo Tolstoy in parodies and cartoons]. *Zvezda*, 1928, no. 9, p. 93–113. (in Russ.)

Zajdenschur E. E. “Vojna i mir” L. N. Tolstogo. Sozdanie velikoj knigi [“War and Peace” by Leo Tolstoy. Creation a great book]. Moscow, 1966, 404 p. (in Russ.)

Zorin A. L. Zhizn’ L’va Tolstogo. Opyt prochteniya [The life of Leo Tolstoy. Reading experience]. Moscow, 2019, 248 p. (in Russ.)

Zubkov K. Yu. “Words-signals” of Nihilism and “The Precipice” by I. A. Goncharov. *Critique and Semiotics*, 2018, no. 2, pp. 25–39. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-25-39

Информация об авторе

Алексей Евгеньевич Козлов, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Alexey E. Kozlov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Научная статья

УДК 398.21 + 398.1 + 392.2 + 811.19 + 811.35

DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-90-102

**Персонажи легенд о демоне, вредящем деторождению,
в армянской, южнославянской традициях
и в авторском тексте А. Ремизова**

Эгине Артаковна Саакян

Ванадзорский государственный университет

Ванадзор, Республика Армения

sahakyanheghine@mail.ru

Аннотация

В южнославянской Сисиниевой легенде и в авторской обработке легенды А. Ремизовым в качестве демона, вредящего роженицам, выступает Вещтица (Вещица), в армянском фольклоре данная функция отводится, в основном, демонам ал и тпха.

Гог и Магога, пытаясь спасти от дьявола последнего, седьмого, оставшегося в живых ребенка, построили «башню из мрамора, оковали ее гвоздями железным и залили оловом». Решили спрятать царевну в башне, пока ребенок не подрастет. В связи с данным эпизодом представляет интерес поверье, распространенное у многих народов, по которому, чтобы защитить роженицу от алов, ее во время родов окружали железными предметами. Например, древние армяне прикалывали булавку к одежде или постели роженицы или ребенка, вешали над колыбелью меч и т. п.

В текстах отмечаются погодные условия – буря, зима, ливень, вьюга, которые способствуют тому, чтобы впустить Сисинию в дом. Связь непогоды, в частности бури, с демонами ярко прослеживается и в армянской, и в славянской традиции.

Море является пристанищем дьявола как в армянской и арамейской, так и в греческой традиции: только в эфиопских текстах вместо моря выступает сад как место обитания и убежище Верзильи. В восточнославянских молитвах из моря выходят трясавицы, при этом оно вздымается. Вместо традиционной для славянских версий ловли Сисинием демона из моря с помощью удочки / сети А. Ремизовым представлена характерная скорее для армянских преданий встреча святого и демоницы в пустыне.

Нами установлено сходство Вещицы с демонами алами из армянского фольклора, которые описываются как антропоморфные существа с горящими или стеклянными глазами.

Для сравнительно-сопоставительного анализа списков имен демонов мы рассмотрели мифонимы, выявленные в славянских (точнее, в интересующей нас южнославянской ветви), армянских и ремизовской версиях текстов Сисиниевой легенды.

Первая группа – мифонимы демонов, состоит из имен демонов, ведьм и колдунов; вторая группа – мифонимы, производные от слов, указывающих на вредительство демонов (образованные преимущественно от глаголов). Особое место (вторая группа) отводится мифонимам, со значением, «нанесения ущерба детям». Третья группа названий указывает на связь Вещицы с атмосферными явлениями. Четвертая – мифонимы, указы-

© Саакян Э. А., 2021

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2021. № 2. С. 90–102

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2, pp. 90–102

вающие на оборотничество и способность демонов к превращениям. Пятая – названия болезней и их симптомов. Шестая группа – оценочные имена.

Перечень имен демона в тексте А. Ремизова состоит из тринадцати мифонимов, которые больше напоминают имена трясавиц или грешников / грехов, причем все они исключительно женского рода.

Ключевые слова

святой Сисиний, Мелетина, Магога, мифонимы демонов, Вещица, Мора, трясавицы, ал и тпха, тератоморфный облик

Для цитирования

Саакян Э. А. Персонажи легенд о демоне, вредящем деторождению, в армянской, южнославянской традициях и в авторском тексте А. Ремизова // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2. С. 90–102. DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-90-102

Characters of Legends about a Demon Harming Potential in Armenian, South Slavic Traditions and in the Author's Text of A. Remizov

Heghine A. Sahakyan

Vanadzor State University
Vanadzor, Republic of Armenia
sahakyanheghine@mail.ru

Abstract

In the South Slavic *Sisinia* legend (SL) and in the author's adaptation of the legend by A. Remizov, *Veshtitsa* (*Veshitsa*) acts as a Demon harming women in labor, in Armenian folklore this function is assigned mainly to the demons *Al* and *Tpkha*.

Gog and *Magoga*, trying to save the last, seventh, surviving child from the Devil, built 'a tower of marble, bound it with an iron nail and filled it with tin'. They decided to hide the *Queen* in the tower until the child grows up. In connection with this episode, of interest is a belief widespread among many peoples, according to which, in order to protect a woman in labor from the *Als*, she was surrounded by iron objects during childbirth. For example, the ancient Armenians pinned a pin to the clothes or bed of a woman in labor or a child, hung a sword over the cradle, etc.

The texts note the weather conditions – storm, winter, downpour, blizzard, which contribute to letting *Sisinia* into the house. The connection between bad weather, in particular, storms with demons can be clearly traced in both Armenian and Slavic traditions.

The sea is the abode of the devil both in the Armenian and Aramaic and in the Greek traditions: only in Ethiopian texts, instead of the sea, does the garden appear as the habitat and refuge of *Verzilla*. In East Slavic prayers, shakers come out of the sea, while it rises. Instead of the traditional for the Slavic versions of catching a demon from the sea with the help of a fishing rod / net, A. Remizov presented a meeting of a saint and a demoness in the desert, which is more typical of Armenian legends.

We have established the similarity of the *Thing* with the demons *Als* from the Armenian folklore, which are described as anthropozoomorphic creatures with burning or glass eyes.

For a comparative and comparative analysis of the lists of the names of demons, we examined the mythonyms identified in the Slavic (more precisely, in the South Slavic branch of interest to us), Armenian and Remizov's versions of the texts of the *Sisinia* legend.

The first group – demon mythonyms, consists of the names of demons, witches and sorcerers. The second group is mythonyms derived from words indicating the wrecking of demons

(formed mainly from verbs). A special place is given to mythonyms with the meaning of "harming children". The third group of names indicates the connection between *Veshitsa* and atmospheric phenomena. The fourth group – mythonyms, indicating werewolf and the ability of demons to transform. The fifth group is the names of diseases and their symptoms. The sixth group is evaluative names.

The list of demon names in the text of A. Remizov consists of thirteen mythonyms, which are more reminiscent of the names of *shakers* or *sinner*s / *sins*, and all of them are exclusively feminine.

Keywords

Saint Sisinius, Meletina, Magoga, mythonyms of demons, Veshitsa, Mora, Tryazavitsy, al and tpkha, teratomorphic appearance

For citation

Sahakyan H. A. Characters of Legends about a Demon Harming Potential in Armenian, South Slavian Traditions and in the Author's Text of A. Remizov. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 2, pp. 90–102. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-90-102

В южнославянской Сисиниевой легенде (СЛ) и в ее авторской обработке А. Ремизовым в качестве демона, вредящего роженицам, выступает Вещица (Вещица), в армянском фольклоре данная функция отводится в основном демонам ал и тпха. Во всех названных вариантах текстов легенды в качестве спасителя и защитника от злого духа чаще выступает Святой Сисиний: в авторском тексте А. Ремизова – великий воин Сисиний; в южнославянской СЛ – св. Сисин, св. Сисон, св. Сисой и др.; в армянских версиях СЛ – св. Петр, св. Павел, св. Христос и Дева Мария, св. Сисиний, св. Сианий и др. В качестве жертвы демона в южнославянской СЛ выступает сестра св. Сисина (Сисиния) Мелетина, Мелентия; в авторской обработке СЛ А. Ремизовым – сестра Сисиния Магога и ее муж царь Гог; в армянской версии СЛ имен персонажей-жертв не выявлено.

Авторская обработка СЛ А. Ремизовым начинается с дополнительных вставочных эпизодов о стеклянном царстве царя Гога и его супруги царицы Магоги, подвергшегося нападению комариных войск. В авторском тексте отсутствуют мотивы явления Бога или ангела к Сисинию с поручением идти к сестре, детей которой похитил дьявол. Вместе с тем А. Ремизов также подчеркивает, что Сисиний (братья не указываются) был великим воином: «Сисиний – великий воин, побивший много побоищев, победитель Пора, царя индейского» [Ремизов, 2001, с. 28]¹. Царь Пор выступает и в другом авторском произведении А. Ремизова – в легенде «Премудрый царь Соломон и красный царь Пор» (с. 562–577). На наш взгляд, это является косвенным указанием на воздействие эпизода встречи Соломона и демоницы Обизуф из «Завещания Соломона», который в дальнейшем лег в основу вариантов СЛ в авторской обработке А. Ремизова. В авторском тексте А. Ремизова во вставных эпизодах упоминается и широко представленное в армянском и грузинском фольклоре «каменное царство».

Гог и Магога, пытаясь спасти от дьявола последнего – седьмого, оставшегося в живых ребенка, построили башню, в которой решили спрятать царевну, пока ребенок не подрастет. Магога взяла запасы на несколько лет и одну старуху-служанку: «В одну ночь построили вдали от жилья башню из мрамора, оковали ее

¹ Далее ссылки на это издание делаются в круглых скобках с указанием страниц.

гвоздем железным и залили оловом, так что ни снаружи, ни изнутри невозможно проникнуть» (с. 28). В связи с данным эпизодом представляет интерес поверье, распространенное у многих народов, по которому, чтобы защитить роженицу от алов, ее во время родов окружали железными предметами. Например, древние армяне прикалывали булавку к одежде или постели роженицы или ребенка, клали под подушку матери или вешали над колыбелью младенца меч, очерчивали ее кругом углем из тонира [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 342].

Сисиний просит Магогу впустить его в дом, она отказывается, ссылаясь на то, что боится дьявола. Поддавшись уговорам Сисиния, сестра выпускает его. В текстах отмечаются погодные условия – буря, зима, ливень, вьюга, которые способствуют тому, чтобы впустить Сисиния в дом. Связь непогоды, в частности бури, с демонами ярко прослеживается и в армянской, и в славянской традиции.

В вариантах СЛ дьявол проникает в дом обманным путем, часто под копытами коня Сисиния, превратившись в зерно. Мы склонны согласиться с мнением Т. Агапкиной о типологическом сходстве эпизода СЛ с проникновением дьявола-вещицы в убежище, созданное для спасения рода / потомства, к сюжету AaTh 825 – «Черт в Ноевом ковчеге»: «С помощью жены Ноя черт выведывает тайну постройки ковчега, оборачивается мышью, проникает в него, пытается потопить (грызет дно), кошка съедает мышь и спасает ковчег» [СУС, 1979, с. 209]. В армянских текстах ал и тпха могли проникнуть в дом через печную трубу в виде ветра, бури, в образе лягушки или же превратившись в волос. В ремизовской обработке Вещица проникает в башню, спрятавшись в пасти коня Сисиния. Интересно, что местом обитания алов, кроме водных источников, колодцев, сырых песчаных мест, также считались углы домов, конюшни и хлева. Мотив превращения всегда присущ демону, вредящему деторождению. Проникший в убежище дьявол похищает ребенка и убегает. Интересен вариант, когда дьявол ночью превращается во льва или ловца и в зубах уносит ребенка: «У поноћи сотвори се даволь у лафа и узе отроча у зубе и утече у бездну морску» (НБС 88); а в некоторых текстах дьявол получает имя льва – левь и скоуминь (ИерП); левь и скоумень (СПД 1) «лев и лвенюк»; в 419-й молитве архангела Михаила против Вещицы среди ее имен встречается лавица, лавница (серб. лавица «львица») [Агапкина, 2017, с. 418–419]. Описание львоподобного демона в ремизовском тексте отсутствует. Однако ал и тпха изображались в тератоморфном облике, причем часты были сравнения со львами: Волосы его как змеи (№ 13), / Волосы как у **льва**, / Пальцы (ног) сзади, а ступни – спереди (№ 7) / И лик безобразнее, чем у всех животных, Как конская морда (№ 10), Виднелась грива его как у свиньи, Виднелся язык багряный (№ 21) и т. д. [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 336, 337].

В вариантах Сисиниевой легенды Мелетина обнаруживает пропажу ребенка / находит его мертвым и будит братьев, «возопив громким голосом». В авторской обработке А. Ремизова: «Сотрясалась башня от вопля и проклятия» (с. 29).

В авторской обработке А. Ремизова за дьяволом гонятся Сисиний и царь Гог, а не его братья: «Поднявши руки к небу, стали просить у Бога дать им власть над Нечистою, поймать ее; и по молитве, сев на коней своих, погнали через пропасти за холодные горы» (с. 29).

Дополнительный фрагмент о встрече Сисиния и деревьев в ремизовском тексте заменен вставкой о глубоком сне Сисиния и встрече Гога со Смертью.

Море является пристанищем дьявола как в армянской и арамейской, так и в греческой традиции, только в эфиопских текстах вместо моря выступает сад как место обитания и убежище Верзили. В восточнославянских молитвах из моря выходят трясавицы, при этом оно вздымается. Вместо традиционной для славянских версий ловли Сисинием демона из моря с помощью удочки / сети А. Ремизовым представлена характерная скорее для армянских преданий встреча святого и демоницы в пустыне: «Идет по пустыне некая женщина: она шла по пустыне, блеща огнем, длинные до пят волосы крыльями горели за ней, и от всего тела ее пыхало пламенем» (с. 30).

Ремизов сохранил сцену избиения дьяволицы, когда, нанося ей удар за ударом, с каждым ударом давал ей по три тысячи ран: «Тогда Сисиний, вздернув коня, схватил ее со всего плеча за волосы и, сбив в мяч, стал бить и колоть ее, требуя выдать царских сынов» (с. 30).

То, что Сисиний имеет дело с дьяволом, подчеркнуто и в тексте А. Ремизова: «Кто ты, откуда, и как имена твои? – крикнул Сисиний Дьяволу» (с. 30), а то, что его имя Вещица, обычно звучит только в перечне имен. Однако в ремизовской версии легенды дьявол раскрывает свое первое имя в самом начале встречи с Сисинием: «Я крыло Сатанино, я – Вещица» (с. 30). Вместе с тем Вещица А. Ремизовым изображается «блеща огнем» с полыхающим пламенным телом, длинными до пят волосами, которые крыльями горели за ней и глазами, способными, прожечь человека насквозь, так что золото расплавилось на Сисинии.

По описанию Вещица очень похожа на армянских демонов алов: описываются как антропоморфные существа с горящими или стеклянными глазами, железными зубами и медными клыками, железными бровями, медной шеей, с огромными железными руками (в некоторых вариантах алы держат в руках резак), с обвисшими грудями и перевернутыми стопами, что является отличительной особенностью других армянских демонов – каджков. Волосы алов взъерошены, иногда изображаются в виде змей, конской гривы или щетины кабана. В народе алов часто называли зверями, упоминая вместе с дэвами (դևեր) и каджками (քաջեր) [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 342].

То, что дьявол сожрал детей Магоги, становится понятным из ее признания Сисинию: «Я пожрала их, – воскликнула Вещица» (с. 30). Далее у А. Ремизова Сисиний требует от дьявола, чтобы тот изверг детей Магоги, на что он ставит условие: если Сисиний изрыгнет материнское молоко, в качестве своеобразной формулы невозможного или трудной задачи, задаваемой дьяволом. Сисиний, помолвившись, чудесным образом выполняет условие. И пораженный чудом дьявол в ответ извергает детей Магоги.

В заключительном фрагменте дьявол просит отпустить его. Сисиний требует от дьявола раскрыть его имена. Дьявол называет свои имена и клянется не вредить людям. В южнославянских списках молитвы св. Сисиния оберегом от дьявола-Вещицы являются сакральные имена: Матей, Марк, Лука, Иван, что дало основания Т. Агапкиной заключить, что в молитвах «Сисиний / Мелетина-типа» изначально не было перечня имен демоницы и соответственно клятвы этими именами.

В ремизовском тексте приводятся 13 мифонимов: Мора, Ахоха, Авиза, Пладница, Лекта, Нерадостна, Смутница, Бесица, Преображеница, Изъедущая, Полобляющая, Негрызущая, Голяда.

Клятвы демоницы с упоминанием небесной вышины и морской глубины встречаются в греческих и армянских молитвах «Михаил-типа», но отсутствуют в авторской обработке А. Ремизова.

Поздняя вставка, характерная для сказочных текстов об отправлении дьявола Сисинием в бездну и отнесении детей к сестре, А. Ремизовым не включена в авторский текст легенды. Ср. с упоминаемым в армянских заговорах царем алов, которому они постоянно приносят новые жертвы. **Он живет в бездне**, по шею утопая в расплавленном свинце [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 342].

Имена Демонов

Для сравнительно-сопоставительного анализа списков имен демонов выявленных в славянских (точнее, интересующей нас южнославянской ветви), армянских и ремизовской версиях текстов СЛ мы взяли за основу модель классификации, предложенную Т. Агапкиной для мифонимов демонов из южнославянских списков. На востоке и юго-востоке Балкан (Болгария, Македония, Восточная Сербия) демонов, вредящих роженицам и младенцам, называют бабице, нави, але, сотоње, свирци и т. д. Некоторые из них генетически соотносятся с детьми, умершими некрещеными. Они появляются в доме по ночам, считаются причиной болезней, ночного крика и плача детей, отсутствия молока у роженицы, а также смерти ребенка [Агапкина, 2017, с. 454]. В отличие от южнославянских демонов, восточнославянские не имеют каннибалистических наклонностей, что является ключевой причиной привлечения нами мифонимов исключительно из южнославянских текстов.

Первая группа – мифонимы демонов – состоит из имен демонов, ведьм и колдунов (авет, вельзъвүль, вила, вѣщица, демонъ, диаволь, мора, pavada, нечисти дѣхъ, слуть, чаротворьць, чинилица).

Вѣщица (Вещица) – один из основных персонажей южнославянской мифологии; это ведьма, совмещающая черты реального человека и демона, обладающая сверхъестественными способностями и причиняющая вред: похищает детей (новорожденных, до 40-го дня), съедает и выпивает сердца и кровь у детей и взрослых. Имя «вѣштица», этимологически родственное восточнославянским вѣдма, вѣдуна, вѣщица, происходит от *věděti «знать» и имеет значение «тот, кто знает» [Скок, 1971, с. 603; Агапкина, 2017, с. 455]. В авторской обработке легенды А. Ремизовым, дьявол сам представляется Вещицей.

Мора (также нагимора, тмора, меритимора) – женский мифологический персонаж, основной функцией которого является удушение. Мора душит и мучит спящего человека, наваливаясь ночью ему на грудь, а также сосет у спящего человека кровь, нападает на роженицу и ребенка в течение 40 дней после родов и т. д. Как и Вещица, мора особенно опасна для детей. Из 13 мифонимов, приведенных А. Ремизовым, Мора является первой [Агапкина, 2017, с. 456].

Вилы – самый известный персонаж сербской фольклорной и мифологической традиции, им приписывается похищение детей.

Дьявола (давол, сатана, вельзевул, враг). По Сисиниевой легенде детей Мелетины похищает именно дьявол, а о том, что этот дьявол носит имя Вещица, мы узнаём из перечисления им своих имен.

Из перечисленных имен нечисти в авторском тексте А. Ремизова к первой группе мифонимов можно отнести имя **Бесица**, в котором отчетливо выделяется корень 'бес'.

В армянской версии СЛ аналогичными именами демонов, на наш взгляд, могут быть **Марой (Մարոյ)**: 1. в армянском языке корень *мар-* (մար) с окончанием *-ել* (մարել) означает 'гаснуть, гасить'. Следовательно, Марой является демоном-убийцей, «гасящим» жизни людей; 2. возможен и другой вариант, согласно которому Мара (Марой) была демоном, вызывавшим помутнение рассудка у людей [Мансветов, 1881, с. 32; Ачарян, 1977, с. 281].

Анканес (Անկանես), **Анканис (Անկանիս)**, **Анкэанис (Անկէանիս)**, **Анкенес (Անկենես)**. Выделяются корни *-кан-* (кеан), *-кэн-* (կեն, կան) со значением 'жизнь', приставка со значением отрицания *ан-* (ան-) 'не'. Предположительно, Анканес демон-убийца, лишаящий людей жизни. По С. Арутюняну, в основе данных имен лежит армянское слово *анканел* (անկանել), означающее 'выкидыш, спровоцированный воздействием нечистой силы' [Арутюнян, 2006, с. 328].

Майройэ (Մարոյէ) – корень *майр-* (մայր) 'мать'. Следовательно, Майройэ – ал, вредящий матерям, либо она сама мать демонов.

Мармарой (Մարմարոյ), **Мармарай (Մարմարայ)**, **Мармаройэ (Մարմարոյէ)** – модификации одного и того же имени. Стоит отметить, что среди имен Гилло встречаются формы: Мармари, Мармарос. В греческом языке они дают представление о белом и бледном, холодном и неумолимом, т. е. о смерти. И. Д. Мансветов же видит в этих именах сходство с русскими трясавицами Белеей и Бледнеей [Мансветов, 1881, с. 32]. Мармарой, Мармарай и Мармаройэ, предположительно, являются демонами смерти [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 351].

Вторая группа – мифонимы, производные от слов, указывающих на вредительство демонов (образованы преимущественно от глаголов): вадница < «вытаскивать»; дражница < «дразнить», «раздражать»; званий, звателица < «звать»; губителница, изгубетеница < «губить»; издрица < «вырывать»; клеветница < «клеветать»; клета, клетница < «проклинать»; кровопитница, кровопийца < «пить кровь»; ловица, ловница < «ловить»; параст'ниса < «приносить несчастье»; обрезаница, резаница < «резать»; преблизаница < «приближаться»; преласни диваволь < «искушать, обманывать»; страшница < «пугать»; члѣвки разьбиваютъ < «разбивать»; оубѣца < «убить»; оудница < «вредить»; ки луди свадут < «ссорить» [Агапкина, 2017, с. 459].

Шесть мифонимов из ремизовского перечня считаем целесообразным отнести во вторую группу: **Смутница, Нерадостна, Полобляющая, Негрызущая, Пладница, Изъедущая.**

Смутница – по нашему мнению, дьяволица, вызывающая смуту, раздор.

Нерадостна – вероятно, мифоним обозначает демоницу, лишаящую радости.

Полобляющая – на наш взгляд, корень *-лоб-* в составе данного мифонима может иметь два значения: 1. ударяющая по лбу, и, более вероятное, 2. пишущая на лбу (судьбу, долю). Поверья о мифических существах, определяющих судьбу человека при рождении, весьма распространены в мифологиях разных народов. Интересно, что слово *судьба* на армянском языке – 'чакатагир' (ճակատագիր) состоит из двух корней, обозначающих лоб и письмо, дословно понимаемое как 'написанное на лбу'.

В армянских списках СЛ выявляются мифонимы **Калиши** (Կալիշի), **Калилэ** (Կալիլէ), **Калели** (Կալիլի). Корень *кал-* (կալ) с окончанием *-ел* (ել) означает 'овладевать, пленять, связать, держать', т. е. Калиши, Калели и Калилэ могут быть демонами, овладевающими человеком, вселяющимися в него [Тадевосян, Коцинян, 2017 с. 351].

Аслумэ (Ասլումէ) и **Ашиной** (Աշինոյ). Корень *ас-* (աշ) в армянском языке имеет значение 'говорить', суффикс *-мэ-* указывает на лицо женского пола, следовательно, Аслумэ можно перевести как 'говорящая'. В имени **Ашиной** просматривается форма армянского глагола *ашел* (աշել) 'смотреть', т. е. 'смотрящий' [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 350].

Во второй группе особое место отводится мифонимам со значением «наносщая ущерб детям». Из южнославянских мифонимов сюда можем отнести: **млекарь**, унима мла(д)еньцемь млеко («отбирать молоко»); **сати**, **исиза** («сосать»); **страшница** («пугать»); **втроки юмлеть**, **дѣти оузимають** («хватать, забирать детей»); **оубѣца** («кубить»); **оудница** («вредить») и т. д. Вещице приписывается функция душисть детей (**детодавица**), забирать (**дѣти зимають**) и умерщвлять их (**чедоморица**).

Мифонимы со значением «хватать, забирать ребенка» («**дѣти оузимають**», «**втроки юмлеть**»), обозначают похищения ребенка дьяволом. **Мотив заставления ребенка плакать и его скрывание** [Агапкина, 2017, с. 459].

Мифоним со значением «**кровопийца**» (кровопица), а еще позже также «**сосущая, пьющая**»: **пина**, **сати**, **возможно, исиза**.

Пладница – от слова *плод*. Относительно этого мифонима мы можем выдвинуть две версии. 1. Демоница вредит плоду, во время беременности. Подобная функция была присуща и алам из армянского фольклора. Упоминается, что алы могут стать причиной выкидыша; в заговорах против алов говорится, что они крадут шести-, семи-, восьми- и девятимесячных младенцев, а также зародыши, находящиеся в материнской утробе; 2. Функцией демоницы может быть «расплачивание» нечисти либо оказание помощи, покровительства рожающим демоницам. Обе версии нам кажутся одинаково правдоподобными.

Изъедущая – от слова *есть*. На наш взгляд, данная демоница может вызывать у человека, в том числе и у детей, ненасытность. Известно, что, алы также могли извлекать пищу из желудка детей, отчего те были постоянно голодными и становились прожорливыми.

Негрызущая – на наш взгляд, мифоним является своего рода эвфемистическим обозначением демоницы, не пожирающей плоть младенца, а высасывающей их кровь – функционально близкая к вышеозначенной **Исизе**.

Из имен армянских демонов к данной подгруппе можно отнести: **Тайоци** (Տայոցն) – от армянского *mla* (մալ) 'дитя, мальчик'. Предположительно, демон вредит новорожденным мальчикам.

Цнанелой (Շնանելոյ), **Цнелоц** (Շնելոց), **Цнанелоц** (Շնանելոց), **Цнанелоци** (Շնանելոցն). В основе имени лежит армянский глагол *цнел* (ծնել) 'рожать'. Возможно, демон причиняет вред именно во время родов [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 351].

Третья группа названий указывает на связь Вещицы с **атмосферными явлениями**, а также, возможно, на **способ передвижения**: **ветарь**, **вихрьница**, **вир**, **витница**, **витусал дијавалски**, **вия**.

И у славян, и у армян ветер, а особенно вихрь, как нечто крутящееся, традиционно считался вместилищем и способом передвижения нечистой силы. В связи с данным поверьем в ряде списков молитвы св. Сисиния присутствует мотив бури, холода и непогоды, разыгравшейся в ночь похищения младенца Мелетины. Данный мотив, как уже было отмечено, присутствует в авторском тексте А. Ремизова, однако среди перечисляемых Вещицей имен соответствий с данной группой мифонимов нами не обнаружено.

Из армянских списков этой группе имен соответствуют мифонимы **Айсмэ** и **Айсзин**.

Айсмэ (Այսմէ). Слово *айс* (շյս) в армянском языке имеет два значения: 1. ветер, дуновение (բարձր, փչում); 2. злой, дракон, черт (շար, դև, փափափ). Отсюда возникло слово *айсаһарвел* (շյսահարվել, т. е. 'подвергнуться воздействию нечистой силы', 'испугаться'). Слово *айсакир* (շյսակիր), обозначает человека или животное, одержимых бесом [Ачарян, 1971, с. 171].

Айсзин (Այսզին). Т. Тадевосян и Ш. Коцинян предполагают, что Айсмэ и Айсзин являются демонами с одинаковой функцией, отличающимися друг от друга лишь полом, исходя из того, что форманты *мэ* (մէ) и *нэ* (նէ) в армянском языке указывают на лиц женского пола, а формант *зин* (զին), по всей вероятности, обозначает представителей мужского пола [Ачарян, 1971, с. 171; Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 350].

Четвертая группа – мифонимы, указывающие на оборотничество и способность демонов к превращениям. Оборотничество и многоликость демонов является их сквозной отличительной чертой в разных культурных традициях. Характерным для данной группы в южнославянских текстах являются имена **преобразница, обратница, образница**.

Помимо имен, обозначающих оборотничество, сюда можно отнести имена, указывающие на те образы, которые может принимать Вещица: **голубница, змиѧ, медвидица, иг'сѧса**, а также **левь** и **скоумѧнь, лавица** [Агапкина, 2017, с. 462].

Среди имен Вещицы из произведения А. Ремизова к четвертой группе относится мифоним, указывающий на процесс трансформации демона – **Преображеница**.

Аналогичными именами из армянских списков считаем такие мифонимы, как **һомизан** (Հոմիզան), **һомитун** (Հոմիտուն). Выделяются корни: *-һом-* + *-зан-*, *-һом-* + *-тун-*. Корень *-һом-* имеет значение 'одинаковый, похожий, весь', корень *-зан-* имеет значение 'образ, вид', а корень *-тун-* – 'дом, жилье'. Можно предположить, что речь идет о демонах, внешне не отличающихся от людей, причем второй из них селится в домах [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 352].

Екитун (Եկիտուն). Выделяется два корня: *-ек-* (եկ) 'приходить' и *-тун-* (տուն) 'дом'. В данном случае Екитун может быть демоном, который живет в доме, т. е. домовым [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 351].

Айилинэ (Այիլինէ). В данном имени присутствует женский формант *-нэ*. По нашему мнению, слово могло образоваться от корня *-айл-* (այլ) со значением 'другой, чужой'. Можно предположить, что это существо из другого мира, ведь чужими называют всех демонических персонажей, представителей нечистой силы. С ними же отождествляли и пришельцев из других, чаще всего, далеких

стран. В качестве примера Т. Тадевосян и Ш. Коцинян приводят **болгарских Ерменок** [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 349–350].

Пятая группа – названия болезней и их симптомов. В южнославянских текстах это такие мифонимы, как **вара, врукъ, живи вгнь, месечница, месечина, падница, прострел, сипина**.

Мифонимы **вара** и **врукъ** имеют, по-видимому, значение «огневица, горячка, лихорадка» (ср. болг. **огница**, серб. **огњица** «лихорадка» и т. д.) и скорее всего связаны с темой жара как симптома послеродовой горячки, насылаемой на роженницу. Этим можно объяснить, почему в названиях молитв, начиная с XVII в., появляется слово «**грозница**» – так называют лихорадку (в том числе у детей), сопровождающуюся усиленным кровообращением, высокой температурой, сменяющейся ознобом; синонимами названия «грозница» как раз и являются слова **огаъ, огница, вруница** (RHSJ 3: 467–468, с XIV–XV вв.) [Агапкина, 2017, с. 461]. Напомним, что у восточных славян Сисиниева молитва превратилась в трясавичную, т. е. в молитву от лихорадки, горячки.

Айрой (Այրոյ). Корень **-айр-** (այր) со значением ‘жечь, сжигать’. Предположительно, это демон, вызывающий у человека жар [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 350].

Дайгалай-готэ (Դայգալայ-Գոտէ), **Дахакотэ** (Դախաքոտէ). Слово *daygal* может быть искаженной формой армянского *dagal* (դաղալ) – ‘гроб’. В армянском языке известны слова *годи* (գոճի), *коти* (կոճի) со значением ‘прокаженный, страдающий дурной болезнью, инвалид’ [Ачарян, 1971, с. 570, 614]. *Дайгалай-готэ* могут быть восставшими из могил мертвецами, или демонами, заражающими людей проказой. С. Арутюнян высказал мысль о том, что имя Дахакотэ связано с Ахкатэ: начальная «д» в первом имени могла быть ошибкой переписчика, написавшего ее вместо цифры 4 (в древности армяне употребляли буквы в значении чисел, буква Դ (Դ) как раз соответствует цифре 4, а Дахакотэ в перечне демонов стоит на четвертом месте) [Арутюнян, 2006, с. 328].

В авторской обработке легенды А. Ремизовым используется также мифоним **Ахоха**, который представляет собой соединение характерных для болевых ощущений междометий, произносимых человеком при разных недугах.

Шестая группа – оценочные имена, часть которых, как справедливо отмечает Т. Агапкина, имеет пейоративный характер. В южнославянских текстах к этой группе относятся, например, **безобразница, блудница, зла, ljutica, ljutoděe, панац, s'metiš'nica, тать**.

В качестве подтипа шестой группы выделяются умиловительные эвфемистические имена: **добраѧ, макарѧ, мудрица, света, сиѧна, славна, šćedrotica** [Агапкина, 2017, с. 462].

Демоны данной группы нами выявлены и в армянских списках СЛ: **Акатэ** (Աքաթէ) – предположительно, от армянского *akam* (աքամ). Корень имеет два значения: 1. бедный, бездомный, попрошайка; 2. больной, худой, жалкий. В данном контексте более актуально второе значение корня: можно считать Акатэ демоном болезни, причиняющим тяжелые недуги [Ачарян, 1971, с. 137].

Алазо (Ալազո), **Азлазой** (Ազլազոյ). Алазо – измененная форма имени Азлазой. Как Азлазой, так и Алазо могут восходить к **Азazelу** – известному у семитов и иудеев демону пустыни [Тадевосян, Коцинян, 2017, с. 350].

Из перечисленных А. Ремизовым тринадцати мифонимов нам кажется целесообразным отнести к шестой группе следующие имена.

Авиза – о значении данного мифонима у нас несколько предположений. Во-первых, отрицательная приставка *а-* и корень *в > вэ > вэз > вэзг > вэзгяд*. Мифоним может обозначать невидящую, слепую демоницу. Отметим, что слепота является характерной чертой нечисти. Учитывая вредительство нечисти, демоница может быть духом, слепоты как болезни. В данном ключе представляет интерес армянское поверье, по которому алы не только похищали или подменивали младенцев, но также поедали, предварительно ослепив и оглушив их. Во-вторых, в чередовании *виз > вид* можно усмотреть значение *лицо, облик, вид* [Фасмер, 1986, т. 1, с. 312], что вкпе с отрицательной приставкой может приобрести значение *безобразный* – одно из имен демона. Однако мы склонны к версии, указывающей на слепоту как болезнь, наводимую на человека демоном, либо на признак самого демона. Следует отметить, что и слово «визг» образовано от данного корня, что является достаточно интересным фактом, если учитывать, что «вопли и визг» являются обязательной характерной чертой демона, повторяющейся в разных мифологических традициях.

Лекта – от латинского «lectio ot lego», вероятно, функция демона связана с речью. Наше предположение подкрепляется значением слова «лекотать» – «бормотать», вместе с тем финское «lakatta» – «говорить неясно, болтать» [Там же, т. 2, с. 478]. По нашему мнению, это демоница, вызывающая нарушение речи либо немоту.

Голяда – «нищий, бродяга» [Там же, т. 1, с. 434]. По всей видимости, Голяда – демон, вызывающий болезни и нищету. Учитывая связь женского демона с водой, также интересно, что «голядь» (или олядь) являлось названием вида лодки [Там же, с. 434].

Таким образом, тема уничтожения потомства и фертильности является сквозной для многих мифологических традиций, в том числе армянской и славянской. Нами установлено, что каннибалистические свойства характерны как для южнославянской Вещицы, так и для армянских демонов алов.

Широкую вариативность рукописных текстов у армян и русских А. Топорков [2017] связывает с воздействием местного фольклора. В перечнях мифонимов поздних молитв появились имена Вещиц, обусловленные традиционными верованиями, связанными с функциями демонов.

В южнославянской рукописной традиции Сисиниева молитва представлена двумя сюжетными типами – молитвой св. Сисиния и молитвой архангела Михаила против Вещицы. Количество имен нечисти от 12-ти до 22-х.

В армянской традиции имелись тексты и «Михаил-типа» и «Сисиний / Мелетина-типа». В армянских заговорах против ала и тпхи встречается пять списков имен демонов. В трех списках насчитывается 12 имен, а в двух других – 11 и 6.

В рамках ономастикона преобладают существительные женского рода, оканчивающиеся на *-а* в южнославянских текстах, и женские окончания *-мэ, -нэ* зафиксированы в большинстве мифонимов из армянских списков о демоне, вредящем деторождению, что подтверждает представление о его женской природе.

Перечень имен демона в тексте А. Ремизова состоит из тринадцати мифонимов, которые больше напоминают имена трясавиц или грешников / грехов, и все исключительно женского рода.

С течением времени образ Вещтицы всё дальше отходил от образа дьявола и приобрел антропоморфные черты. Данная тенденция характерна и для армянских демонов алов и тпхи.

Список литературы

- Агапкина Т. А. Сисинева молитва у южных славян // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. М.: Индрик, 2017. С. 373–507.
- Арутюнян С. Армянские заговоры и народные молитвы. Ереван, 2006. (на арм. яз.).
- Ачарян Гр. Этимологический коренной словарь армянского языка. Ереван, 1971. (на арм. яз.)
- Мансветов И. Д. Византийский материал для сказания о двенадцати трясавицах // Древности: Тр. Императорского археологического общества. М., 1881. Т. 9, вып. 1. С. 24–36.
- Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М.: Рус. книга, 2001. Т. 6: Лимонарь. 784 с.
- Скок П. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Загреб, 1971. Т. 1. (на хорв. яз.)
- СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- Тадевосян Т. В., Коцинян Ш. К. Армянские амулеты и заговоры против ала и тпхи и Сисиниева легенда // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. М.: Индрик, 2017. С. 327–373.
- Топорков А. Л. Заключение // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы. М.: Индрик, 2017. С. 771–793.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 574 с.; Т. 2. 672 с.

References

- Acharyan Hr. Etymological Root Dictionary of the Armenian Language. Yerevan, 1971. (in Arm.)
- Agapkina T. A. Sisineva molitva u yuzhnykh slavyan [Prayer of Sisinia among the southern Slavs]. In: Sisinia legends in folk and manuscript traditions of the Middle East, Balkans and Eastern Europe. Moscow, Indrik, 2017, pp. 373–507. (in Russ.)
- Harutyunyan S. Armenian conspiracies and folk prayers. Yerevan, 2006. (in Arm.)
- Mansvetov I. D. Vizantiyskiy material dlya skazaniya o dvenadtsati tryasavitsakh [Byzantine material for the legend of the Twelve Shivers]. In: Antiquity. Works of Imp. Moscow Archaeological Society. In 9 vols. Moscow, 1881, vol. 9, iss. 1, pp. 24–36. (in Russ.)
- Remizov A. M. Collection of works. In 10 vols. Moscow, Russian Book Publ., 2001, vol. 6: Limonar' [Limonar], 784 p. (in Russ.)
- Skok P. Etimologicheskiy slovar' khorvatskogo ili serbskogo yazyka [Etymological dictionary of the Croatian or Serbian language]. Zagreb, 1971, vol. 1. (in Croat.)

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavianskaya skazka [Comparative index of plots. East Slavic tale]. Leningrad, Nauka, 1979, 437 p. (in Russ.)

Tadevosyan T. V., Kotsinyan Sh. K. Armyanskie amulety i zagovory protiv ala i tphi i Sisinieva legenda [Armenian amulets and conspiracies against ala and tphi and Sisinyeva legend]. In: Sisinieva legends in folk and manuscript traditions of the Middle East, Balkans and Eastern Europe. Moscow, Indrik, 2017, pp. 327–373. (in Russ.)

Toporkov A. L. Zaklyuchenie [Conclusion]. In: Sisinieva legends in folk and manuscript traditions of the Middle East, Balkans and Eastern Europe. Moscow, Indrik, 2017, pp. 771–793. (in Russ.)

Vasmer Max. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language]. In 4 vols. Moscow, Progress, 1986, vol. 1, 574 p.; vol. 2, 672 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Эгине Артаковна Саакян, преподаватель кафедры иностранных языков и литературы

Information about the Author

Heghine A. Sahakyan, Lecturer of the Department of Foreign Languages and Literature

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-103-115

Сюжетообразующие мотивы в книгах К. Сергиенко

Олег Николаевич Владимиров

Новокузнецкий филиал-институт
Кемеровского государственного университета
Новокузнецк, Россия
oleg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9785-9513>

Аннотация

Фабулы книг К. Сергиенко составляют странствия героев, как правило, рассказчиков и участников событий личной и национальной истории. В повестях для подростков приключения героев имеют характер их инициации («Кеес Адмирал Тюльпанов», «Увези нас, Пегас!», «Тетрадь в сафьяновом переплёте») или соответствуют генетически с ней связанному сюжету о блудном сыне («Дом на горе»). В обоих случаях свобода передвижения героев во многом мотивирована их сиротством.

Чаще всего главные герои, юные и взрослые, путешествуют инкогнито. Этот мотив вводится в первой повести и становится одним из сюжетообразующих. Обязательная составляющая почти всех книг – загадка женского персонажа. В «Бородинском пробуждении» тайн несколько: для главного героя – тайна Берестова; он сам, ставший Берестовым в событиях накануне и во время Бородина и не называющий себя в настоящем времени; тайна Наташи; мистификация Леппиха. Инкогнито странствует безымянный герой «Белого ронделя». В этом же ряду и тайна происхождения Насти, так и оставшаяся для нее тайной («Тетрадь...»). «Загадочны» героини в «Доме на горе». Остается не известной читателю предыстория появления Гордого в овраге («До свидания, овраг»). В некоторых повестях с тайной героя связана тайна места. Герои странствуют со спутниками – Кеес и Рыжий Лис, Почивалов и Осоргин, Берестов и Листов, Майк и Моррис, господин Сочинитель и сударь Котёнок и др.

В комплекс обязательных мотивов в исторической прозе Сергиенко, обозначенных в «Кеесе...», входит мотив ответственности героя за судьбу страны («Бородинское пробуждение», «Ксения» и др.). С этим мотивом связан мотив мечты героев о земле обетованной, идеальном городе и мотив жертвенности.

Тюльпан в первой повести, еще не известный голландцам, обернется цветком с его чудодейственными свойствами в ряде произведений. Цветочно-букетный мотив особо значим в «Доме на горе». В этой же повести на передний план выходит и другой мотив прозы Сергиенко – звездный. Некоторые из периферийных мотивов становятся ведущими в отдельных книгах (мотивы малинового берета, Голландии, Моцарта и Сальери и др.).

Бездомье, неустойчивость существования героев дает им возможность самореализации, хронике событий – перерасти в биографию, а потом и в автобиографию. В основе большинства произведений Сергиенко – сюжеты плутовского, рыцарского романа

© Владимиров О. Н., 2021

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2. С. 103–115
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2, pp. 103–115

и романа воспитания, осложненные другими сюжетами. Повесть «Фарфоровая голова» свидетельствует о поисках писателем новых путей в сюжетостроении, вызванных переосмыслением романтической позиции борьбы с хаотической действительностью и возвышения над ней.

Ключевые слова

К. Сергиенко, сюжет, мотив, формы повествования, автор и герой

Для цитирования

Владимиров О. Н. Сюжетообразующие мотивы в книгах К. Сергиенко // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2. С. 103–115. DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-103-115

Plot-Forming Motives in the Books of K. Sergienko

Oleg N. Vladimirov

Novokuznetsk Branch Institute of Kemerovo State University
Novokuznetsk, Russian Federation
oleg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9785-9513>

Abstract

The stories of K. Sergienko's books make up the wanderings of heroes, as a rule, storytellers and participants in the events of personal and national history. In stories for teenagers, the adventures of the heroes have the character of their initiation: "Kees Admiral Tulipov" ("Кеес Адмирал Тюльпанов"), "Take us away, Pegasus!" ("Увези нас, Пегас!"), "Notebook bound in morocco" ("Тетрадь в сафьяновом перплетё"). Or they correspond to the genetically related story about the prodigal son ("House on the Hill" – "Дом на горе"). In both cases, the characters' freedom of movement is largely motivated by their orphanhood. Most often, the main characters, young and old, travel incognito. This motive is introduced in the first story and becomes one of the plot-forming ones. An obligatory component of almost all books is the mystery of the female character. There are several secrets in "Borodino Awakening" ("Бородинское пробуждение"): for the main character – the secret of Berestov; he himself, who became Berestov in the events on the eve and during Borodin and does not call himself in the present tense; Natasha's secret; hoax Leppich. The unnamed hero of "The White Rondel" ("Белый рондель") wanders incognito. In the same row, and the secret of the origin of Nastya, and remained a secret for her ("Notebook..."). "Mysterious" heroines in "House on the Hill". The prehistory of the appearance of the Proud in the ravine ("Good-bye, ravine") remains unknown to the reader. In some stories, the secret of the place is associated with the secret of the hero.

Heroes travel with companions – Kees and Red Fox, Pochivalov and Osorgin, Berestov and Listov, Mike and Morris, Mr. Writer and Mr. Kitten, etc.

The complex of obligatory motives in the historical prose of Sergienko, indicated in "Kees...", includes the motive of the hero's responsibility for the fate of the country ("Borodino Awakening", "Xenia" ("Ксения"), etc). This motive is associated with the motive of the heroes' dreams of the promised land, the ideal city and the motive of sacrifice.

The tulip in the first story, not yet known to the Dutch, will turn into a flower with its miraculous properties in a number of works. The flower-bouquet motif is especially significant in the "House on the Hill". In the same story, another motive of Sergienko's prose comes to the fore – the star motive. Some of the peripheral motives become leading in individual books (the motives of the crimson beret, Holland, Mozart and Salieri, etc.).

Homelessness, the instability of the heroes existence gives them the opportunity for self-realization, the chronicle of events – grows into a biography, and then into autobiography. Most of Sergienko's works are based on the plots of a roguish, chivalrous novel and a novel

of education, complicated by other plots. The story “Porcelain Head” (“Фарфоровая голова”) testifies to the writer’s search for new ways in plot construction, caused by the rethinking of the romantic position of fighting against chaotic reality and rising above it.

Keywords

K. Sergienko, plot, motive, narrative forms, author and hero

For citation

Vladimirov O. N. Plot-Forming Motives in the Books of K. Sergienko. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 2, pp. 103–115. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-103-115

Один из возможных и предположительно продуктивных аспектов изучения почти не исследованных произведений К. Сергиенко¹ – рассмотрение особенностей их сюжетостроения. Сюжетно-композиционное мастерство – едва ли не основная стилистическая особенность книг писателя, акцентируемая поэтому в аннотациях к ним (см., например, характеристики первой повести: «Запутанная интрига и элементы детектива <...>, необыкновенные приключения <...>, неожиданные повороты повествования – всё это делает книгу живой и интересной» (Сергиенко, 1975, с. 2)).

Независимо от тематики книг – исторических, историко-приключенческих, любовных, сказочных – их фабулы составляют странствия (путешествия, бродяжничество) героев. В соответствии с традицией таких произведений последовательное развитие событий в них усложняется отдельными ретроспекциями, вводными рассказами (письмами, дневниками, историями, легендами и др.); в «Тетради в сафьяновом переплёте» линейная структура повествования, например, подчеркивается самой формой дневника (путевых заметок), стилизующей повесть под сентименталистское произведение XVIII в. Не нарушаются причинно-следственные связи в развитии действия и в основной части «Бородинского пробуждения»: здесь воспроизводится реальная хронология событий, а не ожидаемая прихотливо-ассоциативная алогичность сновидения героя. Два рассказчика поочередно знакомят читателей со своими приключениями в сказочной повести «Жизнь на крышах...», но художественное время остается при этом однонаправленным.

Странствующий герой является рассказчиком (кроме «Ксении» и «Иванова чертежа») и участником событий личной и национальной истории. Это важнейший сюжетообразующий мотив, с которым связан комплекс других, обязательных и факультативных, заданных первой повестью. В подростковых повестях писателя приключения героев или имеют характер их инициации («Кеес...», «Увези нас, Пегас!», «Тетрадь...», «Иванов чертёж»), или соответствуют генетически с ней связанному сюжету о блудном сыне («Дом на горе»). В обоих случаях свобода

¹ Данное исследование опирается на следующие произведения К. Сергиенко: «Кеес Адмирал Тюльпанов» (1975), «Бородинское пробуждение» (1977), «Увези нас, Пегас!» (1979), «До свидания, овраг» (1979), «Картонное сердце» (1981), «Белый рондель» (1983), «Дни поздней осени» (1983), «Побочный эффект» (1983), «Дом на горе» (1986), «Ксения» (1987), «Иванов чертёж» (1987), «Тетрадь в сафьяновом переплёте» (1989), «Самый счастливый день» (1989), «Фарфоровая голова» (2000), «Жизнь на крышах» (дату написания и первого издания этой сказки установить не удалось; известная нам ее публикация – в книге: Сергиенко К. К. Картонное сердце: Повести. СПб.: Лимбус Пресс, 1998).

передвижения героев во многом объясняется их сиротством. Сиротами являются Кеес (точнее, ему «довелось побыть сиротой» до встречи с отцом), Эле и фактически Рыжий Лис, Майк и Моррис Аллен, Мари и Хетти, негритеенок Вик, по прихоти хозяина разлученный с матерью («Увези нас, Пегас!»), Митя Суханов и его друзья из «Братства независимых» («Дом на горе»), Михаил Туренев («Ксения»), Ивашка («Иванов чертёж»), Дмитрий Почивалов («Тетрадь...»), сударь Котёнок («Жизнь на крышах...»).

Странники-сироты бездомны или уходят из дома, или их существование неустойчиво и неопределенно. «Я-то перекасти-поле, оторванный лист»², – характеризует себя пятнадцатилетний бродяга Майк. Митя Суханов называет себя и других «питомцев Горы» «вольными пташками». «Все мы вольные псы» (Сергиенко, 1998, с. 9), – говорит о себе и других обитателях оврага Гордый в повести «До свидания, овраг» и философски оценивает свою и их участь: «...собачья судьба как головка пушарика» (одуванчика) (Сергиенко, 1998, с. 43). Бездомны Туренев, Ивашка, пёс Гордый, Картонный человек. В других случаях рассказчики уходят из дома и возвращаются домой или в заменяющий его интернат (Кеес, Митя Суханов). В «Жизни на крышах...» герои предпринимают «кругосветное» путешествие.

Приемы знакомства с происхождением этих героев различны, но всегда их предыстория сокращена. Ее отсутствие у Алексея в «Днях поздней осени» соответствует его тайне; он иногда появляется на своей даче, в остальное время не обитаемой, а его городской адрес остается неизвестным. «Глубокоуважаемый путник, точнее сказать, путешественник, а может быть, просто прохожий...» (Сергиенко, 1998, с. 62), – обращается Деревянный Ящик к неизвестно откуда появившемуся Картонному Человеку в повести-сказке «Картонное сердце». «Я и вправду не знал, откуда я шёл. Просто не помнил. Но как же так? Я всё-таки пришёл – значит, пришёл откуда-то» (Сергиенко, 1998, с. 89), – рассуждает Картонный Человек в разговоре с Девочкой. Этот мотив – неприкаянность бездомного героя-сироты – развивает традицию романа воспитания.

Многовариантность доминирующего мотива странствий объяснима разными причинами. В первой повести это осознанная двенадцатилетним героем потребность участвовать в освобождении родной Голландии от испанского владычества. «Да, я был путешественником, я всем представлялся как путешественник, но отчасти играл эту роль, поскольку до сих пор не знал своего назначения» (Сергиенко, 1983, с. 37), – признаётся взрослый герой в начале «Белого ронделя». Призвание свое, поддержанное любовью к Анне, он находит в помощи угнетенным эстонцам. Непреодоленная любовь к загадочной Лесте движет и Николаем Николаевичем в «Самом счастливом дне». Дмитрий Почивалов путешествует по югу России с молодым графом Осоргиным по желанию последнего. Героя «Побочного эффекта», москвича, современника автора, потянуло в Ригу, которую он любил в период осенних дождей. «Бездомным и сирым» Туреневу и Ивашке помогают найти свое место в жизни счастливые случаи. Судьбоносный случай приводит Майку в сад Бланшаров, а Гордого – в овраг и сводит его с Человеком. События,

² Сергиенко К. К. Увези нас, Пегас! URL: https://bookscafe.net/read/sergienko_konstantin-uvezi_nas_pegas-83096.html#p1 (дата обращения 30.07.2021). Здесь и далее повесть «Увези нас, Пегас!» цитируется по этому источнику.

участником которых становится герой «Бородинского пробуждения», происходят с ним во сне.

Герои странствуют со спутниками (ровесниками, друзьями, товарищами по несчастью, двойниками, названными братьями) – Кеес, Рыжий Лис, Караколь и Эле, Почивалов и Осоргин, Берестов и Листов, Туренев и принц Иоганн, Майк и Моррис, Чихни-Понюхай и Кривой Початок, Митя Суханов и Роман Корнеев, господин Сочинитель и сударь Котёнок и др. Эта традиционная черта книг-путешествий для первой повести могла быть подсказана парой Тиль Уленшпигель – Ламме Гудзак из романа де Костера (в «Кеесе...» и «Тиле Уленшпигеле» изображается народное сопротивление испанскому господству во Фландрии и Нидерландах XVI в.).

Чаще всего главные герои, юные и взрослые, путешествует инкогнито. Этот мотив вводится в первой книге (при знакомстве с Кеесом Рыжий Лис признаётся ему, что он «путешествует инкогнито» (Сергиенко, 1975, с. 91)) и становится одним из сюжетообразующих в творчестве писателя. Здесь инкогнито, как и не сразу открывающийся герою тайны злодея Слимброка («Мало того, что незабвенный Лисов папаша, он же иезуит Герциано, одновременно был Адрианом Слимброком, лейденским сукноделом. В эту компанию прибавился ещё Огневик, которого так боялась Эле. И всё это был один человек» (Сергиенко, 1975, с. 168)) и Эле, связаны не с главным героем, в отличие от следующих произведений. Не раскрывают своих имен странники в «Бородинском пробуждении», «Белом ронделе», «Побочном эффекте», остается не известным полное имя Майка в повести «Увези нас, Пегас!».

Обязательная составляющая почти всех книг писателя – загадка женского персонажа. Наташа в «Бородинском пробуждении» является предметом поисков героя («Это и загадка и надежда одновременно» (Сергиенко, 1990, с. 112)). Она в этой книге столь же загадочна, что и героини других повестей («Тетрадь в сафьяновом переплёте», «Белый рондель», «Самый счастливый день»). Как и герой, она – бессмертна (см. рассуждения Лепихина о медальоне столетней давности (Сергиенко, 1990, с. 153); портрет на медальоне рисовал Берестов, на медальоне – «мать ее (Наташи. – О. В.) бабушки»; о медальоне см. и в другом месте (Сергиенко, 1990, с. 185–186)). В отличие от героинь названных повестей, она не действующий персонаж, ее вспоминает «я», о ней говорят другие.

С загадкой Наташи в «Бородинском пробуждении» связаны тайна Берестова; главного героя, ставшего Берестовым в событиях накануне и во время Бородина и не называющего себя в настоящем времени; мистификация Леппиха – Шмидта – Лепихина. Инкогнито странствует безымянный герой «Белого ронделя». Причина его очередного появления в Дерпте и участия в совпавших с этим событиях – тайна Анны. Но у героя есть и другая тайна – «ларца Рорбаха», которой дед поделился с ним в детстве; здесь герой открывает ее, и в нужный момент, когда «всё сошлось», «золото Рорбаха вернулось к потомкам тех, у кого он его отнял» (Сергиенко, 1983, с. 243). В этом же ряду и тайна приобретения паровоза Моррисом («Увези нас, Пегас!»), тайна происхождения Насти-Анастасии, так и оставшаяся для нее неразгаданной («Тетрадь...»). «Загадочны» героини в «Доме на горе»: Маша для Мити Суханова, его мать для Данилова, Непостижимая для Барона. Но в этой повести герой узнаёт о своем отце и о действительной причине гибели родителей. «Странное, необычное имя» Леста – у загадочной героини «Самого

счастливого дня». Остается не известной читателю предыстория появления Гордого в овраге, Морриса в Гедеоне.

В повести «Дни поздней осени» он и она меняются местами: для Маши покрыто тайной всё, что связано с Алексеем, в том числе и его дача. Тайна места, легенда о нем значимы и в «Доме на горе», и в «Самом счастливом дне».

Главная же тайна в прозе Сергиенко, отмеченная В. Бахревым в вступительной статье к «Бородинскому пробуждению», – перевоплощающееся в разных произведениях «я»: «Самое непонятное во всех этих историях – полная непредсказуемость очередного воплощения» [Бахревский, 1990, с. 6]. В попытке раскрыть этот секрет В. Бахревский соотносит центрального героя с автором и называет писательское «я» Сергиенко «вечным Путешественником» [Там же, с. 11]. Этот персонаж у Сергиенко, во взрослых своих воплощениях явно тяготеющий к романтическому типу личности, – не просто alter ego писателя или автор под маской. Соотношение автора и его представителя в прозе Сергиенко ближе к их взаимосвязи, обозначенной Д. С. Лихачёвым в его рассуждениях о романе Пастернака. «Доктор Живаго», отмечает ученый, – это «род автобиографии, в которой удивительным образом отсутствуют внешние факты, совпадающие с реальной жизнью автора. <...> Он придумывает себе судьбу, в которой можно было бы более полно раскрыть свою внутреннюю жизнь» [Лихачёв, 1989, с. 7]. В отличие от предшественника, К. Сергиенко «раскрывает свой внутренний мир» в судьбе не одного, а многих придуманных героев. «Иногда мне кажется, что я ищу самого себя, – признаётся, возможно, устами автора, странник в «Белом ронделе». – Слово бы я разделён на две части и одна потерялась. И вот я рыскаю по дорогам, городам, селениям, горам и лесам, чтобы соединиться с недостающей половиной, а пока не случится этого, я так и не узнаю своего назначения. Скитания мои бесконечны» (Сергиенко, 1983, с. 77).

Такое объяснение тайны героя подтверждают знаки присутствия автора в его текстах.

Многие герои Сергиенко – люди пишущие, автобиографы. Они ими являются или становятся на склоне лет. Кеес и Майк пишут в старости о важнейших событиях своего детства, если не жизни. «Быть может, Гедеон – лучшая страница в моей жизни», – признаётся Майк в заключительной главе повести «Увези нас, Пегас!». Не будет преувеличением сказать, что по воле автора они, в отличие от их друзей, не погибли, чтобы рассказать обо всём пережитом. Кеес лишается старшего друга Караколя, при осаде Лейдена умирают горожане и девочка Боолкин, сестра Михиелькина, товарища Кееса. Так и в «Бородинском пробуждении» на глазах героя погибают многие, умирает и Листов, фактически второе «я» Берестова. «И он (сосновый лес. – О. В.), – вспоминает спасшийся от смерти Майк, – принял меня в купель пахучей хвои, чтобы поведать всем историю их (Морриса с Хетти. – О. В.) любви». За эрудированным, образованным героем-подростком скрывается не просто взрослый человек, а автор-писатель. Ведет дневник начитанный Митя Суханов, к тому же он переписывает, редактирует «косноязычие безымянного сочинителя» и читает то ли неотправленные письма Данилова, то ли его дневник в форме писем. Другой Митя – Почивалов – ведет путевой дневник по просьбе своего спутника – молодого Осоргина. Дневник и у Маши Молчановой в «Днях поздней осени». В этих двух повестях дневник – основная повествовательная форма, обозначенная в их заглавиях («Тетрадь в сафьяновом переплёте.

Записки Дмитрия Почивалова, сделанные им во время путешествия по Малороссии и Тавриде в 1786 году»; «Дни поздней осени. Дневник Маши Молчановой»).

Интересно, что «Повесть смутного времени (Из рукописной книги князя Туренева)» А. Н. Толстого (1922), откуда, вероятно, взято имя героя для романа «Ксения», написана пожилым князем Туреневым, и речь там – о событиях его детства и юности. В этом же романе приводятся фрагменты из дневника немецкого профессионального наемника Каспара Фидлера, который успел послужить нескольким быстро сменяющим друг друга царям; дневник Фидлера взглядом со стороны на события смутного времени напоминает о «томе» Дубосекова в «Фарфоровой голове».

Способом представления автора, сближенного с его пишущим героем, является сфрагида (точнее параф, сокращенная подпись). В имени героя первой повести – двойная сфрагида: КорнелиС СхааК (начальные и конечные буквы двух имен героя совпадают с первыми буквами имени и фамилии автора). О присутствии автора в этом и других произведениях напоминает и тюльпан: в повести «Увези нас, Пегас!» на Цветочном балу Майк и Моррис «решили стать тюльпанами. Тюльпан означает постоянство». Толкование героем названия цветка сомнительное, но оно совпадает с известным значением имени Константин – постоянный. Образуют параф, вероятно, и инициалы Картонного Сердца («Картонное сердце»), и обращение с именем – сударя Котёнка («Жизнь на крышах...»). В первой из этих сказок повествователь не персонафицирован, но в начале и в конце говорится о «нашей повести»; свой рассказ он передает Картонному Человеку после знакомства с ним, и он же заканчивает его историю. В основной части рассказчики чередуются, как в «Жизни на крышах» господин Сочинитель и ведущий дневник путешествия сударь Котёнок, в свою очередь, своими именами образующие сфрагиду писателя. В фамилии пишущего «труд жизни» Дубосекова в «Фарфоровой голове» тоже, возможно, скрыт авторский параф.

Не будет, думается, натяжкой счесть парафом и Синикуб в «Доме на горе». Синикуб – палиндром «Букиниста», без последней (первой в перевертене) буквы. Эта догадка подтверждается не только плеоназмом «кубически синий» («...магазин на самом деле кубически синий. Снаружи он покрашен ультрамарином»³; кубовый – синий), но и специализацией магазина и составлением в нем Митей книжного каталога.

Сближает героев с автором их безымянность («Бородинское пробуждение», «Белый рондель», «Побочный эффект») или условные имена: господин Сочинитель («Жизнь на крышах...»), старик Дубосеков (в заключительном абзаце «Фарфоровой головы» приводится единственная в книге цитата из «труда жизни», его завершающая, а последнее слово повести – «Конец» – соединяет всеведение безличного повествователя с субъективизмом не главного, но пишущего героя).

Предположения Кееса о его читателях, о времени, месте, условиях чтения его книжки и его рассуждения о том, что «с книжкой ничего не делается даже за сто лет» (Сергиенко, 1975, с. 120), сравнимы с приснившейся Гордому выпорхнувшей птицей – «той самой, которую он (Человек. – О. В.) вывел своими палоч-

³ Сергиенко К. К. Дом на горе. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/detskiaya-proza/161298-konstantin-sergienko-dom-na-gore.html> (дата обращения 30.07.2021). Здесь и далее повесть «Дом на горе» цитируется по этому источнику.

ками» (Сергиенко, 1998, с. 41), а потом появившейся «на картонке» Человека (Сергиенко, 1998, с. 58). Сюда же можно отнести и характеристику произведения во второй части заглавия «Жизни на крышах»: «...или Достоверная повесть о кругосветном походе». Это отражение мыслей писателя о силе искусства.

О близости героев к автору может свидетельствовать их тайное, интуитивное знание. Им наделены странники «Бородинского пробуждения» (безымянный герой и Листов) из «Белого ронделя»: «Я словно искал, что-то искал, колеся по Европе, и воспоминание о другом странном мире тревожно влияло в сознание по ночам» (Сергиенко, 1983, с. 37).

Таким образом, «побочный эффект» путешествий – не только неизбежные приключения, часто связанные с риском для жизни (хотя к искателям приключений героев Сергиенко отнести нельзя), не только встречи странников с загадочными, названными или неназванными, героинями, но и их сочинения об этих и других событиях. Поэтому герои движутся по горизонтали географического пространства (даже находясь во сне, как герой «Бородинского пробуждения») и одновременно – по вертикали воспоминаний (памяти, знаний об историческом или легендарном прошлом) в поисках ответов на экзистенциальные вопросы, неизбежно связанные с загадками времени. В одних случаях это поэтизация диалектики мига и вечности: «Так они (гибнущие Моррис и Хетти. – *О. В.*) застыли, обнявшись. Она в белом платье, тоненькая. Он перепачканный сажей, углем. Они застыли, обнявшись. Их объятие было вечно. А длилось оно секунду-другую». В других – более сложные представления о метафизике времени и пространства см., например, рассуждения Леппиха в «Бородинском пробуждении» и Тарвальда в «Белом ронделе». Леппихин говорит об «изломе временных пучков» в «горячем месте» (Сергиенко, 1990, с. 152). Листов: «Леппих <...> думал о “мираже” времени, наподобие миража, который бывает в пустыне. Знаю только, что для опыта он подыскивал такую же “горячую” точку времени в смысле историческом, как пустыня в климатическом <...>» и далее – о желанной встрече для Леппиха «с человеком, прожившим несколько сотен лет, то есть каким-то образом одолевшим время. Ведь это первое доказательство, что загадка времени разрешима» (Сергиенко, 1990, с. 103). В «Белом ронделе» маэстро Тарвальд в ответ на вопрос героя (пребывающего то ли во сне, то ли в яви) «Много ли толку в скитаниях?» отвечает: «Несомненно! Перемещаясь в пространстве, вы колеблете струны, протянутые от неба к земле. Эти струны незримы, но они рожают музыку бытия. Благодаря таким, как вы, я надеюсь создать гармонию. Ваше назначение каждое лето направляться к Дерпту, минуя определенные города» (Сергиенко, 1983, с. 228). Интуитивно прозревают связь всего сущего герои повестей о любви.

В комплекс обязательных мотивов в исторической прозе К. Сергиенко, обозначенных в «Кеесе...», входит мотив ответственности героя за судьбу страны. Борьба народа за свою независимость, против интервентов – историческая основа этого и ряда других произведений: «Бородинское пробуждение» – об Отечественной войне 1812 года, в «Ксении» важна сюжетная линия противостояния русских польскому нашествию, «Белый рондель» – о борьбе эстонцев с чужеземцами в первой четверти XVII в. «Увези нас, Пегас!» – о гражданской войне в Северной Америке. Не только в произведениях, обращенных к русской истории, но и в других писателем учтена толстовская «скрытая теплота патриотизма»: лейденцы, например, как и все голландцы, знают, против кого и за что они борются, причем

дети вместе с взрослыми; Кеес – Корнелиус Схаак, ссылаясь на хронику Яна Фрейтерса, пишет, что упомянут в ней, а Рыжий Лис назван «каким-то человеком»; приехавший на праздник в Лейден Молчаливый (Вильгельм Оранский) не узнал того, кому он подарил алый берет. История творится маленькими людьми, а не только вождями и полководцами.

Айгар Вахеметса в послесловии к «Белому ронделю» пишет о «высокой нравственной идее» этой повести, присущей, на наш взгляд, всем историческим произведениям писателя, – «ответственности личности за судьбы истории» [Вахеметса, 1983, с. 247]. Этот мотив актуализирован в «Бородинском пробуждении» и «Ксении». В первом герой знает об «эффекте бабочки» и преодолевает соблазн вмешаться в известные ему события прошлого, как знает об этом эффекте Раймонд Грот («Побочный эффект»), не разрешающий поэтому герою подарить девушке-москвичке из девятнадцатого века репродукцию ее портрета. В романе «Ксения» вымышленный персонаж Михаил Туренев, представленный как историческое лицо и принимающий непосредственное участие в событиях начала XVII в., уравнивается в правах с подлинными деятелями «смутного времени».

С мотивом действительного участия в судьбе государства связан мотив мечты (проекта строительства) героев о земле обетованной, идеальном городе («Кеес Адмирал Тюльпанов», «Тетрадь...», «Увези нас, Пегас!», «Белый рондель», «Ксения», «Дом на горе», «До свидания, овраг»). Выдуманное Рыжим Лисом «герцогство Аренландское» проявится дальше; в мечте предводителя эстонцев Марта Медведя построить свой город и в желании безымянного героя возвести среди квадратных круглую башню для Анны («Белый рондель»); в стремлении «преуспевшего в науке зодчества» Михаила Туренева («Ксения») создать идеальный город в споре с утопическими проектами европейских современников и приступившего к его строительству. «Найти собачью дверку – мечта каждого пса <...> За этой дверкой совсем другая жизнь» (Сергиенко, 1998, с. 17), – уверен Гордый и находит заветную «собачью дверку» во сне. «К далекой звезде, открывшей для них (лебедей. – О. В.) свое милосердное сиянье», устремлен взгляд Мити Суханова. Господин Сочинитель в «Жизни на крышах» собирается писать о «летающей девочке, о розовых далях, о новой счастливой жизни» (Сергиенко, 1998, с. 244).

В круг этих мотивов входит и мотив жертвенности. Караколь умирает, защищая Эглантиду от выстрела дона Рутилио. В последний момент Моррис толкает Майку из будки «Пегаса» перед его столкновением со «Страшилой», а сам погибает; участь Морриса разделяет не желающая с ним расставаться Хетти; оба друга готовы были погибнуть ради спасения негров. Умирает от пули Фидлера Михаил Туренев, защищая от ливонских наемников лечебницу Ксении. Сгорает ради спасения Девочки Картонный Человечек. В сказке «Фарфоровая голова» жертвует собой кукла Мисюсь, не давая злой силе опустошить Землю.

Еще не известный голландцам тюльпан из первой повести обернется цветками с чудесными свойствами в «Бородинском пробуждении», «Самом счастливым дне», «Ксении», вышитым Марьицей на кошельке цветком иван-да-марья в «Ивановом чертеже» (этот подарок спас героя). Цветочно-букетный мотив особо значим в «Доме на горе». В этой же повести на передний план выходит и другой мотив прозы Сергиенко – звезд, созвездий, звездного неба. Оба этих мотива соединены и в повести-сказке «Картонное сердце»: волшебный, спасший Девочку цветок превращается в звезду: «Над прозрачными голубыми листьями разворачивался

невиданный цветок. Он был похож на звезду, упавшую с неба. Цветок сиял торжественным светом...» (Сергиенко, 1998, с. 99), – и у него астрономическое название астроябус (для «неразлучных» котов Умника и Проказника это растение – Корень Мудрости, для пса Лохматого – Белый корень). Целебное растение – и в повести «До свидания, овраг», сближенной с «Картонным сердцем» еще и образом оврага: умирающий Хромой просит спасительной «солёньей травки», но место, где она росла, «давно завалено землёй и камнем» (Сергиенко, 1998, с. 47), Лохматый отправляется в Дремучий овраг, «где растёт Белый корень», от которого «сходят с ума все коты» (Сергиенко, 1998, с. 83). Образы котов и собак, в свою очередь, объединяют две эти книги с повестью «Жизнь на крышах».

В прозе Сергиенко заметны и другие мотивы, не так часто встречающиеся, как названные.

Вильгельм Оранский дарит Кеесу алый берет как «знак доблести» юного героя. Эта деталь станет важнейшей портретной характеристикой загадочных героинь в «Тетради в сафьяновом переплёте» и «Самом счастливом дне».

Голландская тема из первой повести и особенно Лейден отзвучивает в «Ксении» (в Лейдене происходит встреча Туренева «с братом короля Дании Христиана герцогом Шлезвиг и Голштинии принцем Иоганном»), «Ивановом чертеже» (юноша, осваивающий картографию в «закатных странах», осенью 1604 г. оказывается в Лейдене), «Днях поздней осени» (здесь эта тема выступает в функции лейтмотива).

К событиям и деятелям смутного времени, отраженным в романе «Ксения» и рассказе «Иванов чертёж», писатель обращается впервые в «Доме на горе». Друзья зовут героя Царевичем и Лжедмитрием, Данилов вспоминает о поездке с матерью героя в Суздаль и сравнивает ее с царевной Ксенией. Один из важнейших в этой и другой повести о любви – «Дни поздней осени» – мотив Моцарта и Сальери. Эти две книги, как и «Ксения» и «Иванов чертёж», выглядят двумя вариантами одного сюжета. Кроме отсылок к Моцарту и Сальери, их объединяют главные герои: Митя и Маша – ровесники; оба ведут дневники, переживают первую любовь, героинь зовут Машами; любовные треугольники: преподаватель Атаров – Маша – Митя, Алексей – Маша – Дима; там и здесь дача – одно из мест действия, «прибалтийские вояжи»; пушкинские образы, особенно «нежное имя Мария»; неизменные у Сергиенко звёзды. «Она в семье своей родной казалась девочкой чужой» – эта характеристика автором «Евгения Онегина» Татьяны вполне приложима к Маше в «Днях поздней осени», близкой к сиротам в других книгах. Загадочные героини «Дома на горе» и «Самого счастливого дня» сближены именами: Леста, вероятно, – анаграмма имени Стелла (или наоборот). Звездная семантика этих имен, подчеркивающая их таинственность, соотнесена со «звездным» происхождением Мити Суханова (Данилов в неотправленных письмах называет «нашего мальчика» «сыном звезды» и вспоминает при этом Уайльда и Сент-Экзюпери) и Картонного Человечка – придуманным им появлением («Наверно, я упал оттуда, – я показал на небо. – Звёзды ведь тоже картонные, такие, как я» (Сергиенко, 1998, с. 89)). Мотив неопределенности связывает эту сказку (о цветке астроябуса: «Вырастает неизвестно где и неизвестно почему. Выглядит неизвестно как, но узнаётся сразу» (Сергиенко, 1998, с. 98), другие его обозначения – первоцветок, Белый Корень, Корень Мудрости; старый библиотекарь о Книге Цветов: «Книгу Цветов я видел в позапрошлом веке. Но это было много веков

назад, и я хорошо помню, что ничего не помню» (Сергиенко, 1998, с. 74); о Ключе Которого Нет: «Долго висел этот ключ, но всё же понадобился» (Сергиенко, 1998, с. 95)) с «Жизнью на крышах»: сударь Котёнок в своем послесловии, обращаясь к читателям, знающим, где взять дорогие и вкусные конфеты для своего папы, просит слать ответ на адрес «Нездешняя крыша, дом у трубы. Сударю Котёнку. До востребования» (Сергиенко, 1998, с. 245).

Итак, первая повесть К. Сергиенко является сюжетной моделью для последующих его книг. В ней представлен комплекс центральных сюжетообразующих мотивов в творчестве писателя: странничество сироты, дружба со спутниками, ответственность за судьбу отечества, жертвенность, мечта о справедливом мироустройстве, тайна героев, чудесный цветок. Позже к ним добавляется мотив звезд. Некоторые из факультативных мотивов становятся ведущими в отдельных книгах (мотивы малинового берета, Голландии, Моцарта и Сальери и др.). Бездомье, неустойчивость существования героев дает им возможность самореализации (открытия иной реальности, воплощения мечты, встречи с судьбоносным случаем), хронике событий перерастает в биографию, а потом и в автобиографию. В основе большинства произведений Сергиенко сюжеты плутовского, рыцарского романа и романа воспитания, осложненные другими сюжетами. В первой повести, например, значим сюжет европейской сказки о Караколе и Бистеколе (см.: [Семь старых французских сказок, 2019, с. 99–126]) и пьесы Т. Габбе «Город мастеров, или Сказка о двух горбунах». «Ксения» представляет сергиенковскую версию сюжета о Борисе Годунове и Самозванце(-ах). В повести «Дом на горе» кульминационная сцена на даче связывает несколько сюжетных мотивов – мести сына за убийство отца (родителей), Моцарта и Сальери и отчасти Вертера. Здесь же, как и в «Белом ронделе», заметны элементы готического романа, а в повести «Увези нас, Пегас!» – вестерна. Сочетанию основных и периферийных, но способных выходить на передний план мотивов в каждой книге соответствуют особые, заслуживающие отдельного рассмотрения субъектная и пространственно-временная организация, система персонажей, соотношение устного и письменного рассказывания, прозы и стихов.

Исторические произведения и повести о любви сближены тем, что в тех и других человек показан в хаосе жизни (войны или мира); жестокая реальность, остро переживаемая юными героями, преодолевается дружбой и любовью к другому, тоже одинокому и неприкаянному. Глубинное, скрытое противостоит внешнему, явному; частное свидетельство не менее, а то и более правдиво и ценно, чем официальные версии исторических и повседневных событий. Устами героев писатель выражает протест против экзистенциального абсурда: см. рассуждения Мити Суханова о родителях как эндемиках, его же отчаянные выкрики в последний вечер на даче Корнеевых, школьное сочинение Маши Молчановой о своем предопределенном будущем.

В повести «Фарфоровая голова», написанной позже других произведений, иное сравнительно с ними строение сюжета. Кажется, только мотив жертвенности и звездный мотив, но здесь переосмысленный (представленный Чёрной планетой с разрушительной для Земли силой вместо, например «надзвездной, лежащей выше всех спасительной звезды» *stella maria maris* в «Доме на горе»), напоминают о «прежнем» Сергиенко. Несколько фабульных линий, безличное повествование, реминисцентно-аллюзивная насыщенность, отсутствие утопических чаяний и про-

ектов, их смена антиутопическими сомнениями выводят это произведение из ряда предыдущих. «Фарфоровая голова» не только исключение из правила, которое его подчеркивает, но и свидетельство поиска писателем новых путей в сюжетостроении. К ним, вероятно, привело писателя осознание неубедительности традиционных и освоенных им форм в изображении обостряющегося противостояния сил зла и добра, справедливости и жестокости. Переосмысление романтической позиции борьбы с хаотической действительностью и возвышения над ней сближает К. Сергиенко с В. Крапивиним, также обратившимся к фантастике и антиутопии в позднем творчестве (эта параллель вызвана двуадресностью книг – для детей и взрослых – писателей-современников). Вопрос Кати к исчезнувшей кукле «Где ты, Мисюся?» акцентирует не столько чеховскую (и непреходящую человеческую) мечту о всеобщем счастье, сколько авторский скепсис в отношении будущего человечества: ведь смертельная для него опасность преодолена и равновесие в мире восстановлено не людьми, а птицами и куклой, воспитанной девочкой.

Список литературы

- Бахревский В.* «Пейзаж вечерний осенен догадкой...» // Сергиенко К. К. Бородинское пробуждение: Повесть. М.: Дет. лит., 1990. С. 5–12.
- Вахметса Айгар.* Послесловие // Сергиенко К. К. Белый рондель: Повесть-легенда. М.: Дет. лит., 1983. С. 244–247.
- Лихачёв Д. С.* Размышления над романом Б. Л. Пастернака // Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. Роман. Повести. Фрагменты прозы. М.: Сов. писатель, 1989. 468 с.
- Семь старых французских сказок / Пер. с фр. К. А. Рыбникова; лит. обработка К. К. Рыбникова. М.: Гелиос АРВ, 2019. 152 с.

Список источников

- Сергиенко К. К.* Кеес Адмирал Тюльпанов. Опасные и забавные приключения юного лейденца, а также его друзей, рассказанные им самим без хвастовства и утайки. Повесть. М.: Дет. лит., 1975. 256 с.
- Сергиенко К. К.* Белый рондель: Повесть-легенда. М.: Дет. лит., 1983. 254 с.
- Сергиенко К. К.* Бородинское пробуждение: Повесть. М.: Дет. лит., 1990. 208 с.
- Сергиенко К. К.* Картонное сердце: Повести. СПб.: Лимбус Пресс, 1998. 256 с.

References

- Bakhrevsky V. "Pejzazh vechernij osenen dogadkoj..." [The evening landscape is overshadowed by a guess...]. In: Sergienko K. K. Borodinskoe probuzhdenie: Povest' [The Borodino Awakening. The story]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1990, pp. 5–12. (in Russ.)
- Likhachev D. S. Razmyshleniya nad romanom B. L. Pasternaka [Reflections on the novel by B. L. Pasternak]. In: Pasternak B. L. Doktor Zhivago. Roman. Povesti. Fragmenty prozy [Doctor Zhivago. Roman. Stories. Fragments of prose]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1989, 468 p. (in Russ.)

Sem' starykh frantsuzskikh skazok [Seven old French fairy tales]. Trans. from French by K. A. Rybnikov; lit. prep. by K. K. Rybnikov. Moscow, Gelios ARV Publ., 2019, 152 p. (in Russ.)

Vahemetsa Ajgar. Posleslovie [Epilogue]. In: Sergienko K. K. Bely rondel': Povest'-legenda [White Rondel: A Legendary Tale]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1983, pp. 244–247. (in Russ.)

List of Sources

Sergienko K. K. Kees Admiral Tyulpanov. Opasnye i zabavnye priklucheniya yunogo leydentsa, a takzhe ego družey, rasskazannye im samim bez khvastovstva i utayki. Povest'. [Kees Amiral Tulips. Dangerous and funny adventures of a young Leiden... The story]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1975, 256 p. (in Russ.)

Sergienko K. K. Bely rondel': Povest'-legenda [White Rondel: A Legendary Tale]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1983, 254 p. (in Russ.)

Sergienko K. K. Borodinskoe probuzhdenie: Povest' [The Borodino Awakening. Novella]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1990, 208 p. (in Russ.)

Sergienko K. K. Kartonnoe serdtse: Povesti [Cardboard heart. Stories]. St. Petersburg, Limbus Press, 1998, 256 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Олег Николаевич Владимиров, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Oleg N. Vladimirov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Сюжеты и судьбы

Научная статья

УДК 82.091

DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-116-128

«Повесть слишком многословна»: М. Горький и несостоявшийся писатель Марк Волгин (сюжет романа «Эмигранты» и судьба его автора)

Елена Викторовна Кудрина

Институт мировой литературы имени А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия

kelenvik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2830-2671>

Аннотация

В Архиве Горького ИМЛИ РАН были обнаружены письма начинающей писательницы Ольги Николаевны Никифоровой и ее матери, Людмилы Алексеевны Никифоровой, М. Горькому, в которых они просили писателя прочитать рукопись «Эмигранты», подписанную псевдонимом Марк Волгин, дать рецензию и помочь в издании романа. Рукопись была отправлена Горькому Харбинским генеральным консульством с дипломатической почтой в июле-августе 1935 г., Горький с ней ознакомился и написал в октябре ответ в Харбин, однако к тому моменту мать с дочерью уже находились в Ленинграде. Письмо Горького о романе достигло адресатов только в начале 1936 г. О содержании романа мы узнаём из писем Л. А. и О. Никифоровых и письма заместителя наркома иностранных дел Б. С. Стомонякова, отправленных Горькому. В «остроагитационном» романе Марка Волгина была «изображена вся суть эмигрантского бытия». Роман заинтересовал Генерального консула Харбина М. М. Славуцкого, сотрудников Наркомата иностранных дел и Горького, который посоветовал Никифоровой еще серьезно над ним поработать. Рукопись романа «Эмигранты» в Архиве Горького не сохранилась, поскольку была возвращена автору. Судьба еще двух экземпляров рукописи неизвестна. В научный оборот вводятся ранее не публиковавшиеся письма корреспондентов М. Горького.

Ключевые слова

М. Горький, Л. А. Никифорова, О. Н. Никифорова, Марк Волгин, эмигранты, Харбин

Для цитирования

Кудрина Е. В. «Повесть слишком многословна»: М. Горький и несостоявшийся писатель Марк Волгин (сюжет романа «Эмигранты» и судьба его автора) // Сюжетология и сюжетология. 2021. № 2. С. 116–128. DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-116-128

© Кудрина Е. В., 2021

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2021. № 2. С. 116–128

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2, pp. 116–128

**“The story is too wordy”:
M. Gorky and the Failed Writer Mark Volgin
(The Plot of the Novel “Emigrants” and the Fate of Its Author)**

Elena V. Kudrina

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
kelenvik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2830-2671>

Abstract

The article is devoted to the plot of Mark Volgin's novel “Emigrants”. Letters of the writer Olga Nikolaevna Nikiforova and her mother, Lyudmila Alekseevna Nikiforova, to M. Gorky were found in the Gorky Archive of the Institute of World Literature. They asked the writer to read the manuscript “Emigrants” signed with the pseudonym Mark Volgin and give a review. The manuscript was sent from Harbin in July-August 1935. Gorky read the novel and wrote an answer in October. Gorky's letter about the novel reached the addressees only in early 1936. We learn about the content of the novel from the letters of L. A. and O. Nikiforov and the letter of the Deputy People's Commissar of Foreign Affairs B. S. Stomonyakov. Mark Volgin's political novel depicted the whole essence of emigrant life. The novel interested the Harbin Consul M. M. Slavutsky and M. Gorky. Gorky advised Nikiforova to work on it seriously. The manuscript of the novel “Emigrants” has not been preserved in Gorky's Archive. The fate of two more copies of the manuscript is unknown. New, previously unpublished letters of Gorky's correspondents are being introduced into scientific circulation.

Keywords

M. Gorky, L. A. Nikiforova, O. N. Nikiforova, Mark Volgin, emigrants, Harbin

For citation

Kudrina E. V. “The story is too wordy”: M. Gorky and the Failed Writer Mark Volgin (The Plot of the Novel “Emigrants” and the Fate of Its Author). *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 2, pp. 116–128. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-116-128

31 мая 1935 г. Людмила Алексеевна Никифорова пишет из Харбина М. Горькому письмо, в котором просит помочь напечатать роман своей дочери, Ольги Николаевны Никифоровой, «Эмигранты», подписанный псевдонимом Марк Волгин. Этот момент является отправной точкой нашего литературоведческого и исторического исследования, посвященного сюжету романа и трагической судьбе его автора.

Людмила Алексеевна Никифорова (урожд. Грехнева; псевд. Л. Ни-ва; Л. Н.; Л. Н-а; П-ро и др.¹) – давняя знакомая Горького, автор повестей «Две лестницы» и «Артель», напечатанных в сборниках «Знания» (XXX и XXXIII, 1910), адресат

¹ Ошибочно в материалах к справочнику псевдонимов, составленных А. А. Хисамутдиновым [2017, с. 124], псевдоним Л. А. Никитин приписан Л. А. Никифоровой. Судя по ее эпистолярному наследию, сохранившемуся в Архиве Горького в ИМЛИ РАН, Людмила Алексеевна Никифорова не могла быть редактором шанхайских журналов «Гроза» и «Русский авангард» в 1936–1940 гг., поскольку вернулась в СССР в 1935 г.

его писем в 1909–1910 гг. [Горький, 2001, т. 7, п. 161, 196, 290, 310, 322, 344, 358; т. 8, п. 51, 85, 131], в июле-августе 1910 г. проживала на Капри у Горького. С 1913 г. жила сначала в Чите, потом на Дальнем Востоке. Работала в театре, публиковалась в литературно-художественном и сатирическом журнале «Рупор» и харбинском журнале «Рубеж», который играл важную роль в становлении и развитии дальневосточной русской литературы, а также с середины 1920-х гг. писала роман под названием «Горький дым», части которого посылала Горькому в 1930 г.

Дочь Людмилы Алексеевны – Ольга Николаевна Никифорова – родилась в 1909 г. в Санкт-Петербурге. С 1922 г. она проживала с матерью в Харбине. Работала учителем русского языка в китайской школе, журналистом в харбинской советской газете «Новости Востока», издававшейся в 1932–1935 гг. и посвященной достижениям советского строительства, и в уже упомянутом журнале «Рубеж».

Еще в 1930 г. Л. А. Никифорова писала Горькому, находящемуся в Италии, о своей жизни в эмиграции:

Я живу на маленькой глухой станции Кит.В.ж.д. Станция эта являет собой банку со скорпионами, которые давят, жалят и едят друг друга. А летом эта «банка» отодвигается на задворки, и станция преобразается в фешенебельный курорт, куда разбогатевшая харбинская буржуазия ездит трясти лишний жир и лишние деньги. И когда в сияющем огнями курзале изо дня в день гремит джаз, разворачивается фокстрот и отвратительно-дрыгающий гарльстон, – то это зрелище наводит на грустные размышления. Не зависти, конечно, а размышлений на ту тему, что после великого, трагического урока Революции, – мир ничему не научился².

Бытовые зарисовки о жизни в Харбине и портреты его обитателей, оставленные Л. А. Никифоровой, несомненно, представляют краеведческий и исторический интерес, а также могут быть полезны исследователям, занимающимся литературой эмиграции. Так, например, Никифорова описывает местное население:

Здесь, как это ни странно, сохранилось чуть ли не крепостное право в форме отношения русской администрации к китайским рабочим. Вся администрация состоит членами профсоюзов и в то же время с удивительным цинизмом плюет на основные принципы этих же союзов (это предложение выделено Горьким при чтении красным карандашом. – Е. К.). А китайцы в общем, премилый народ, – смиренный, работающий, удивительно нетребовательный и – я бы сказала, – приученный к подобию страсти. Они как-то не смеют и думать о том, что им присвоены все человеческие права, наряду с прочими. Слова нет, – теперь Китай поднимает голову, озирается с гневным возмущением на европейцев – культуртрегеров. Мелкие несправедливости по отношению к китайцам совершаются постоянно, хотя всё это – цветочки, по сравнению с тем, что творилось раньше³.

Еще одна фраза из этого письма Никифоровой была выделена Горьким при чтении:

² АГ ИМЛИ РАН. КГ-п-53-18-12.

³ Там же.

Такого дикого, беспросветного пьянства, как здесь, в захолюстье, – мне нигде и никогда не приходилось видеть. В Рождество и в Пасху не найти трезвого человека на всей станции ⁴.

Письма Л. А. Никифоровой являются живым откликом на события, дают представление о жизни харбинской эмиграции и местного населения в 1920–1930-е гг. и составляют необходимый культурно-исторический фон, который имеет непосредственное отношение к сюжету романа, написанного Марком Волгиным ⁵.

Описывая свое уединенное существование в эмиграции и полную разобщенность с внешним миром, Людмила Алексеевна оставила краткую характеристику своей дочери:

По счастью, мы с дочерью – большие друзья. Ей сейчас 21 год. Жалко, что её лучшие годы проходят в таких условиях, но она – человек с большим характером и заставляет себя довольствоваться тем, что есть ⁶.

23 ноября 1933 г. Ольга Никифорова выслала Горькому свой первый роман «Ведь *должна* быть другая жизнь», написанный ею в эмиграции под псевдонимом Марк Волгин. Она так объясняла выбор нового имени в письме Горькому:

Решила выбрать мужской псевдоним, что, как мне кажется, внушает все-таки больше доверия. Псевдоним взят по названию самой прекрасной из русских рек ⁷.

Надо сказать, что псевдоним был не оригинален [Масанов, 1956, с. 247]. И здесь замена подлинного имени – скорее дань литературной традиции, чем желание автора скрыться за новым именем. Кроме этого прослеживается стремление автора подчеркнуть свою национально-культурную идентичность и, скорее всего, обрести внимание Горького на имя, заимствованное у его родной реки Волги.

Ольга Никифорова писала Горькому:

Здесь, в этом романе, изображена вся суть эмигрантского бытия: и развал семьи, и спекуляция на самых дорогих заветных чувствах, и театральная халтура, и продажность прессы, и операции с партизанскими отрядами, и всё растущее наркоманство, – всё это нашло отражение в романе.

Герой романа вступает в жизнь чистым, даже наивным юношей. Жизнь, сцепление обстоятельств втягивают его в омут. Отражая, по-моему, черты коллективного типа эпохи, герой пассивен и безличен перед натиском стихийных течений. У него

⁴ АГ ИМЛИ РАН. КГ-п-53-18-12.

⁵ В докладе на Первом съезде советских писателей в 1934 г., посвященном эмигрантской литературе, писатель С. Г. Петров (Скиталец), несколько лет проживший в Харбине и вернувшийся в СССР, также обратил внимание на упадок и разложение в среде эмигрантов, на отсутствие эмигрантской художественной литературы в Харбине, на эмигрантскую молодежь, лишенную организационного влияния и оторванную от жизни. В заключение своей речи он признавал: «В самом деле кругом уныние, разложение, обывательщина. Бывшие капиталисты и генералы – авантюристы гражданской войны – впали в нищету духовную и материальную. Много спившихся, опустившихся, падших. Даже китайское население, воспитанное англичанами в священном страхе перед “белым человеком”, привыкшее считать его полубогом, презрительно относится к “белым эмигрантам”, когда видит “белых рабынь проституции” или “белых хамов”, пресмыкающихся перед ненавистным Китаю японским сапогом» [Первый Всесоюзный съезд..., 1934, с. 610].

⁶ АГ ИМЛИ РАН. КГ-п-53-18-12.

⁷ Там же. КГ-пп/б-43-22-1.

нет силы бороться, нет устоев в себе, нет почвы под ногами. И когда он доходит до последних пределов отчаянья, в нем рождается смутная мысль, что не везде живут так, как здесь, что “должна же быть другая жизнь”. Такова канва романа ⁸.

Ответил ли Горький на это письмо, читал ли он первый роман Марка Волгина, неизвестно. Рукопись романа Ольги Никифоровой не найдена. Однако есть все основания предполагать, что первый роман – проба пера – был переработан автором и лег в основу нового романа Марка Волгина под названием «Эмигранты»: в письме 1935 г. Ольга Никифорова признавалась, что второй роман писала около пяти лет.

Итак, в мае 1935 г. Л. А. Никифорова сообщала Горькому о романе «Эмигранты»:

Вещь эта мне кажется яркой и убедительной. Основа его – моральное падение эмиграции. Герои – живые люди, причем дан синтез эпохи в лице героя, представляющего коллективный тип. Наряду с русским бытом, нарисован быт китайского простонародия. Вещь остро-агитационная, интересная для массового советского читателя ⁹.

Далее она обращалась к Горькому со словами:

...мы живем в полном разобщении с СССР по цензурным условиям. Мы не знаем, какие журналы имеются в СССР и куда можно обратиться. Поэтому я и позволяю себе беспокоить Вас ¹⁰.

Никифорова еще в письмах 1930 г. со станции Чжалантунь (в десяти часах езды от Харбина) сетовала на уродливую, нудную, тусклую жизнь, на то, что почтовое сообщение между станциями Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и СССР работает крайне плохо: не все бандероли и посылки принимались, принятые часто шли «восточным путем» через Шанхай и Гонконг, что занимало до двух месяцев. В буквальном смысле эмигранты были отрезаны от мира.

Л. А. Никифорова уточняла содержание романа дочери в следующем письме Горькому, отправленному в феврале 1936 г.:

Для дебютной вещи, роман написан ярко, сильно. Задуман широко – в виде большой трилогии. Часть I Юность, где герой – игрушка влияний среды и быта. Часть II Зрелые годы, когда его личность захватывает политика, особенно обостренная там, на Д<альнем> В<остоке>. Здесь, кроме обычного поединка капитализма с угнетенным кит<айским> пролетариатом, вводится еще интервенция, фашизм, в особом преломлении, в зависимости от местных условий... Часть III Герой попадает в СССР. Переживает обновление всего существа, познает новую веру, новую правду и право труда...

Желая успеха для дочери и интересуясь мнением Горького о романе, она в заключение писала:

...в этом романе поставлено на карту многое <...> И теперь наша судьба, наше будущее в Ваших руках... ¹¹.

⁸ АГ ИМЛИ РАН. КГ-нп/6-43-22-1.

⁹ Там же. КГ-п-53-18-16.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. КГ-п-53-18-17.

Одно чрезвычайно важное обстоятельство сыграло существенную роль в судьбе письма Людмилы Алексеевны от 31 мая 1935 г. и рукописи романа «Эмигранты». 25 сентября 1935 г. заместитель наркома иностранных дел СССР, курировавший дальневосточные дела, Борис Спиридонович Стомоняков пишет Горькому на бланке Наркомата по иностранным делам (НКИД) секретное письмо под номером 2510. Оно было обнаружено нами в Архиве Горького в ИМЛИ РАН. В этом документе он говорит не только о письме Л. А. Никифоровой для Горького и рукописи Марка Волгина, переданных в НКИД генконсулом М. М. Славущим, но и вкратце пересказывает сюжет романа и дает ему оценку:

По мнению т. Славущего и товарищей, просматривавших роман в НКИД, он представляет «большую политическую ценность» ибо дает красочную и приближающуюся к действительности картину жизни и деятельности эмигрантов в Манчжурии. В романе, – по словам т. Славущего, – выведена разложившаяся и опустившаяся часть эмиграции, начиная от ее верхушки. В нем дана правильная картина нашествивших банд Корнеева и Зыкова, под видом красных грабивших китайские селения и даже железнодорожные станции; в романе правильно обрисовывается жизнь, так называемых, литературных кругов эмиграции, а также и деятельность в пользу своего собственного кармана, так называемых, «благотворителей»¹².

Здесь же Б. С. Стомоняков подчеркнул особое отношение к женщинам генконсула Харбина:

Благодаря ходатайству за них т. Славущего¹³, мать и дочь Никифоровы приняты в советское гражданство и уже находятся в Иркутске. Они хотят ехать в Москву, где дочь Никифорова, под соответствующим руководством, смогла бы отредактировать свой роман. У нее, однако, как и у матери, нет денег и нет никого в Москве. Бесплатный проезд им обеспечен¹⁴.

И далее дипломат обращался к Горькому:

Если Вы считаете целесообразным издание романа Никифоровой, то может быть следовало бы получить для нее пособие от Госиздата и попробовать устроить ее в Москве¹⁵.

Ответ Горького в НКИД не найден. Запрос в Архив Внешней политики РФ не дал результатов.

«Ввиду цензурных интервенческих барьеров» три экземпляра рукописи романа Марка Волгина «Эмигранты» с сопроводительным отзывом генконсула М. М. Славущего были отправлены в СССР в июле-августе 1935 г. с дипломатической почтой через Наркоминдел. Судьба одной рукописи частично известна, судьба еще двух экземпляров пока остается загадкой.

25 сентября 1935 г. Горький получил рукопись романа «Эмигранты», прочитал его и спустя месяц – 29 октября 1935 г. – из Тессели (Крым) написал ответное письмо на имя Л. А. Никифоровой. По роковому стечению обстоятельств ответ

¹² АГ ИМЛИ РАН. КГ-од-2-26-6.

¹³ М. М. Славущий (1898–1943) – с 1931 по 1937 г. – генеральный консул СССР в Харбине. По воспоминаниям его дочери, отличался чуткостью и вниманием к людям [Славущая, 2002].

¹⁴ АГ ИМЛИ РАН. КГ-од-2-26-6.

¹⁵ Там же.

Горького достиг адресатов только весной 1936 г. Приведем письмо Горького полностью:

Рукопись повести получена мною 25.IX, ознакомиться с нею мог только сегод-
дня.

Повесть слишком многословна, растянута и требует серьезной работы автора
над нею. Требуется присутствие автора в Москве, о чем немедленно буду хлопотать¹⁶.

Такой краткий, по сути официальный отзыв можно объяснить не только чрезмерной загруженностью писателя (помимо литературной и организаторской работы Горький ежедневно получал десятки писем), не только невозможностью дать подробный развернутый анализ всего произведения (о повестях Л. А. Никифоровой Горький в 1909–1910 гг. дал обстоятельные отзывы), но еще и осторожностью. 1 декабря 1934 г. произошло загадочное убийство секретаря ЦК ВКП(б) С. М. Кирова, которое изменило жизнь в СССР и спровоцировало волну политических репрессий, а затем (уже после смерти Горького в июне 1936 г.) состоялось несколько открытых судебных процессов над оппонентами Сталина¹⁷. Очевидно, что политический роман Марка Волгина не понравился Горькому не только своей многословностью, растянутостью и недоработками. Протежирование и тем более издание «политического» романа без редакторской правки, без «соответствующего руководства» могло обернуться для автора-эмигранта и для самого Горького неприятностями. И еще не стоит забывать, что с 1935 г. к советам и рекомендациям Горького партийная верхушка прислушивалась всё реже, но он, не колеблясь, использовал свое политическое влияние для спасения интеллигентов и снятия цензурных запретов [Чони, 2020, с. 237; Спиридонова, 2016, с. 119–217]. Трудно судить о произведении, текст которого недоступен, однако можно предположить, что тема классовой борьбы, затронутая в романе, тема эмиграции и ее разложения, деклассированные герои в том виде, в каком они были выведены в романе юного автора, – требовали «правильной», идеологически верной доработки и редакторской правки. Надо помнить также об изначально предвзятом отношении к рукописям писателей-эмигрантов в Советском союзе, о трудностях с их изданием, о цензурных препонах Главлита и проч. [Блюм, 2003]. Идеологической «чистке» подвергались уже изданные произведения, что уж говорить о рукописи. Время для появления нового политического «остро-агитационного» романа о харбинской эмиграции не пришло.

При всем этом у Горького возникло желание познакомиться с автором лично, о чем свидетельствует приглашение в Москву. Обращает на себя внимание также первое сухое предложение без обращения в письме Горького. Дело в том, что Горький получал всю корреспонденцию через своего секретаря П. П. Крюкова, рукопись романа была передана ему с опозданием, и, как опытный корреспондент, он констатировал факт отсроченного обретения входящей почты.

Горький отправил свое письмо по адресу, указанному в первом письме Л. А. Никифоровой: «Харбин. Пристань. Казачья, д. 43, кв. 8», несмотря на то, что

¹⁶ АГ ИМЛИ РАН. ПГ-рл-28-4-3.

¹⁷ В августе 1936 г. состоялся процесс Зиновьева-Каменева («троцкистско-зиновьевский террористический центр»); в январе 1937 г. – процесс Пятакова-Радека («антисоветский троцкистский центр»); в 1938 г. – процесс над право-троцкистским блоком – третий и самый громкий московский процесс, завершивший разгром оппозиции.

в письме Б. С. Стомонякова было сказано: женщины находятся в Иркутске. Почему так произошло? Видимо, потому что это был единственный точный адрес.

Отправляя письмо в Харбин в конце октября, Горький не знал о судьбе двух пишущих к нему женщин. А судьба их была такова.

23 марта 1935 г. было подписано соглашение об уступке КВЖД Маньчжоу-го, и советские граждане-харбинцы устремились в СССР. Никифоровы, поддержанные генеральным консулом СССР в Харбине М. М. Славуцким, не дождавшись ответа Горького, решили покинуть Харбин и отправиться на родину. Сама Л. А. Никифорова так описала консульскую помощь (в письме Горькому в феврале 1936 г.):

Нас отправили с эшеленом служащих, эвакуирующихся с Китайской дороги, на что мы не имели оснований рассчитывать, так как не состояли на службе дороги. Нам щедро помогли деньгами на уплату неотложных долгов, и вообще отношение к нам консульства было исключительное. Когда я выразила опасение, как же мы будем существовать в чужой среде, без связей, без знакомств, – нас заверяли, что, по прибытии на место, о нас позаботятся организации. Помогут устроить, дадут литературную работу. Ну и мы покатали!¹⁸

Обе женщины в своих письмах Горькому ни словом не обмолвились, что были арестованы 7 октября 1935 г. на станции в Казани и обвинены в антисоветской агитации среди пассажиров и провоз через границу контрреволюционной литературы. Однако через несколько дней дело против них было прекращено за недостаточностью улик¹⁹. 18 октября они приехали в Ленинград и остановились у родственниц (Фонтанка, д. 183, кв. 10), отношения с которыми, судя по письмам, не заладились. Ольга Никифорова после нескольких месяцев напряженного поиска работы устроилась на 147 руб. в бюро газетных вырезок Ленсправки. Журналистскую работу ей найти не удалось: приносимые ею репортажи и материалы для фельетонов отвергались редакциями. Поиск работы в Доме книги, Доме печати, Доме писателей тоже не дали результатов. Видимо, потенциальных работодателей смущало эмигрантское прошлое просительницы. Амбициозно настроенная девушка, жалуясь на отсутствие заработка, в отчаянии писала Горькому:

Все кругом говорят мне шаблонные фразы о том, что нужно бороться, что не следует падать духом. Но как не падать, если практика жизни, экономика, непреложность факта – загоняют в тупик?!²⁰

И далее в письме Ольга Никифорова требовала от Горького помощи:

Знаю, что не имею права утомлять Вас своими разглагольствованиями, но хочется найти какие-то доводы, попросить Вас сделать некоторое усилие. Ведь в конце концов, Алексей Максимович, в Ваших руках – моя судьба. И разве не естественно желание оборвать цепь дней, полных томительной неизвестности и добиться решающего слова?... <...> И теперь, когда жизнь стала «великим непрерывным чудом», – неужели кусочек этого «чуда» не достанется и на мою долю? А кусочек

¹⁸ АГ ИМЛИ РАН. КГ-п-53-18-17.

¹⁹ Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/index14.htm> (дата обращения 19.11.2021).

²⁰ АГ ИМЛИ РАН. КГ-пп/6-43-22-4.

этот я понимаю, как жизнь на любимой земле и занятие любимым трудом, хотя бы в самом скромном размере... И кусочек этот – дайте его мне!²¹

Как относиться к такому крику души? С одной стороны, требовательность автора письма можно понять и объяснить. Выросшая в эмиграции, далекая от советской реальности, идеалистически мыслящая, увлеченная литературным творчеством девушка стремилась в СССР, ожидая, что родина примет ее в свои объятия. Однако жизнь распорядилась по-другому, и реальность не совпадала с ожиданиями Марка Волгина.

Бесконечно загруженный организационно-редакторской работой Горький получал не все входящие к нему письма, содержание которых перлюстрировалось. Кроме этого, полноценной переписки с Никифоровыми не получалось: письма не достигали адресатов.

Подозревая, что письма до писателя не доходят, О. Никифорова продолжала писать Горькому, напоминая о себе, интересуясь судьбой рукописи и желая получить отзыв. Сохранились в Архиве ее письма от 3 и 30 ноября; 14, 18, 22 и 28 декабря 1935 г.²²

18 декабря 1935 г. она напоминала Горькому, ради чего вернулась в СССР:

Из-за этого романа я сюда приехала, бодро терплю тысячи лишений, жду и надеюсь. Моя судьба в Ваших руках, Алексей Максимович, чувствую и провижу так ясно²³.

На письме от 22 декабря 1935 г., в котором есть такие строки: «Жизнь еще манит многими возможностями, манит прочно вросшей в сознание формулой счастья “любимый труд на любимой земле”». Ведь я так счастлива, находясь здесь, и так больно чувствовать себя не втянутой в жизнь, не имеющей в ней части», – сохранилась секретарская помета: «ОТВЕЧЕНО 27/XII 35»²⁴. Однако ответное письмо в Архиве Горького отсутствует.

28 декабря 1935 г. О. Никифорова снова пишет Горькому, повторяя тезисы предыдущих писем:

Из-за него же (романа «Эмигранты». – Е. К.) мы с матерью приехали сюда. Своими глазами узрели эту новую жизнь-сказку, к которой у меня нет способов приобщиться, окунувшись в неё с головой.

Если я росла в условиях зарубежного быта, то что-то, какое-то духовное упрямство помогли мне сохранить себя русской. И Вы не можете себе представить, Алексей Максимович, с каким нетерпением, с какой горячностью я рвалась сюда. Жить на русской земле, переживающей теперь такое чудо – это половина полного счастья, как я себе его представляю. А другая половина – это любимый труд. <...> И формула счастья складывается для меня из двух членов «любимый труд на любимой земле», – кроме этого я ничего не жду и не желаю от жизни²⁵.

Ольга Никифорова из письма в письмо повторяет одну и ту же фразу: «любимый труд на любимой земле», – она прочно вошла в ее сознание и стала формулой,

²¹ АГ ИМЛИ РАН. КГ-нп/б-43-22-4.

²² Там же. КГ-нп/б-43-22-2, 3, 4, 5, 6, 7.

²³ Там же. КГ-нп/б-43-22-5.

²⁴ Там же. КГ-нп(б)-43-22-6.

²⁵ Там же. КГ-нп/б-43-22-7.

смыслом жизни. В состоянии психологического напряжения, неведения и даже страха перед будущим Никифорова пытается убедить себя и читающего в том, что она сделала правильный шаг – приехала в СССР, на родину с одной целью – работать. И единственный, вполне логичный, выход из тупика – это устройство на работу с помощью «великого и могучего» Алексея Максимовича.

В этом же письме она писала о влиянии Горького на становление ее как писателя:

Вы, Алексей Максимович, с ранних лет были моим духовным вождем и авторитетом. Когда я писала «Эмигрантов», я часто корректировала целые страницы четкими штрихами Вашего мирозерцания. И если бы я смела, я бы посвятила Вам свой первый большой труд²⁶.

Искренними были эти слова? Или вынужденным преклонением перед авторитетом учителя?

Так и не получив ответа ни на одно свое письмо, она продолжила писать Горькому и его секретарю П. П. Крюкову в начале 1936 г.

В феврале 1936 г. ее мать, Л. А. Никифорова, снова интересуется судьбой рукописи у Горького, повторяя в письме историю возвращения в Союз:

Сюда мы приехали по настоянию ген<ерального> к<онсу>ла Д<альнего> В<остока> – Славущкого, который заинтересовался романом и при личной аудиенции наговорил моей дочери столько лестного, что у нее совсем закружилась голова, – да и не мудрено в 26 лет! Говорил о переработке его для кино и убеждал ехать сюда, в Сов<етский> Союз, так как талантливые люди должны жить и работать в родной стране, все способности отдавать ей²⁷.

Приходится констатировать, что вернувшиеся на родину эмигрантки столкнулись с предвзятым и даже подозрительным отношением к себе, с непреодолимыми материальными трудностями и, к сожалению, не чувствовали себя нужными родной стране. Очевидно, что, несмотря на проявляемые автором романа «Эмигранты» безупречные лояльность и преданность, ее произведение, если принять терминологию А. В. Блюма [2003, с. 13], всё равно попадало под два основных типа запретов: «персонифицированный» (автор – эмигрант) и «содержательный» (политический, а значит, подозрительный, роман), – и не могло быть напечатано.

Догадываясь о том, что Горький очень занят, уже зная через секретаря П. П. Крюкова, что все ее 8 писем и рукопись получены Горьким, и не дождавшись ответа, О. Никифорова, снова пишет писателю 6 марта 1936 г. пространное письмо, в котором жалуется на судьбу:

...я живу у родственников. Это две старых девы, озлобленные, капризные, которые держат меня в рабском подчинении. Нужно ложиться спать в 9 часов, гасить огонь. Нельзя ни читать, ни курить, ни разговаривать. Если бы еще это было неделю, две... а то это грозит тянуться бесконечно.

Видю, как Вы хмурите брови и думаете:

– Я-то при чём? Что я могу сделать?

Алексей Максимович, если я буду знать, что роман Вы одобрили, что он будет напечатан, – мне легче жить и терпеть. Тогда я на многое смогу смотреть даже

²⁶ АГ ИМЛИ РАН. КГ-нп/6-43-22-7.

²⁷ Там же. КГ-п-53-18-17.

юмористически. Затем, если вопрос будет решен принципиально, то можно будет просить Вас ускорить это. Ведь Ваше слово значит бесконечно много. Оно может открыть мне те двери, куда я стучалась в поисках работы, сможет создать скольконибудь сносные условия, чтобы продолжать ту работу, которая мне безмерно дорога²⁸.

И наконец, в заключение письма она пишет слова, которые Горький при чтении подчеркивает красным карандашом:

...я... не должна была бы состоять буквально в рабстве в той стране, где строится жизнь на основах свободы²⁹.

Горький получил и прочитал все письма Никифоровых. Он (или его секретарь) дали «решающий ответ», после получения которого О. Никифорова просила вернуть ей рукопись, что и было сделано 8 апреля 1936 г.³⁰ О содержании «решающего» письма мы можем только догадываться. Переписка с Никифоровыми прекратилась. 18 июня 1936 г. Горького не стало.

Письма начинающей писательницы Горькому, пишущей под псевдонимом Марк Волгин, дают представление о ее личности. Настойчивая девушка со сложным характером Ольга Никифорова, отличающаяся юношеским максимализмом, импульсивностью, экспрессией, даже неуживчивостью и высокомерием, возлагала на писателя слишком большие надежды, которым не суждено было сбыться. Так, не начавшись, закончилась писательская история Марка Волгина.

Примечательно, как менялся характер писем Ольги Никифоровой Горькому, их тон и качество бумаги, на которой они были написаны. Если первые письма (многословные, экспрессивные) написаны на больших плотных линованных листах бумаги, то последние были более чем скромными и по содержанию, и по тону (то льстивому, то раздражительному). Это объясняется и бедностью, и неопределенностью, и изменившимся отношением юного автора к маститому писателю.

Дальнейшая судьба Ольги Никифоровой теперь известна. Она была арестована в Ленинграде 19 декабря 1936 г., осуждена Особым совещанием (ОСО) при НКВД СССР 31 мая 1937 г. (по иронии судьбы, ровно через два года после того, как ее мать написала письмо Горькому), обвинена в шпионаже и приговорена к 5 годам лишения свободы³¹. 22 июня 1937 г. из ленинградской тюрьмы ее перевели в Ухтинско-Печорский исправительно-трудовой лагерь (Коми), и 1 февраля 1940 г.

²⁸ АГ ИМЛИ РАН. КГ-нп/6-43-22-8.

²⁹ Там же.

³⁰ АГ ИМЛИ РАН. КК-рл-11-21-1; КГ-нп/6-43-22-9.

³¹ В оперативном приказе НКВД СССР от 20 сентября 1937 г. № 00593 – об операции по репрессированию «харбинцев» – бывших служащих Китайско-Восточной ж.д. и реэмигрантов Манчжоу-Го – утверждалось, что выехавшие в СССР харбинцы в подавляющем большинстве в прошлом являлись белыми офицерами, участниками различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и в большинстве своем принадлежали к агентуре японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в СССР для террористической, диверсионной и шпионской деятельности (ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 389. Л. 160–169).

она умерла³². Что стало с ее матерью, неизвестно: сведения о ней обрываются в 1939 г.

Занятый писательской, редакторской, организационной работой Горький, находящийся в конце жизни под пристальным вниманием своего секретаря и спецслужб, старался найти время и ответить всем своим корреспондентам. К сожалению, отзыв Горького, пришедший слишком поздно, и сам Горький, скончавшийся в июне 1936 г., не помогли ни Марку Волгину, ни Ольге Никифоровой. Знакомство с Горьким и его рекомендации не давали в 1936–1937 гг. гарантии безопасности. И теперь мы вряд ли найдем ответ на вопрос: политический ли роман Марка Волгина с табуированными темами, письма ли Горькому, в которых были высказаны «крамольные» мысли, сыграли роковую роль в судьбе молодого автора или иные обстоятельства стали причиной ареста и гибели.

Список литературы

Блюм А. В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2003. 404 с.

Горький А. М. Полн. собр. соч.: Письма: В 24 т. М.: Наука, 2001. Т. 7: Письма (конец августа 1908–1909) / Отв. ред. И. А. Ревякина. 624 с.; Т. 8: Письма (1910–1911) / Отв. ред. Л. Н. Смирнова. 607 с.

Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. / Под ред. Б. П. Козьмина. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1956. Т. 1. 442 с.

Славуцкая А. М. Всё, что было...: Записки дочери дипломата. М.: Книга и бизнес, 2002. 189 с.

Спиридонова Л. А. Настоящий Горький: мифы и реальность. 2-е изд. Н. Новгород: Бегемот НН, 2016. 384 с.

Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М.: ГИХЛ, 1934. 719 с.

Хисамутдинов А. А. Литературные псевдонимы русских эмигрантов в Китае: Материалы к справочнику // Русский Харбин, запечатленный в слове / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2017. С. 95–138.

Чони П. Горький – политик. СПб.: Алетей, 2020. 274 с.

Список архивов

АГ ИМЛИ РАН – Архив Горького Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия)

ЦА ФСБ РФ – Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (Москва, Россия)

³² Жертвы политического террора в СССР. Книга памяти Республики Коми. Т. 8, ч. 3. URL: <https://base.memo.ru/person/show/403883> (дата обращения 19.11.2021).

References

- Blyum A. V. Zapreshchennye knigi russkikh pisateley i literaturovedov. 1917–1991: Indeks sovetskoy tsenzury s kommentariyami. St. Petersburg, 2003, 404 p. (in Russ.)
- Choni P. Gor'kiy – politik. St. Petersburg, Aletyia, 2020, 274 p. (in Russ.)
- Gorky A. M. Polnoe sobranie sochineniy: Pis'ma. In 24 vols. Moscow, Nauka, 2001, vol. 7: Pis'ma (1908–1909). Ed. by I. A. Revyakina, 624 p.; vol. 8: Pis'ma (1910–1911). Ed. by L. N. Smirnova, 607 p. (in Russ.)
- Khisamutdinov A. A. Literaturnye psevdonimy russkikh emigrantov v Kitae: Materialy k spravochniku. In: Zabiako A. A., Efendieva G. V. (eds.). Russkiy Kharbin, zapchatlennyy v slove. Blagoveshchensk, Amur State Uni. Press, 2017, pp. 95–138. (in Russ.)
- Masanov I. F. Slovar' psevdonimov russkikh pisateley, uchenykh i obshchestvennykh deyateley. In 4 vols. Ed. by B. P. Kozmin. Moscow, Vsesoyuz. kn. palata Press, 1956, vol. 1, 442 p. (in Russ.)
- Pervyy Vsesoyuznyy s'ezd sovetskikh pisateley. 1934. Stenograficheskiy otchet. Moscow, GIKhL Publ., 1934, 719 p. (in Russ.)
- Slavutskaya A. M. Vse, chto bylo...: Zapiski docheri diplomata. Moscow, Kniga i biznes Publ., 2002, 189 p. (in Russ.)
- Spiridonova L. A. Nastoyashchiy Gor'kiy: mify i real'nost'. 2 nd ed. Nizhniy Novgorod, Begemot NN Publ., 2016, 384 p. (in Russ.)

List of Archives

- Archive of the Gorky of the Institute of World Literature named after A. M. Gorky of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
- Central Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Информация об авторе

Елена Викторовна Кудрина, кандидат филологических наук

Information about the Author

Elena V. Kudrina, Candidate of Sciences (Philology)

Научная статья

УДК 821. 161. 1

DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-129-175

Истинная жизнь Голубчика-Гостова

Леонид Юрьевич Большухин¹

Оксана Вадимовна Замятина²

^{1, 2} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Россия

¹ lbolshuhin@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9214-376X>

² ozamiatina@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4683-8728>

Аннотация

В статье говорится о том, как было установлено авторство двух поэтических сборников «Фольклористы» (1922) и «Темы» (1924), вышедших в Петрограде-Ленинграде в начале 20-х гг. XX в. под псевдонимом Голубчик-Гостов. Авторам статьи удалось обнаружить потомков поэта Льва Михайловича Гольдёнова, который публиковался под этим псевдонимом и никаких других следов своей литературной деятельности не оставил. Приводятся воспоминания внучатой племянницы Гольдёнова М. А. Хорошевой, в которых кратко рассказывается о биографии поэта и истории его семьи. В качестве иллюстративного материала представлены фотографии поэта, членов его семьи, ряд документов. Кроме того, делается попытка первоначальной реконструкции биографии поэта, воссоздание круга общения Л. М. Гольдёнова в Ленинграде, даются биографический и историко-литературный комментарии к ряду стихов сборников. Исследуются отношения Гольдёнова с Леонидой Матвеевной Кимстач (по устным свидетельствам родственников, близкой знакомой поэта Гольдёнова), которой посвящен ряд стихотворений сборника «Темы». В статье впервые рассматриваются особенности поэтики сборников Голубчика-Гостова, связь стихов Гольдёнова с современным ему литературным контекстом, предлагается версия происхождения поэтического псевдонима. Предпринимается попытка осмысления истинного масштаба творческого наследия забытого поэта, а также устанавливается, что стратегия литературной самопрезентации Гольдёнова – пример реализации маргинального художественного опыта, апроприирующего поэтический язык авангарда. Авторы статьи представляют лишь начальные результаты предпринимаемых архивных исследований.

Ключевые слова

Голубчик-Гостов, Лев Гольдёнов, «Фольклористы», «Темы», поэтический сборник, псевдоним, автор, биография, воспоминания, авангард

Для цитирования

Большухин Л. Ю., Замятина О. В. Истинная жизнь Голубчика-Гостова // Сюжетология и сюжетология. 2021. № 2. С. 129–175. DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-129-175

© Большухин Л. Ю., Замятина О. В., 2021

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2021. № 2. С. 129–175
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2, pp. 129–175

Golubchik-Gostov's True Life

Leonid Yu. Bolsukhin¹

Oxana V. Zamiatina²

^{1,2} National Research University "Higher School of Economics"
Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹ lbolsukhin@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9214-376X>

² ozamiatina@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4683-8728>

Abstract

The article describes how the authorship of two poetry collections "Fol'kloristy" (1922) and "Temy" (1924), published in Petrograd-Leningrad in the early 1920s under the pseudonym *Golubchik-Gostov*, was established. The authors of the article managed to find the descendants of the poet Lev Mikhailovich Goldyonov, who was published under this pseudonym. And he left no other traces of his literary activity. The article presents the memoirs of Maria A. Khorosheva, Goldyonov's grand-niece, which briefly tells about the history of the poet and his family. The photographs of the poet, his family members, and a number of documents are presented as illustrative material. In addition, the article attempts to reconstruct initially the poet's biography, to recreate Lev M. Goldyonov's social circle in Petrograd-Leningrad, at the same time the article provides biographical and historical-literary comments on a number of poems in the collections. Let us explore the Goldyonov's relationship with Leonida Matveevna Kimstach (according to oral testimony of relatives, a close Goldyonov's friend), to whom a number of poems from the collection "Temy" are dedicated. For the first time, the article examines the poetic's peculiarities of Golubchik-Gostov's collections, the connection of Goldyonov's poems with the literary context contemporary to him, a version of the origin of the poetic pseudonym is proposed. The article establishes that the strategy of Goldyonov's literary self-presentation is an example of a marginal implementation of the experience of avant-garde poetry and the means of its promotion. The article makes an attempt at the true scale and creative legacy of the forgotten poet. The authors of the article present only the initial results of the archival research undertaken.

Keywords

Golubchik-Gostov, Lev Mikhailovich Goldyonov, "Fol'kloristy", "Temy", poetry collection, pseudonym, author, biography, memoirs, avant-garde

For citation

Bolsukhin L. Yu., Zamiatina O. V. Golubchik-Gostov's True Life. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 2, pp. 129–175. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-129-175

В каталоге великого собирателя русской поэзии И. Н. Розанова читаем:

ГОЛУБЧИК-ГОСТОВ

2579. **Фольклористы**. Книга стихов. Пг., тип единого потреб. о-ва, 1922. 31 с.

2580. **Темы**. Вторая книга стихов. Изд. авт. Л., 1924. 34 с. [БРП, 1975, с. 150].

Сборнику «Фольклористы» под номером 273 нашлось место и в грандиозном (более 15 000 томов) книжном собрании профессора МГУ Н. К. Гудзия [Русские поэты..., 1996, с. 30]. Выпуск первого сборника Голубчика-Гостова «Фольклористы» зафиксирован в хронике литературной жизни Петрограда «Литературная

жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Том 1. Часть 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг.». Предположительное время выхода книги – 1922 г., октябрь – декабрь, до 16 числа. Здесь же указана и единственная обнаруженная рецензия на книгу стихов Голубчика-Гостова в «Вечерней Красной газете», подписанная Мел. Ш. [Литературная жизнь России..., 2005, с. 582].

О стихотворении Голубчика-Гостова «Мартышка, мартышка...» упоминает В. Зельченко в работе, посвященной стихотворению В. Ходасевича «Обезьяна». Собирая воедино и обобщая всё, что было сказано об обезьяне в русской литературе до Ходасевича, исследователь пишет:

...незамысловатый речитатив обезьянщика с бубном запечатлен в повести Вен. Корчемного «Лунная соната» <...>, и он же различим в макабрическом стихотворении поэта Голубчика-Гостова (ближе не известен), на которое указал А. Л. Соколов в блоге М. В. Безродного:

Мартышка, мартышка.
Го-го.
Молдаванин с обезьяной.
Го-го.
Девки, парни, мальчуганы.
Го-го.
Покажи, как ходит пьяный.
Го-го.
Мартышка, мартышка
[Зельченко, 2019, с. 30–31].

Сборники Голубчика-Гостова, естественно, учтены и в самом полном на сегодняшний день каталоге русской поэзии А. К. Тарасенкова и Л. М. Турчинского [2004, с. 194]. В «Прологе к каталогу» Р. Д. Тименчик размышляет об истории книг и судьбах их авторов: «И как за иными титулами для сегодняшнего историка литературы не стоит (и, может быть, никогда уже не обнаружится) никакого авторского лица, так же верно будет сказать, что несколько десятков стихотворцев еще не обрели своих библиографических надгробий» [Тименчик, 2004, с. 16].

Книги Голубчика-Гостова уже давно привлекали внимание ценителей и коллекционеров русской лирики XX в., однако перейти на иной уровень бытования и стать объектом научной рефлексии им еще не довелось. Одна из самых очевидных причин – отсутствие каких-либо сведений о создателе этих поэтических сборников. Почти столетие не получалось связать книги и псевдоним с реальным автором.

Сегодня мы можем утверждать абсолютно ответственно: в историю литературы вошел еще один поэт. За эффектным псевдонимом Голубчик-Гостов проступило и стало физически осязаемым лицо человека, прожившего непростую жизнь и оставившего после себя две небольшие книжки стихов. Открытие и возвращение поэта произошло по воле счастливого случая.

В 1942 г. из блокадного Ленинграда в Ташкент были эвакуированы Ревекка Михайловна Гольдинова и ее сестра Софья Михайловна Гольдинова с дочерью Натальей. Узбекистан стал их новой родиной. В Ташкенте у Натальи родилась дочь Мария (Хорошева). В семье бережно хранилась память о близких, оставших-

ся в РСФСР или погибших в блокаду. Известно, что Софья Михайловна даже написала мемуары об истории своей большой семьи.

Помнили и о двоюродном дедушке Марии Хорошевой, родном брате Софьи и Ревекки, Льве Михайловиче Гольдёнове¹. В семье он слыл странным человеком, причину этого близкие видели в тех испытаниях, что выпали Льву в Первую мировую войну. В семье знали, что в 20-е гг. XX в. Лев выпустил два сборника стихотворений, но сами сборники или рукописи поэтических текстов в семье не сохранились. Родным было сложно понять ценность литературного наследия Льва Михайловича, значимость того факта, что он писал и публиковался. Ситуация осложнилась и тем, что часть семьи оказалась сначала в другой союзной республике, а после распада СССР – и в другой стране. Знание о том, кто скрывался за псевдонимом Голубчик-Гостов, очень долго не покидало пределов семейного круга.

И счастливый случай помог тогда, когда, с одной стороны, Мария Хорошева поделилась со своими друзьями и собеседниками историей семьи, с другой – у слушателей возникло живое желание внимательно и сочувственно слушать о судьбах других людей. Это и стало тем необходимым и достаточным условием, при котором знание, которое почти сто лет оставалось лишь частью семейных преданий, превратилось в факт истории литературы. Собеседница Марии Хорошевой, филолог Анна Большухина, живущая в Нижнем Новгороде, первой осознала всю ценность необычной домашней истории. Благодаря профессиональному вниманию Анны, мы можем сегодня утверждать, что под псевдонимом Голубчик-Гостов издал два поэтических сборника Лев Михайлович Гольдёнов (1892–1941). Свидетельством достоверности этого утверждения стали сохранившиеся в семье Марии Хорошевой воспоминания о двоюродном деде, которые она записала², и именно они легли в основу дальнейших изысканий и уточнений биографического характера. Эти воспоминания представлены в качестве приложения к данной публикации. Дополнительным свидетельством авторства можно считать упоминание в сборниках реальных фамилий людей, входивших в ближайший круг Льва Гольдёнова (брат – Исаак Михайлович Гольдинов, знакомая – Леонида Матвеевна Кимстач).

Пока у нас нет возможности полноценно восстановить биографию поэта, и трудно сказать, насколько это реально сделать в будущем. На сегодняшний день всё, что удалось найти и собрать, представлено фрагментарно.

Лев Михайлович Гольдёнов родился в 1892 г. в городе Константинограде Полтавской губернии на Украине (в настоящее время – город Красноград Харьковской области).

Л. М. Гольдёнов принимал участие в Первой мировой войне. По воспоминаниям родных, служил в пехоте. Есть основания полагать, что он мог быть призван в *10-й армейский корпус*, по состоянию на 18 июля 1914 г. включавший, помимо прочих частей, *9-ю пехотную дивизию* (командующий генерал-лейтенант И. С. Лошунов) в составе 33-го пехотного Елецкого полка, 34 пехотного Севского

¹ Именно так он интонировал свою фамилию, по воспоминаниям родственников.

² Воспоминания Марии Хорошевой печатаются в качестве приложения к настоящей статье. Далее авторы статьи ссылаются на иллюстративный материал, предоставленный автором воспоминаний М. А. Хорошевой, см. приложение.

полка, 35-го пехотного Брянского полка, 36-го пехотного Орловского полка, 9-й артиллерийской бригады³.

Возможно, Л. М. Гольдёнов был призван в одно из подразделений 9-й пехотной дивизии (традиционно это военное подразделение базировалось на территории Полтавской губернии), с большой долей вероятности Гольдёнов мог проходить службу в Орловском 36-м пехотном полку, который (по данным Адрес-календарей и Справочных книг Полтавской губернии) на протяжении многих лет базировался в Константинограде, имел там обширную библиотеку и различные хозяйственно-производственные службы⁴. На начало Первой мировой войны Орловский 36-й пехотный полк базировался в расположенном в 180 км от Константинограда Кременчуге. Любопытно, что в самом начале войны был организован 239-й Константиноградский пехотный полк, но его состав формировался из резервов 35-го пехотного Брянского полка, традиционно квартировавшего в Полтаве⁵.

В воспоминаниях Марии Хорошевой говорится о двух трагических событиях военной службы Льва Михайловича. Часть, где он служил, подверглась химической атаке, вероятнее всего хлором. Возможно, это страшное испытание каким-то образом повлияло на психическое состояние поэта. Позднее Гольдёнов оказался в плену⁶. На сегодняшний день документов, подтверждающих факт военной службы, не обнаружено. Неизвестно также, когда Гольдёнов попал в плен, сколько времени там провел, когда и каким образом был освобожден. Кроме воспоминаний близких, источником, рассказывающим об обстоятельствах жизни в плену, остаются поэтические сборники «Фольклористы» и «Темы». Анализ упоминаемых в сборниках городов и мест позволяет предположить, что Гольдёнов во время пленения находился на территории Западной Галиции. В стихотворении «Шапкун», посвященном товарищам по плену Урнышеву и Наглому, рассказывается о добыче камня для надгробий [Голубчик-Гостов, 1922, с. 9–10]. Возможно, и сам Гольдёнов мог трудиться в каменоломнях. На сегодняшний день не удалось найти сведений о судьбе товарищей поэта по плену. Реконструкция затекстовой реальности стихотворения «В этом доме деревянном» позволяет предположить, что какое-то время Гольдёнов был батраком, подсобным рабочим в Австрии [Там же, с. 22–23].

³ Сведения о 10-м армейском корпусе Русской Императорской армии во время Первой мировой войны. URL: <https://www.ria1914.info/index.php/> (дата обращения 24.11.2021).

⁴ Памятная книжка и Адрес-календарь Полтавской губернии на 1892 год. Составлен Д. А. Иваненко, секретарем Полтавского Губернского Статистического Комитета. Полтава: Тип. Л. Фришберга, Александровская, собств. дом, 1892. URL: <http://histpol.pl.ua/ru/biblioteka/tematicheskie-podborki/spravocnyie-knizhki-i-adres-kalendari-poltavskoj-gubernii?id=12576> (дата обращения 24.11.2021).

⁵ Памятная книжка Полтавской губернии на 1914 год. Издание Полтавского губернского статистического комитета. Полтава, Электрическая Типо-литография Губернского Правления, 1914. URL: <http://histpol.pl.ua/ru/biblioteka/tematicheskie-podborki/spravocnyie-knizhki-i-adres-kalendari-poltavskoj-gubernii?id=12584> (дата обращения 24.11.2021).

⁶ Архив Марии Хорошевой.

В 1917 г. Л. М. Гольдёнов поступил на историко-филологический факультет Саратовского университета⁷. Затем он перебрался в Харьков, где в 1921 г. окончил литературное отделение в Институте общественных наук (бывший историко-филологический факультет) Харьковской Академии Теоретических знаний (бывшего Университета) согласно нотариально заверенной копии диплома⁸.

В дипломе перечислены учебные дисциплины, их набор традиционен для филологического факультета. Особый интерес представляют выполненные письменные работы. Два реферата: один посвящен творчеству И. А. Гончарова, тема другого – «Лирика и эксперимент». Кроме того, было написано сочинение на тему «Солдатские песни»⁹. Содержание работ нам неизвестно, но можно с осторожностью предположить, что в книгах стихов опыт реферативного филологического исследования был в разной степени использован. В «Слове о лихом времени» читаем: «Саратов высокий и белый Саратов // Я вспомнил: Обломовка там» [Голубчик-Гостов, 1922, с. 8]. Разнообразие метрических и ритмических моделей в поэтических сборниках позволяет трактовать их как экспериментальную творческую площадку. А декларативный интерес к фольклору, реализованный в сборниках в стихотворениях разной тематики, берет истоки от сочинения, посвященного солдатской песне. Гольдёнов, как нам представляется, еще во время учебы определил круг своих филологических интересов, верность им в трансформированном виде сохраняется и в поэтической практике.

В период с 1922 по 1923 г. Л. Гольдёнов проходил обучение на Высших научно-педагогических курсах Наркомата Просвещения РСФСР¹⁰. Они были созданы в 1918 г. как одногодичные педагогические курсы, находившиеся в ведении Комиссариата просвещения Союза коммун Северной области. В 1919 г. были реорганизованы в Педагогическую академию Наркомпроса РСФСР, с 1922 г. вновь реорганизованы в научно-педагогические курсы. Ликвидированы 1 сентября 1923 г.¹¹ Курсы давали выпускникам право работать преподавателями в высших учебных заведениях. Известен список студентов, с кем на курсе учился Гольдёнов¹². Возможно, существовал какой-то круг людей, равнодушных к литературному творчеству. Однако пока воссоздать историю курса, на котором учился поэт, не удалось.

⁷ Архив Марии Хорошевой, см. приложение: нотариально заверенная копия диплома, где указано, что в 1917 г. Л. М. Гольдёнов «поступил в число студентов историко-филологического факультета Саратовского университета».

⁸ «...в 1921 году окончил курс Института общественных наук (бывшего Историко-филологического факультета) Харьковской Академии Теоретических знаний (бывшего Университета) по Литературному отделению» (Архив Марии Хорошевой).

⁹ «Имеет зачеты по следующим прослушанным Курсам, практическим занятиям и письменным работам: III. Письменные работы: Реферат “Творчество Гончарова”, зачтено; Реферат “Лирика и эксперимент”, зачтено; сочинение “Солдатские песни”, зачтено» (Архив Марии Хорошевой).

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. Р-2990. Оп. 1. Д. 237.

¹¹ Аннотация к документам по Высшим научно-педагогическим курсам Комиссариата Народного просвещения РСФСР. Петроград, 1918–1923 // Путеводитель по фондам ЦГА СПб. URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cga/guide/159> (дата обращения 24.11.2021).

¹² В ЦГА СПб. представлены списки личных дел студентов Высших научно-педагогических курсов Наркомата Просвещения РСФСР. На текущий момент авторами статьи определен круг однокурсников Л. М. Гольдёнова.

Остается неясным, где в 1920–1930 гг. работал Гольдёнов.

Пока послужной список Льва Михайловича Гольдёнова прослеживается по профсоюзным билетам, сохранившимся в семье поэта¹³.

Согласно этим документам, производственный стаж Гольдёнова исчисляется с 1910 г. (членские билеты № 35607, 36869; 427886), в 1923 г. он вступил (членский билет № 40209) в Полтавское отделение Союза работников просвещения СССР по специальности «педагог-обществовед» (возможно, «обществовед»).

В 1933 г. (возможно, с 25 ноября 1933 г.) служил счетоводом на Октябрьской железной дороге (членский билет № 36869).

В 1934 г. (возможно, с 28 мая 1934 г.) стал преподавателем в одной из организаций, связанной с профсоюзом рабочих электропромышленности и электростанций (членский билет № 427886). При этом в период с 1 мая 1934 по 1 мая 1935 г. участвовал в коллективном договоре страхования от ленинградской фабрики «Скорород» (страховой договор № 68 от 1 мая 1934 г. <?>).

В июне 1941 г. Л. М. Гольдёнов работал преподавателем в одной из организаций, связанной с профсоюзом рабочих промышленности строительных материалов СССР (год вступления в профсоюз – 1936), о чем свидетельствуют соответствующие отметки в членском билете № 35607 об уплате членских взносов с января по июнь 1941 г.

По воспоминаниям родственников, в квартире 7 в доме 27 по наб. Канала Грибоедова, где Л. М. Гольдёнов проживал до своей смерти, жили друзья, переехавшие в Петроград – Ленинград из Константинограда – Краснограда. Среди них была Марианна Семеновна Барткова. Про Барткову известно, что она родилась в 1901 г. и дружила с Софьей Михайловной Гольдиновой, сестрой Льва. Незадолго до или в первые годы Великой Отечественной войны Барткова вышла замуж за Бориса Львовича Айзенберга (1902–1986) – физика, эрудита, знавшего четыре языка, автора ряда патентов, впоследствии профессора и доктора технических наук¹⁴. Уже с наступлением блокады Марианна и Борис, по воспоминаниям дочери С. М. Гольдиновой, приглашали ее мать к себе в гости. В блокаду до эвакуации М. С. Барткова проживала по адресу г. Ленинград ул. Жуковского, д. 33, кв. 1¹⁵. 16 июля 1942 г. была эвакуирована из города¹⁶ в Алтайский край, где проживала в городе Ойрот-Тура (ныне Горно-Алтайск), ул. Октябрьская, 30¹⁷.

В 20–30-е гг. XX в. в жизнь Б. Айзенберга была очень событийна. Январь – сентябрь 1920 г. – 12-я Красная Армия, юго-западный фронт, агент военно-контрольного пункта. Сентябрь 1920 – июль 1921 г. – Петроградский Губвоенкомат, мобилизационный отдел, переписчик. Июль – октябрь 1921 г. – Петроградская военно-заготовительная комиссия, начальник канцелярии. Сентябрь 1921 – март 1930 г. – Ленинградский электротехнический институт, студент. Июнь 1926 – февраль 1930 г. – Ленинградская кабельная сеть, электромонтер. Февраль 1930 – январь 1931 г. – Ленинградская кабельная сеть, инженер. Январь 1931 – июнь

¹³ Архив Марии Хорошевой; см. приложение.

¹⁴ Айзенберг Б. Л. Персональная страница на сайте «Партизаны Беларуси». URL: <https://partizany.by/partisans/86643/> (дата обращения 24.11.2021).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Эвакуированные из блокадного Ленинграда, список 4, литера «Б». URL: <https://pomnirod.ru/materialy-k-statyam/vojna/2-mirovaya/> (дата обращения 24.11.2021).

¹⁷ Айзенберг Б. Л. Персональная страница на сайте «Партизаны Беларуси».

1941 г. – Ленинградская кабельная сеть, старший инженер, начальник отдела, руководитель группы. Июнь 1931 – июнь 1932 г. – Научно-исследовательский институт энергетики, руководитель группы (по совместительству). Июня 1933 – июнь 1937 г. – Экспертный совет Ленэнерго. Ученый секретарь (по совместительству). Сентябрь 1937 – июнь 1941 г. – Институт усовершенствования ВНИТОЭ, преподаватель (по совместительству). Сентябрь 1940 – июнь 1941 г. – Ленинградский электротехнический институт, руководитель дипломных проектов (по совместительству)¹⁸.

Мы не знаем, был ли Б. Л. Айзенберг знаком с Л. М. Гольдёновым (возможно, к замужеству М. С. Барткова стала реже общаться с Л. М. Гольдёновым), но, в соответствии с членским билетом № 427886, с 1934 г. Лев Михайлович Гольдёнов состоял в профсоюзе рабочих Электропромышленности и электростанций и числился преподавателем. Как мы знаем из собственноручно заполненного послужного списка, Б. Л. Айзенберг с начала 30-х гг. занимал ответственные должности в структуре ленинградской энергетики.

Л. М. Гольдёнов умер 21 ноября 1941 г. в возрасте 49 лет от истощения, о чем 28 ноября того же года в книге записей актов гражданского состояния была сделана соответствующая отметка¹⁹. Погребение состоялось только через 12 дней. Стараниями родственников 2 декабря 1941 г. Гольдёнов был похоронен на Преображенском еврейском кладбище Ленинграда²⁰. Сегодня именная могила отсутствует. Объяснением может быть версия, выдвинутая в частной переписке: погребение было оплачено хлебом – распространенная практика в блокаду, поэтому труп Л. М. Гольдёнова был захоронен в общей могиле.

При публикации первого стихотворного сборника Гольдёнов придумывает себе выразительный псевдоним – Голубчик-Гостов. Очевидно, что, и это было отмечено литературоведом Игорем Лошиловым, поэт заимствует имя у героя романа Л. Толстого «Война и мир» Николая Ростова. Любопытно, что дается оно в огласовке другого персонажа романа Василия Денисова.

Ростов взглянул в окно и увидел возвращающегося домой Денисова. Денисов был маленький человечек с красным лицом, блестящими черными глазами, черными взлохмоченными усами и волосами. На нем был расстегнутый ментик, спущенные в складках широкие чикчиры, и на затылке была надета смятая гусарская шапочка. Он мрачно, опустив голову, приближался к крыльцу.

– Лаврушка, – закричал он, картавя на *р*, громко и сердито. – Ну, снимай, болван!

...

Денисов сморщился еще больше.

– Сквэг'но, – проговорил он, бросая кошелек с несколькими золотыми. – Г'остов, сочи, голубчик, сколько там осталось, да сунь кошелек под подушку, – сказал он и вышел к вахмистру [Толстой, 1937, с. 157–158].

Это единственный эпизод в романе, когда Денисов называет Ростова голубчиком. Можно сказать, что псевдоним получается двухголосым, одновременно отсылая к двум персонажам романа, объединенным, помимо всего прочего, военной

¹⁸ Айзенберг Б. Л. Персональная страница на сайте «Партизаны Беларуси».

¹⁹ Архив Марии Хорошевой, см. приложение.

²⁰ Там же.

дружбой. Вероятно, на выбор литературного имени повлиял ряд факторов. Гольдёнов – тезка автора романа «Война и мир», это могло определить вектор поиска псевдонима в литературе. Кроме того, есть фонетическое созвучие между фамилией автора ГОльдёнов и ГОЛубчиком-ГОстовым. Псевдоним превращается в анаграмму. Псевдоним напоминает и о военной службе поэта. И хотя он, вероятнее всего, служил в пехоте, его брат Исаак во время Гражданской войны, по воспоминаниям родственников, был кавалеристом²¹.

Первый сборник Гольдёнова «Фольклористы» был отпечатан в октябре 1922 г. в Типографии Петроградского единого потребительского общества. Он состоит из 21 стихотворного текста. Два текста – «Слово о лихом времени» и «Сядемте в ряд московские» – с точки зрения жанра могут быть атрибутированы как поэмы. К особенностям сборника можно отнести: отступление от норм и правил литературного русского языка (отсутствие знаков препинания, аграмматические конструкции, синтаксические удвоения); наличие стран, местностей и городов – Галиция (Польша, Западная Украина), Австрия (Тироль), Саратов, Краков, Грубешов, Петроград, связанных с фактами реальной биографии автора. Название сборника «Фольклористы» указывает на существование некоего круга, объединенного этим именем. С точки зрения стратегии презентации себя как поэта Гольдёнов выбирает способ, который в русской лирике был успешно реализован Валерием Брюсовым, начавшим процесс обретения символического капитала через утверждение существования некой школы – «русских символистов», хотя, как известно, в первом сборнике «Русские символисты» (1894) было лишь два автора – сам В. Я. Брюсов и А. А. Мировпольский (Ланге).

Можно видеть и связь названия сборника «Фольклористы» с тенденцией, которая складывается в русской поэзии в 20-е гг. XX в.: сразу после революции возникают десятки групп, школ и объединений с самыми экзотическими платформами, названиями, эстетическими установками. Об этом с большим раздражением писал С. Городецкий в статье «Соп», опубликованной 27 ноября 1921 г. в газете «Известия»:

Это самый заурядный базар литературы третьего сорта, сборище лысых умом и талантом пирожкопожирателей, скорее напоминающих колонию дефективных детей, чем литераторов. Вся их литературность состоит в том, что они выдумывают и регистрируют всевозможные «школы», ничем друг от друга не отличающиеся. Беспредметники, неоромантики, центрофугисты, экспрессионисты, парнасцы, эклектики, акменсты, фуисты (рекламирующие себя разжижением мозга) – кто угодно в этой лавочке, на всякий вкус и спрос, только не поэты [Литературная жизнь России..., 2005, с. 236].

В случае с книгой Гольдёнова, возможно, реализуется брюсовский вариант, осложненный тем, что Голубчик-Гостов говорит от лица некоего круга, будучи в одиночестве. При этом общей и для первого сборника «Фольклористы» (1922), и для второго сборника «Темы» (1924) остается постоянно поддерживаемая связь между лирическим героем, имя которого равно поэтическому псевдониму автора, и неким кругом, получившим наименование «фольклористы». Отсутствие какой-либо теоретической декларации сборника не позволяет понять принцип создания этого круга. Что это – поэтическая школа или кружок; единство на основе общей

²¹ Воспоминания Марии Хорошевой, см. приложение.

идеологии и философии; научное объединение? Отчасти смысл понятия проясняется во втором сборнике «Темы», где «фольклористы» – представители определенного социального круга – интеллигенции. В этот же круг включаются и поэты, и подразумевается, что у этого круга есть особый способ восприятия мира:

Формула фольклористов, чернорабочие $\sqrt{\text{техперсонал} = \text{чнрбч}}$, солдаты,
фольклористы (некоторые интеллигентные профессии) и поэты в интернациональности [Голубчик-Гостов, 1924, с. 1].

В обоих сборниках Голубчик-Гостов презентуется как лидер – лицо, обладающее особыми полномочиями. Отсутствие имени биографического автора создает уникальные отношения между художественным и реальным миром: Голубчик-Гостов, декларируемый как автор, сохраняет все свои права и полномочия внутри художественного мира как существующий в нем лирический герой. Такая поэтическая модель может восприниматься как особый вид ролевой лирики.

В сборнике «Фольклористы» первое стихотворение «Раскаяние Голубчика-Гостова» определяет его особый статус в мире, в основе которого лежит чувство вины за всё происходящее в бытии:

Только коммунисты солнечной вести
Солнечной вестью спать
Синего пространства палачи
Слезы хризолиты множьте вы.
Как о прошлом плачу
От макушки до подошвы
[Голубчик-Гостов, 1922, с. 5].

Типологически подобная лирическая установка родственна лирической модели первого стихотворения книги Маяковского «Я» (1913) «По мостовой...», где также возникает мотив плача, как чувства сострадания и вины за всё, что происходит в мире: «...иду // один рыдать, // что перекрестком // распяты // городовые» [Маяковский, 1955, с. 45].

И масштаб личности лирического я сборника «Фольклористы» усиливается стихотворением «Телефон», в котором именно поэт, заявляет о себе в сопоставлении с Маяковским, превосходя его. Он мудрец, к которому обращается власть в лице Ленина, Троцкого и других:

Я не сплю я
говорю по телефону –
Под впечатленьем буфонад
Проснулся. Проснулся Соломоном.
Т. е. таким Маяковский не был.
Это не значит никогда не будет Маяковский.
Я говорил,
Что проснулся. Раковский, Троцкий, Зиновьев, Ленин
Владимир Ильич – разговаривают
С большим рвением
Со мною спящим.
<...>
Потихоньку говорю по телефону

Под впечатленьем буффонад
Проснулся. Проснулся Соломоном
[Голубчик-Гостов, 1922, с. 6].

Возможно, упоминание буффонад отсылает к актуальному в начале 20-х гг. тексту В. Маяковского «Мистерия-Буфф», вышедшему третьим изданием в 1921 г.

В одном из стихотворений «Волхвы потешествуют» упоминаются «футуристы», возможно, важно созвучие этого слова со словом «фольклористы»:

Красная мантия
Фольклористическое
Коммунистическое
Футуристическое
Интернациональное
Фольклористы и поэты –
я

[Там же, с. 21].

В сборнике «Фольклористы» представлены все темы, традиционные для поэзии начала 20-х гг. XX в.: изображение революционных событий, осмысление философского значения революции, проявление революционности как нового качества новой жизни. Но общая структура сборника такова, что главным персонажем остается сам Голубчик-Гостов, стремящийся утвердиться в создаваемой им поэтической реальности как полноправный персонаж.

На первый сборник стихов в печати появился только один отклик в петроградской «Вечерней красной газете»: автор рецензии, скрывшийся под псевдонимом Мел. Ш., безапелляционно заявил о графоманской сущности книги Голубчика-Гостова. Приводим рецензию из рубрики «Маленький фельетон» полностью:

Шарлатанское «я»

Меня просили всего-на-всего о библиографической заметке. Но я хочу выступить с финансовым проектом.

У нас есть налог на помещения, моторы, выезды, рекламу, зрелища, табак, спички, нетрудовой доход, гильзы, предметы роскоши, китайский чай, парадные подъезды, право торговли, электрическую энергию...

Отчего бы не внести акциза на графоманию? А ведь, отчего бы не обложить по максимальной ставке некоего Голубчика-Гостова, выпустившего книжку стихов «Фольклористы».

– Люблю громкие непонятные слова! – говорил горьковский Сатин: – Организм... Органон...

«Фольклористами» Голубчик-Гостов назвал свою книжку на том же исчерпывающем основании.

Еще больше сюда бы подошло:

– Литолатристы. Эвдемонисты. Тирсологи.

Особенно, два последних слова. Дело в том, что я их выдумал сам. Пока-что смысла в них нет никакого. Можно вложить любой.

Ибо – много ли фольклора в таких, например, строчках:

Синего пространства палачи
Слезы хризолиты множьте вы
Как о прошлом плачу
От верхушки до подошвы.

Или в этих:

Ночь и лягушек
Заглушая
Столбы праздника прямоезжего пляшут
И... слома из пушек!
Страха и крови, с мычаниями
Семь проходило коров
Кровавые столбы.
И в этом вина Грубещов...

Вообще, в оценке Голубчик-Гостов страшно субъективен и полагаться на него нельзя.

Возбуждают, например, сомнение нижеследующие биографические строки:

Л-л-л
Прогуливающееся. Не
Императорское. Не
Шарлатанское
Л.

Не вижу никаких оснований для уверенности Голубчика-Гостова в том, что его «л» не «шарлатанское». Ибо когда читаешь в другом месте:

Раковский,
Троцкий, Зиновьев, Ленин
Владимир Ильич – разговаривают
С большим рвением
Со мной спящим...

невольно хочется воскликнуть:

– Голубчик! Гостов! Ведь это же шарлатанство! Разве у Владимира Ильича есть время разговаривать со всякими фольклористами?!

Должен кончить тем, с чего начал.

У нас есть налог на квартиры, выезды, спички и многое другое.

Введите акциз на графоманию!

Мел. Ш.

[Мел. Ш., 1922, с. 2]

Уже в первом сборнике поставлен еще один большой вопрос поэзии 1920-х гг.: отношение личного и гражданского, частной жизни и революционного бытия. Одним из ярчайших примеров сложности и даже невозможности совместить частное и революционное, современных Гольдёнову, становится поэма Маяковского «Про это» (1923), в которой доказывается и отстаивается право лирического героя на личное переживание:

В этой теме,
и личной
и мелкой,
перепетой не раз
и не пять,
я кружил поэтической белкой
и хочу кружиться опять
[Маяковский, 1957, с. 137].

И формула-декларация, которую находит поэт, предполагает умолчание:

Эта тема день истемнила, в темень
колотись – велела – строчками лбов.
Имя
Этой
теме:
.....!

[Маяковский, 1957, с. 139].

Возможно, похожий способ представления любовной тематики оказывается не менее актуальным и для Гольдёнова в его втором сборнике «Темы», который открывается определением трех основных тем современной поэзии, но две из них, имеющие надличный характер, отменяются и растворяются в главной теме – теме любви. Поэтическая формула, предложенная Маяковским, становится названием второй книги Гольдёнова и определяет ее структуру. Название сборника – «Темы», книгу открывает ряд любовных стихотворений, они становятся содержательным ответом заглавию книги. Стоит учитывать и тот факт, что в 1923 г. выходит книга Б. Пастернака «Темы и варьяции»

Сборник «Темы» издается автором в 1924 г. в Ленинграде. Сборник состоит из 7 разделов, куда вошло 17 стихотворений.

Любовные стихотворения посвящены или обращены к Леониде Матвеевне Кимстач. Вероятнее всего, сильное чувство любви, пережитое поэтом, стало центром и смыслом второго сборника.

По нашему мнению, с Леонидой Кимстач связано как минимум четыре стихотворения сборника – одно из них ей посвящено («Разочарование»), еще три – атрибутируются через биографический контекст жизни Льва Гольдёнова.

Встреча

Да! Любить – так нераздельно.
(Поцелуй твой – торжество!)
Розоватою любовью
Напиваться беспредельно.

И любить – так прикасаться.
(После лет разлучных – встреча!)
Счастьем пьяным – непонятым
И случайным наполняться.

И любить – так с удивленьем.
(Сонной ночи разговоры!)
Слушать, как оно стремится
Узко прорванным сплетеньем.

Да! Любить – так нераздельно.
(Поцелуй твой – торжество!)
Все в душе порвать сплетенья.
Осветиться беспредельно
[Голубчик-Гостов, 1924, с. 5].

Разочарование

(Посв. Леониде Матвеевне Кимстач)

Как будто бы близко
Стоит и клянется
По имени будто
Зовет и зовет.
Как будто бы плачет.
(Мне сердце смеется)
Мне сердце смеется
И шибкое бьет.

Мне громкое сердце
Забыть удастся
И что с укоризной
Пенять и пенять.
Латыш мой за гробом!
(Мне сердце смеется)
Мне сердце смеется
Дарга пьемения!

Не память пеняет
Нас, дорогая!
Не друг мой погибший.
Там ничего.
В поступках земных,
(В трудах и успехах)
В трудах и успехах
Нет цели, любви.

В трудах и успехах
Нет цели, любви
[Голубчик-Гостов, 1924, с. 6].

Лелька

Моя талантливая подруга
Мною открепощена.
Золотистая и темная
Раскрепощенная жена.

Все не правда. Крепостить не мог я
Эту девушку жену мою крестьянку.
Помнишь как я целовал твою перчатку
Как мне жалко было, витебянка* (*река Витьба)

И когда я говорил «крестьяночка»
и когда я говорил «не будь хорошенькой жонки»
как мне хотелось плакать
И что я делал не помню Лелька.

* * *

Я в стране давно оставленной
Раз любил другую Лельку

И я помню белое платье от пыли
На голове у литвонки только.

И я в стране давно мной оставленной
Написал: две Лели!
Отчего же словно я обезглавленный
Так лежу по вечерам не слыша даже боли
[Голубчик-Гостов, 1924, с. 9].

Упомянутая река Витьба становится, например, частью городского бренда в «Новом путеводителе по Витебску»: «Раскинутый по обоим берегам Западной Двины, в том месте, где река делает довольно крутой дугообразный поворот, и принимает в себя приток реку Витьбу, город Витебск весьма живописен. Особо красивая панорама открывается с успенской горки, откуда, благодаря значительной ее возвышенности, город виден как с высоты птичьего полета. Красива набережная Двины, красива овражистая Витьба, живописны глубокие овраги, так что от местоположения Витебска общее впечатление турист получает удовлетворительное» [Терпигорев, 1913, с. 3]. Любопытно, что река Витьба протекает достаточно далеко от района, где, согласно архивным документам, в Витебске проживала Леонида Кимстач, можно предположить, что название реки становится: во-первых, метонимической заменой названия местности; во-вторых, важным элементом фольклорной стилизации.

На основании собственноручно написанного заявления²², поданного в Витебский педагогический институт, по состоянию на 1 октября 1918 г. Леонида Кимстач окончила восемь классов Витебской женской гимназии и выдержала испытание на аттестат зрелости. По состоянию на 1913 г. в Витебске существовало четыре женских гимназии: Женская гимназия Ведомства учреждений Императрицы Марии, Гоголевская улица, казенный дом; Алексеевская женская гимназия, Пушкинская улица, дом Гуревича; Частная гимназия А. А. Варваринной, Вокзальная улица, дом Зардыня; Частная женская гимназия Е. М. Черновой, Смоленская улица, дом Х. Гуревич [Там же, с. 21–22].

Исходя из года окончания женской гимназии, можно предположить, что Леонида родилась в 1902 или 1903 г. В Витебске проживала по адресу: Ново-Монастырская улица, дом 11.

Согласно плану Витебска 1904 г., Ново-Монастырская улица (ныне улица Карла Маркса) находится на юго-западной окраине города, примыкает к Юрьевой горке, части природного парка «Сосонник», «излюбленного места отдыха витеблян» [Там же, с. 12]. Исторически Ново-Монастырская улица была одной из основных дорог к Свято-Троицкому мужскому Маркову монастырю.

Леонида Кимстач числилась студенткой витебского вуза с 1918 по 1921 г. Точное наименование учебного заведения можно проследить по годам, учитывая историю института. Основанное в 1910 г. как Витебский учительский институт, готовивший учителей для средней школы, 1 октября 1918 г. учебное заведение было реформировано в Витебский педагогический институт, который стал первым вузом, действующим в Беларуси после Октябрьского переворота. В начале 1920-х гг. институт несколько раз менял название и реорганизовывался (Витебский учитель-

²² Приведенные факты витебского периода биографии Л. М. Кимстач взяты из ее личного дела, хранящегося в ГАВО. Ф. 204. Оп. 2. Д. 683.

ский институт; Витебский педагогический институт; Витебский институт народного образования; Витебский практический институт народного образования; Витебский индустриально-педагогический институт), а в 1924 г. был объединен с Белорусским государственным университетом.

Согласно зачетному листу студента Витебского педагогического института, за время обучения Леонида Матвеевна Кимстач должна была изучить ряд предметов (в том числе историю и теорию музыки, хоровое пение; учение о праве и государстве в связи с Советской Конституцией; историю искусств; историю педагогики; введение в языковедение, Николаевскую эпоху истории русской литературы; устное творчество; общую историю русской литературы), но определенно изучала, получив отметки о зачетах, лишь два предмета – историю искусств и историю эстетических учений. Преподавателем, принимавшим зачет, был известный археограф, историк, искусствовед и специалист по истории церкви Александр Иванович Успенский (1973–1938).

В 1920 г. Леонида Кимстач пытается восстановиться в качестве студентки словесно-исторического отделения, но уже в 1921 г. подает заявление с просьбой выдать удостоверение в том, что она «состояла студентом ВИНУ и сдала зачеты по истории искусств и истории эстетических учений у проф. А. И. Успенского для предоставления в Петроградский университет»²³.

Заявление о выдаче документов в витебском вузе Леонида подает уже, видимо, имея договоренности о приеме в Академическую Драматическую школу-студию имени Народного Артиста В. Н. Давыдова (Петроград) (документы в Петроградскую школу датированы 14 апреля 1921 г., а в Витебском институте – 6 мая 1921 г.).

Важно отметить, что в названном заявлении (т. е. по состоянию на май 1921 г.) Леонида Кимстач указывает: «Я окончила Витебскую Драматическую школу, а сейчас состою артисткой Витебского Губернского показательного театра». Документальные свидетельства, подтверждающие версию об окончании Леонидой Кимстач «Витебской Драматической школы» и работе ее в труппе Витебского Губернского показательного театра, на сегодняшний день не обнаружены. Вероятной может считаться версия, что документы, подтверждающие карьерную траекторию Л. М. Кимстач, были утрачены в годы оккупации Белоруссии во время Второй мировой войны, при этом нельзя исключать, что Леонида Кимстач намеренно дает о себе неточные сведения, учитывая, что в стране, оправлявшейся от последствий Октябрьского переворота и последовавшей за ним Гражданской войны, бюрократия была несовершенной. В случае с Драматической школой им. Давыдова вероятность избежать разоблачения подлога могла быть высока.

Это был пример нового типа учебного заведения, имеющего символический капитал, основанный на истории и авторитете. На официальном сайте Факультета театрального искусства «Школа русской драмы им. И. О. Горбачева» СПбГУСЭ, определяющего себя правопреемником Школы русской драмы им. Давыдова, читаем следующее:

...в 1779 году и была создана первая в России Театральная школа, где будущие русские актеры среди прочих предметов изучали специальные: искусство деклама-

²³ Петроградский период биографии Л. М. Кимстач реконструируется по материалам фондов ЦГАЛИ СПб. Фонд Р-259. Опись 2. Дело 399.

ции, танец, сценическое движение, вокал. Вскоре ее стали именовать Школа русской драмы. В 1783 году Школа получила статус Императорского театрального училища, которое, в свое время, окончили великие русские актеры: Е. А. Семенова, В. А. Каратыгин, А. Е. Мартынов, список можно продолжать и продолжать.

После Октябрьской революции 1917 года преподаватели училища сами стали организовывать различные театральные коллективы. <...> группа преподавателей училища и актеров Александринского театра решила возродить при театре Школу русской драмы. Ее возглавили В. Н. Давыдов, В. А. Мичурина-Самойлова и Ю. М. Юрьев. Последний, говоря о задачах созданной школы, подчеркивал, что предназначение русского театра заключается в том, «чтобы давать обществу такие устои, на основе которых могли бы вырасти лучшие его устремления».

Новаторством школы являлось то, что учащиеся не только теоретически постигали искусство актера, но и с первого курса участвовали в спектаклях Александринского театра. Студенты впитывали стиль игры, присущий именно этому театру, а он требовал виртуозного актерского мастерства, тщательно разработанного во всех регистрах голоса, выразительной пластики, умения свободно чувствовать себя в историческом костюме. Школа эта просуществовала до 1932 года²⁴

На наш взгляд, важным можно считать тот факт, что документы, свидетельствующие о попытках Леониды Кимстач поступить в Школу русской драмы, в ЦГАЛИ СПб значатся в фондах, относящихся к другому учебному заведению, имеющему на сегодняшний день официальное наименование «Академия балета имени А. Я. Вагановой»²⁵. Это позволяет предположить, что в дальнейшем Л. Кимстач была связана с миром балета.

Последним стихотворением, обращенным к Леониде, мы считаем стихотворение «Свадьба “фольклористов”»:

Мы называем себя «фольклористами».
Потому что выйду за Калин.
Циком же ее не родят всю!
В пределах Галиции Берлин

Если это не по закону: мы поставили кавычку на «то».
И многими необнародованными словами
Сказали нуждается что.

«Собаками», «Муками», «Стуками»
Чем угодно на то поэт!
Люди учатся танцам –
Наши ученики танцуют балет.

Другие танцуют от радости
Все это может быть.
А «фольклористам» – любви и не розовой,
Отдельно надо просить
[Голубчик-Гостов, 1924, с. 13].

²⁴ Официальная страница Факультета театрального искусства «Школа русской драмы им. И. О. Горбачева». URL: <http://spbsseu.ru/> (дата обращения 24.11.2021).

²⁵ Официальный сайт Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой. URL: <https://vaganovaacademy.ru/sveden/employees/> (дата обращения 24.11.2021).

Здесь интересно возникает «балетная тема» (см. архивные данные об обучении Леониды). Есть предположение, основанное на изучении сайтов, работающих по принципу создания семейных деревьев, что Леонида Матвеевна Кимстач вышла замуж за Михаила Михайловича Молодяшина, брата (возможно?) артиста балета Леонида Михайловича Молодяшина, и умерла в 1977 г., не оставив (как следует из поисковых ресурсов) прямого потомства.

После 1924 г. следов какой-либо творческой деятельности Льва Михайловича Гольдёнова обнаружить не удалось.

Список литературы

- БРП – Библиотека русской поэзии И. Н. Розанова. М.: Книга, 1975. 480 с.
- Голубчик-Гостов. Темы. Вторая книга стихов. Изд. авт. Л., 1924. 34 с.
- Голубчик-Гостов. Фольклористы. Книга стихов. Пг.: Тип. единого потреб. об-ва, 1922. 31 с.
- Зельченко В. В.* Стихотворение Владислава Ходасевича «Обезьяна»: Комментарий. М.: Новое издательство, 2019. 146 с.
- Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Том 1. Часть 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 704 с.
- Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 1. 1912–1917; 1957. Т. 4: 1922 – февраль 1923.
- Мел. Ш.* Маленький фельетон. Шарлатанское «я» // Вечерняя красная газета (Петроград). 1922. № 69. Суббота, 16 дек.
- Русские поэты XX века в библиотеке Н. К. Гудзия: Издания 1890–1965 гг. Каталог / Сост. Е. С. Кашутина. М.: Лит. обозрение, 1996. 159 с. (Из собрания научной библиотеки МГУ)
- Тарасенков А. К., Турчинский Л. М.* Русские поэты XX века: 1900–1955: Материалы к библиографии. М.: Языки славянской культуры, 2004. 896 с.
- Терпигоров Д. Я.* Новый путеводитель по Витебску. Витебск, 1913.
- Тименчик Р. Д.* Пролог каталогу // Тарасенков А. К., Турчинский Л. М. Русские поэты XX века: 1900–1955: Материалы к библиографии. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 12–17.
- Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1937. Т. 9: Война и мир. Том первый.

Список источников

- Айзенберг Б. Л. Персональная страница на сайте «Партизаны Беларуси». URL: <https://partizany.by/partisans/86643/> (дата обращения 24.11.2021).
- Аннотация к документам по Высшим научно-педагогическим курсам Комиссариата Народного просвещения РСФСР. Петроград, 1918–1923 // Путеводитель по фондам ЦГА СПб. URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cga/guide/159> (дата обращения 24.11.2021).
- Официальная страница Факультета театрального искусства «Школа русской драмы им. И. О. Горбачева». URL: <http://spbsseu.ru/> (дата обращения 24.11.2021).

Официальный сайт Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой. URL: <https://vaganovaacademy.ru/sveden/employees/> (дата обращения 24.11.2021).

Памятная книжка и Адрес-календарь Полтавской губернии на 1892 год. Составлен Д. А. Иваненко, секретарем Полтавского Губернского Статистического Комитета. Полтава: Тип. Л. Фришберга, Александровская, собств. дом, 1892. URL: <http://histpol.pl.ua/ru/biblioteka/tematicheskie-podborki/spravochnye-knizhki-i-adres-kalendari-poltavskoj-gubernii?id=12576> (дата обращения 24.11.2021).

Памятная книжка Полтавской губернии на 1914 год. Издание Полтавского губернского статистического комитета. Полтава, Электрическая Типо-литография Губернского Правления, 1914. URL: <http://histpol.pl.ua/ru/biblioteka/tematicheskie-podborki/spravochnye-knizhki-i-adres-kalendari-poltavskoj-gubernii?id=12584> (дата обращения 24.11.2021).

Сведения о 10-м армейском корпусе Русской Императорской армии во время Первой мировой войны. URL: <https://www.ria1914.info/index.php/> (дата обращения 24.11.2021).

Эвакуированные из блокадного Ленинграда, список 4, литера «Б». URL: <https://pomnirod.ru/materialy-k-statyam/vojna/2-mirovaya/> (дата обращения 24.11.2021).

Список архивов

ГАВО – Государственный архив Витебской области. Ф. 204. Оп. 2. Д. 683.

ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-2990. Оп. 1. Д. 237. Личная карточка Л. М. Гольдёнова, студента Высших научно-педагогических курсов Комиссариата Народного просвещения РСФСР. Петроград, 1918–1923. URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cga/R-2990/1/237> (дата обращения 24.11.2021).

References

Biblioteka russkoj poezii I. N. Rozanova. Moscow, Kniga, 1975, 480 p. (in Russ.)
Golubchik-Gostov. Fol'kloristy. Kniga stikhov. Petrograd, Tip. edinogo potrebovaniya, 1922, 31 p. (in Russ.)

Golubchik-Gostov. Temy. Vtoraya kniga stikhov. Izd. avt. Leningrad, 1924, 34 p. (in Russ.)

Literaturnaya zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiya. Otsyvy sovremennikov. Bibliografiya. Tom 1. Chast' 2. Moskva i Petrograd. 1921–1922 gg. Moscow, IWL RAS Publ., 2005, 704 p. (in Russ.)

Mayakovsky V. V. Polnoe sobranie sochinenij. In 13 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1955, vol. 1: 1912–1917; 1957, vol. 4: 1922 – February 1923. (in Russ.)

Mel. Sh. Malen'kij fel'eton. Sharlatanskoe “ya”. *Vechernyaya krasnaya gazeta* (Petrograd), 1922, no. 69, Saturday, December 16. (in Russ.)

Russkie poety XX veka v biblioteke N. K. Gudziya: Izdaniya 1890–1965 gg. Katalog. Comp. by E. S. Kashutina. Moscow, Literaturnoe obozrenie Publ., 1996, 159 p. (Iz sobraniya nauchnoj biblioteki MGU). (in Russ.)

Tarasenkov A. K., Turchinsky L. M. Russkie poety XX veka: 1900–1955: Materialy k bibliografii. Moscow Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, 896 p. (in Russ.)

Terpigorev D. Ya. Novyj putevoditel' po Vitebsku. Vitebsk, 1913. (in Russ.)

Timenchik R. D. Prolog katalogu. In: Tarasenkov A. K., Turchinsky L. M. Russkie poety XX veka: 1900–1955: Materialy k bibliografii. Moscow Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, pp. 12–17. (in Russ.)

Tolstoy L. N. Polnoe sobranie sochinenij. In 90 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1937, vol. 9: Voyna i mir. Tom pervy. (in Russ.)

Zelchenko V. V. Stihotvorenie Vladislava Hodasevicha "Obez'yana": Kommentarij. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2019, 146 p. (in Russ.)

List of Sources

Ajzenberg B. L. Personal'naya stranica na sajte "Partizany Belarusi". URL: <https://partizany.by/partisans/86643/> (accessed 24.11.2021).

Annotatsiya k dokumentam po Vysshim nauchno-pedagogicheskim kursam Komissariata Narodnogo prosveshcheniya RSFSR. Petrograd, 1918–1923. In: Putevoditel' po fondam CGA SPb. URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cga/guide/159> (accessed 24.11.2021).

Evakuirovannye iz blokadnogo Leningrada, spisok 4, litera "B". URL: <https://pomnirod.ru/materialy-k-statyam/vojna/2-mirovaya/> (accessed 24.11.2021).

Ofitsial'naya stranitsa Fakul'teta teatral'nogo iskusstva "Shkola russkoj dramy im. I. O. Gorbacheva". URL: <http://spbseu.ru/> (accessed 24.11.2021).

Ofitsial'nyj sayt Akademii Russkogo baleta imeni A. Ya. Vaganovoy. URL: <https://vaganovaacademy.ru/sveden/employees/> (accessed 24.11.2021).

Pamyatnaya knizhka i Adres-kalendar' Poltavskoj gubernii na 1892 god. Sostavlenn D. A. Ivanenko, sekretarem Poltavskogo Gubernskogo Statisticheskogo Komiteta. Poltava, Tipografiya L. Frishberga, Aleksandrovskaya, sobstv. dom, 1892. URL: <http://histpol.pl.ua/ru/biblioteka/tematicheskie-podborki/spravochnye-knizhki-i-adres-kalendar-poltavskoj-gubernii?id=12576> (accessed 24.11.2021).

Pamyatnaya knizhka Poltavskoj gubernii na 1914 god. Izdanie Poltavskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta. Poltava, Elektricheskaya Tipo-litografiya Gubernskogo Pravleniya, 1914. URL: <http://histpol.pl.ua/ru/biblioteka/tematicheskie-podborki/spravochnye-knizhki-i-adres-kalendar-poltavskoj-gubernii?id=12584> (accessed 24.11.2021).

Svedeniya o 10-m armejskom korpuse Russkoj Imperatorskoj armii vo vremya Pervoj mirovoj vojny. URL: <https://www.ria1914.info/index.php/> (accessed 24.11.2021).

List of Archives

Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg.

Central State Archive of St. Petersburg. Fond R 2990, opis' 1, delo 237. Lichnaya kartochka L. M. Goldyonova, studenta Vysshih nauchno-pedagogicheskikh kursov Komissariata Narodnogo prosveshcheniya RSFSR. Petrograd, 1918–1923. URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cga/R-2990/1/237> (accessed 24.11.2021).

The State Archive of the Vitebsk region. Fond 204, opis' 2, delo 683.

М. А. Хорошева
Ташкент, Узбекистан

**Лев Михайлович Гольдинов (Гольдёнов) –
поэт Голубчик-Гостов**

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверзтую вдали!

Марина Цветаева
1913

История семьи Льва Михайловича, Лельки, как, любя, называли его мать с отцом, младший брат Исаак и две младшие сестры – Софья и самая младшая Ревекка, похожа, наверное, на истории сотен тысяч семей того времени.

Когда я задумываюсь о том, почему среди чудом сохранившихся личных архивов нашей семьи нет ни одного стихотворения или книги Льва Михайловича, то прихожу к одной мысли: наверное, поэтов в те тяжелые годы мало кто мог принимать всерьез, и это не только соотечественники и даже семья, но и сами поэты не имели права чересчур серьезно к себе относиться – не до стихов было, народ не вылезал из постоянных горестей переменчивого времени: 1-я Мировая война, разруха, бедность, голод, революция, работа – работа – работа, Великая Отечественная война, Блокада Ленинграда... Удивительно, что у кого-то хватало сил еще и на творчество... К таким удивительным творческим личностям относился и наш Лев Михайлович – для моей мамы он был дядя Лева, и хотя она была маленькой, но помнит его достаточно неплохо (моей маме – Наталье Валентиновне Гольдиновой – сейчас 90 лет, в ноябре будет 91).

Родом семья Гольдиновых из Украины – родились и жили в городе Константинограде Полтавской области, позже Константиноград был переименован в Красноград.

Их у матери (Мария Марковна Гофунг-Гольдинова, в девичестве Финкельберг) и отца (Михаил Яковлевич Гольдинов, умерший рано из-за инфекции) было четверо: старший – Лев (1892 г.), Исаак (27 января 1895 г.), Софья (24 марта 1899 г.), Ревекка (5 мая 1903 г.).

Когда Лев Михайлович получил паспорт, в его фамилии по ошибке букву «и» изменили на букву «е», и он стал Гольдёнов. Мама вспоминает, что дядя Лева почему-то упорно называл себя «я – Гольдёнов», намеренно делая ударение на букву «ё».

Далее получатся довольно обрывочные воспоминания о жизни Льва Михайловича и остальных членов семьи.

Оба брата – Лев и Исаак – были участниками 1-й Мировой войны. Судя по тому, что в Гражданскую войну Исаак служил в Кавалерии, мы предполагаем, что и в 1-ю Мировую он скорее всего служил в Кавалерии, сейчас уточнить уже не у кого.

Мария Марковна Гофунг-Гольдинова, мать Л. М. Гольдѣнова
Maria Markovna Gofung-Goldinova, L. M. Goldyonov's mother

Лев Михайлович Гольдинов
(в паспорте изменили одну букву с «и» на «е»,
и Лев стал Гольденев)
Lev Mikhailovich Goldyonov
(in the passport, one letter was changed from “i” to “e”,
and Lev Goldinov became Lev Goldyonov)

Исаак Михайлович Гольдинов, брат Л. М. Гольдёнова
Isaak Mikhailovich Goldinov, L. M. Goldyonov's brother

Софья Михайловна Гольдинова, сестра Л. М. Гольдёнова
Sofia Mikhailovna Goldinova, L. M. Goldyonov's sister

Ревекка Михайловна Гольдинова, сестра Л. М. Гольдёнова
Revekka Mihajlovna Goldinova, L. M. Goldyonov's sister

Исаак Михайлович Гольдинов,
фото И. М. Гольдинова в форме солдата Первой Мировой войны
Isaak Mikhailovich Goldinov,
I. M. Goldinov's photo in a soldier's uniform from the First World War

Надпись на обороте: «На память дорогой мамочке перед отправкой на позицию.

И. Гольдинов. 24 августа 1915 г.»

Inscription on the back: “As a keepsake for my dear mommy before being sent to the position.

I. Goldinov. August 24, 1915”

Нет информации о том, в каких войсках служил Лев, но мы думаем, что скорее всего он служил в пехоте, потому что – по рассказам сестер – однажды он сидел в окопах, когда его часть попала под химическую атаку – их травили хлором, хлор очень тяжелый газ, и он моментально заполнил самые низкие части рельефа – окопы, где сидели солдаты... После этого случая – по рассказам сестер – у Льва начались проблемы с психикой (многие его товарищи сошли с ума).

Также доподлинно известно, что Лев был в плену – то ли в немецком, то ли в австрийском.

Всё это сильно подорвало его здоровье.

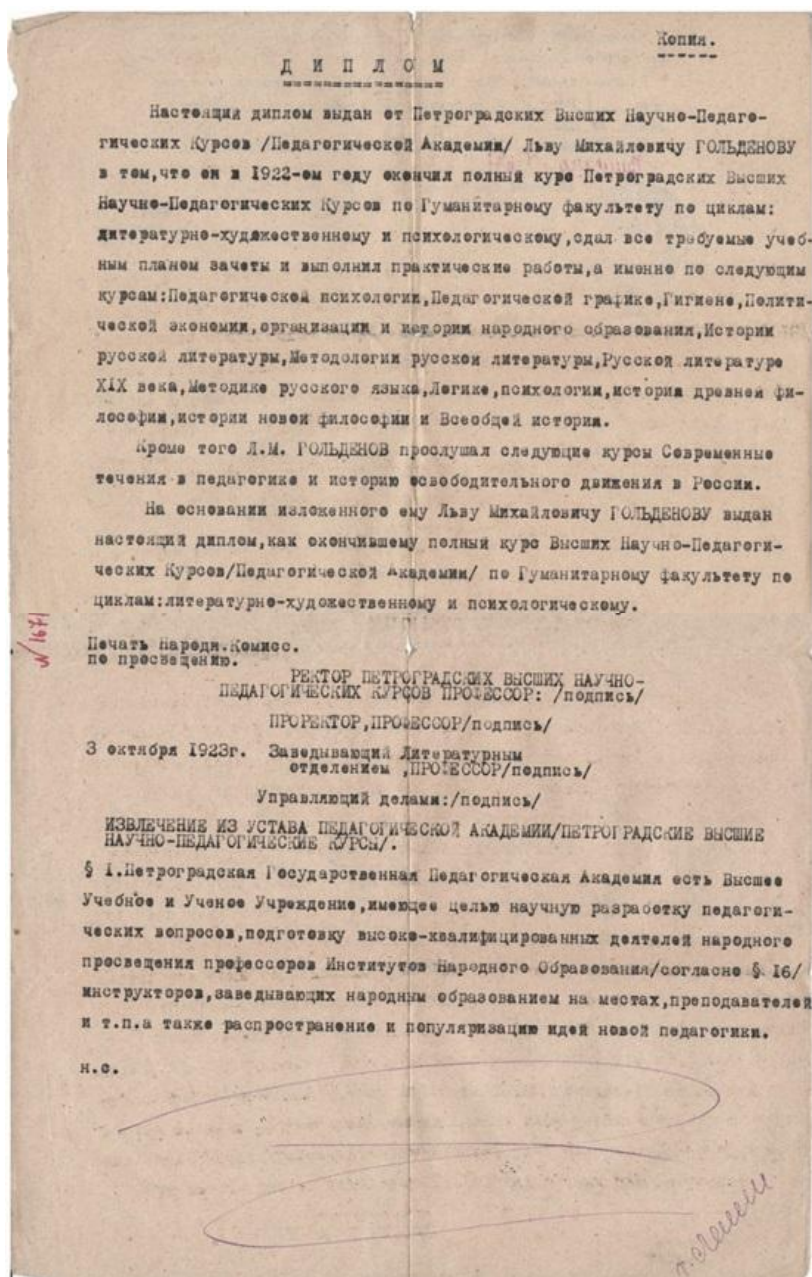
Позднее все уехали в Петроград поступать в высшие учебные заведения. (Также, по предположениям моей мамы, семья бежала от погромов еврейского населения, которые были в те годы на Украине).

Двое из детей – Лев (Петроградские Высшие Научно-Педагогические Курсы Педагогической Академии) и Софья (Литературный Институт в Петрограде) – получили хорошее литературное образование, а Исаак и Ревекка (в семье ее называли Рива) получили экономическое образование в Петроградском Университете. Далее все дети работали по своим специальностям.

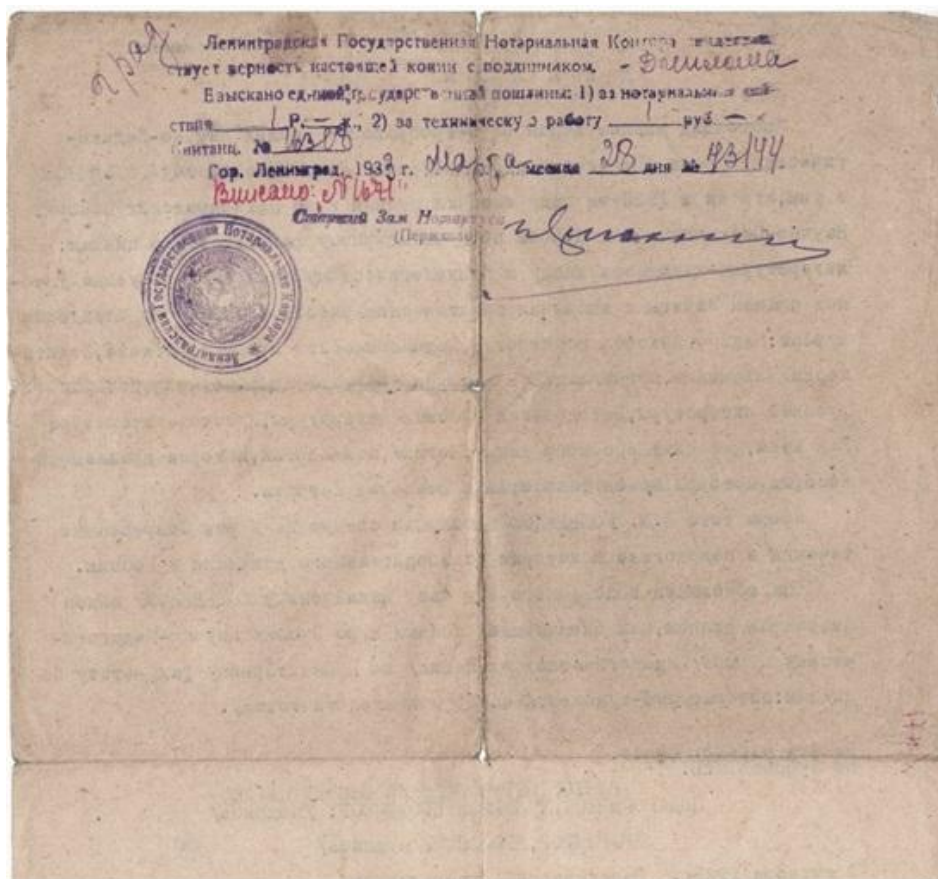
Вот документы из нашего семейного архива, которые подтверждают углубленное литературное образование Льва Михайловича.

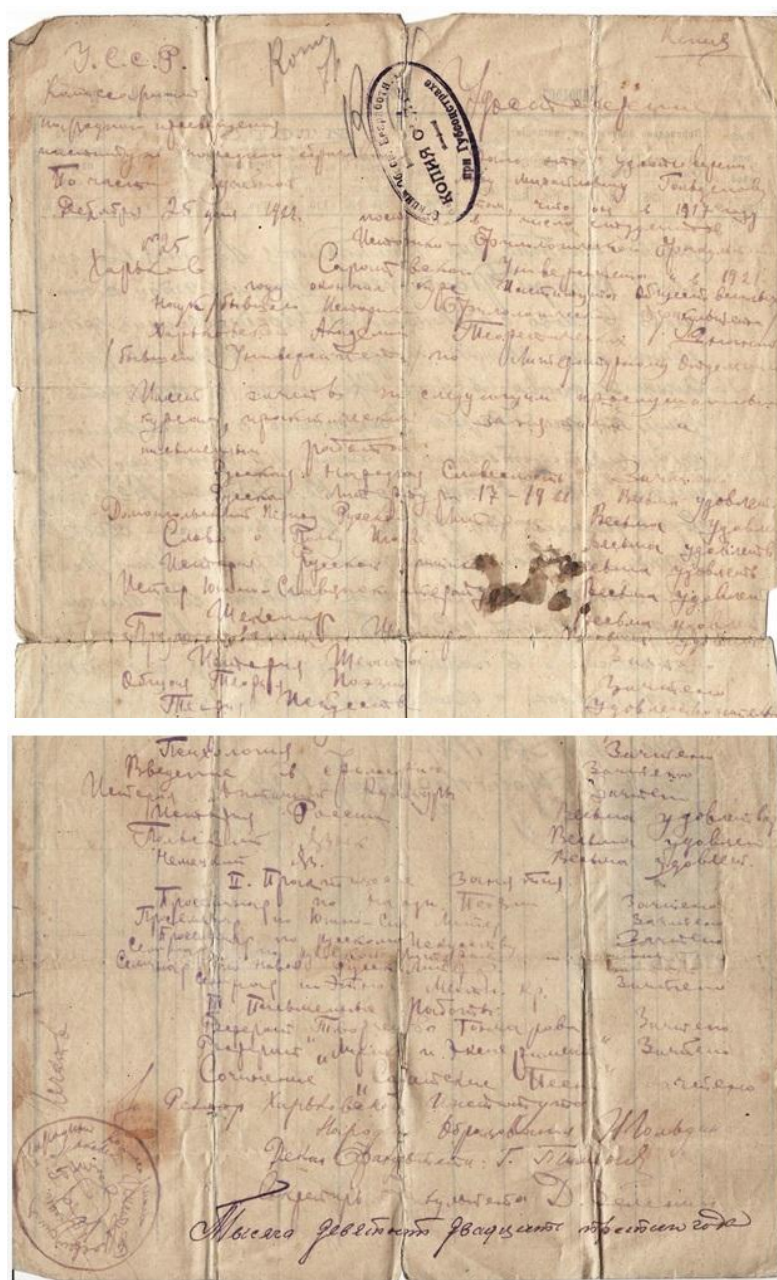
Лев Михайлович Гольдёнов, год не известен.
Заметно, что здоровье сильно подорвано...
Lev Mikhailovich Goldyonov, unknown year.
It is noticeable that health is severely undermined...

Копия диплома об окончании Л. М. Гольдоновым
Петроградских Высших научно-педагогических курсов (Педагогической Академии)
A copy of the diploma of L. M. Goldonov's graduation
from the Petrograd Higher Scientific and Pedagogical Courses (Pedagogical Academy)

Отметка о нотариальном заверении копии диплома об окончании Л. М. Гольдёновым
 Петроградских Высших научно-педагогических курсов (Педагогической Академии)
 A note on the notarization of a copy of the diploma of graduation by L. M. Goldyonov's
 of the Petrograd Higher Scientific and Pedagogical Courses (Pedagogical Academy)

Копия диплома об окончании филологического факультета
Харьковского Института народного образования
(ныне Харьковский Государственный университет им. В. Н. Каразина)
A copy of the diploma of graduation from the philological faculty
of the Kharkiv Institute of Public Education (now the V. N. Karazin Kharkiv State University)

[illegible]

Отметка о нотариальном заверении копии диплома об окончании
филологического факультета Харьковского Института народного образования
(ныне Харьковский Государственный университет им. В. Н. Каразина)

A note on notarization of a copy of the diploma of graduation from the philological faculty of the Kharkiv Institute of Public Education (now the V. N. Karazin Kharkiv State University)

Несколько Профсоюзных билетов могут рассказать о некоторых местах работы Льва Михайловича в разные годы до начала Великой Отечественной Войны (в Краснограде и Петрограде / Ленинграде).

Членский билет Союза работников просвещения СССР
на имя Льва Михайловича Гольдѣнова
Membership card of the Union of Education Workers of the USSR
addressed to Lev Mikhailovich Goldyonov

Членский билет профессионального союза рабочих промышленности
строительных материалов СССР на имя Льва Михайловича Гольдёнова
Membership card of the f the trade union of workers of the building materials
industry of the USSR addressed to Lev Mikhailovich Goldyonov

Сюжеты и судьбы

Членский билет дорожного профессионального союза Октябрьской железной дороги
на имя Льва Михайловича Гольдёнова
Membership card of the road trade union of the October Railway
addressed to Lev Mikhailovich Goldyonov

Членский билет профессионального Союза рабочих Электропромышленности
и электростанций на имя Льва Михайловича Гольдѣнова
Membership card of the professional Union of workers of the Electrical Industry
and Power Plants addressed to Lev Mikhailovich Goldyonov

Вот еще – «корочки», которые говорят об обычной жизни советского человека тех лет:

Удостоверение на имя Гольдёнова Льва Михайловича к страховому свидетельству (договору) № 68, выданному фабрикой «Скороход» на срок с 1 мая 1934 по 1 мая 1935 года
Certificate addressed to Lev Mikhailovich Goldyonov to the insurance certificate (agreement) no. 68, issued by the Skorokhod factory for a period from May 1, 1934 to May 1, 1935

Удостоверение на имя Гольдёнова Льва Михайловича к страховому свидетельству (договору) № 68, выданному фабрикой «Скороход» на срок с 1 мая 1934 по 1 мая 1935 года
(разворот с отметкой о выплате членских взносов)
Certificate addressed to Lev Mikhailovich Goldyonov to the insurance certificate (agreement) no. 68 issued by the Skorokhod factory for a period from May 1, 1934 to May 1, 1935
(spread with a mark on the payment of membership fees)

Что касается творческой деятельности Льва Михайловича, то нам известно только то, что он несколько раз публиковался в поэтических сборниках, выпустил 2 собственные сборника стихотворений в 1922 г. и в 1924 г. (его племянник, сын Исаака Михайловича, Владимир Исаакович спустя десятилетия сумел найти одну из этих небольших книжек в архиве, но забрать ее оттуда, разумеется, было невозможно) – об этих сборничках есть информация в интернете: их выставляют на аукцион, где их можно приобрести за довольно большие суммы денег. Лев Михайлович публиковался под псевдонимом «Голубчик-Гостов» – как мне подсказала моя хорошая знакомая Анна Большухина, супруга филолога Леонида Большухина (Нижний Новгород), и я уверена, что она попала в точку в своей быстрой догадке – Лев взял этот псевдоним из романа «Война и Мир», цитирую полностью догадку Анны: «Это из “Войны и Мира”. Там Васька Денисов, картавя и заикаясь, обращается к Николаю Ростову: Г-голубчик, Г-гостов!»

В книге «Русские поэты XX века 1900–1955, Материалы для библиографии», авторы А. К. Тарасенков, А. М. Турчинский, есть имя – точнее, творческий псевдоним – нашего Льва Михайловича: Голубчик-Гостов. «Фолклористы»: Кн. стихов. – Пг.: Тип. Петрогр. Единог. потреб. об-ва, 1922. – 31 с. – 1000 экз.

Лев Михайлович Гольдёнв, поэт Голубчик-Гостов
Lev Mikhailovich Goldyonov, poet Golubchik-Gostov

А вот интересное воспоминание младшей сестры Ревекки Михайловны (которая прожила с нами в Ташкенте всю жизнь до самой своей смерти и стала для меня родной бабушкой, потому что Софья Михайловна, моя родная бабушка по крови, к сожалению, скончалась от рака желудка в 1968 г., когда мне был всего годик, и я ее совершенно не помню): «Лелька участвовал в различных литератур-

ных конкурсах», в одном из которых совершенно точно занял первое место – задание было очень интересным: известное стихотворение Михаила Юрьевича Лермонтова “Умиравший гладиатор” (ну, все помнят:

Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена...
А он – пронзенный в грудь – безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...
М. Ю. Лермонтов, Тарханы, 2 февраля 1836 г.) –

без искажения смысла нужно было переделать так, чтобы все слова, кроме союзов и предлогов, начинались на букву “Р”, и Лелька победил в этом литературно-поэтическом конкурсе!

Я потом пробовала это сделать – вполне реально для хорошего, эрудированного, умного и образованного человека, особенно не совсем «нормального» в хорошем смысле слова.

Ну а потом, спустя более или менее спокойный отрезок жизни, началась Великая Отечественная война.

В это время Лев Михайлович жил в Ленинграде в доме на Канале Грибоедова, – в архиве я нашла справку, которую ему дали для предоставления по месту работы:

Справка о месте жительства Л. М. Гольденова по состоянию на 29.10.1941
Certificate of L. M. Goldyonov's residence as of 10.29.1941

Его сестры – Софья и Ревекка – и их мама Мария Марковна в это время уже тоже давно жили в Ленинграде по адресу ул. Гагаринская, дом 3, кв. 59 – к своему огромному удивлению я обнаружила, что этот дом – знаменитый Малый Мра-

Сюжеты и судьбы

морный Дворец (ничего себе, а там просто жили обычные люди, квартиры были разделены на коммуналки, в доме были печки – камины).

У Софьи в 1930 году там же родилась дочь Наталья (моя мама), которая помнит, что они ходили в гости к «дяде Леве» на Канал Грибоедова где-то рядом с Банковским мостиком, который с грифонами о золотых крыльях.

К 1940 году здоровье Льва Михайловича, видимо, совсем было плохим, и он был освобожден от воинской обязанности и снят с воинского учета:

Свидетельство об освобождении от воинской обязанности (обложка)
Certificate of exemption from military service (cover)

Свидетельство об освобождении от воинской обязанности (внутренний разворот)
Certificate of exemption from military service (internal spread)

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2

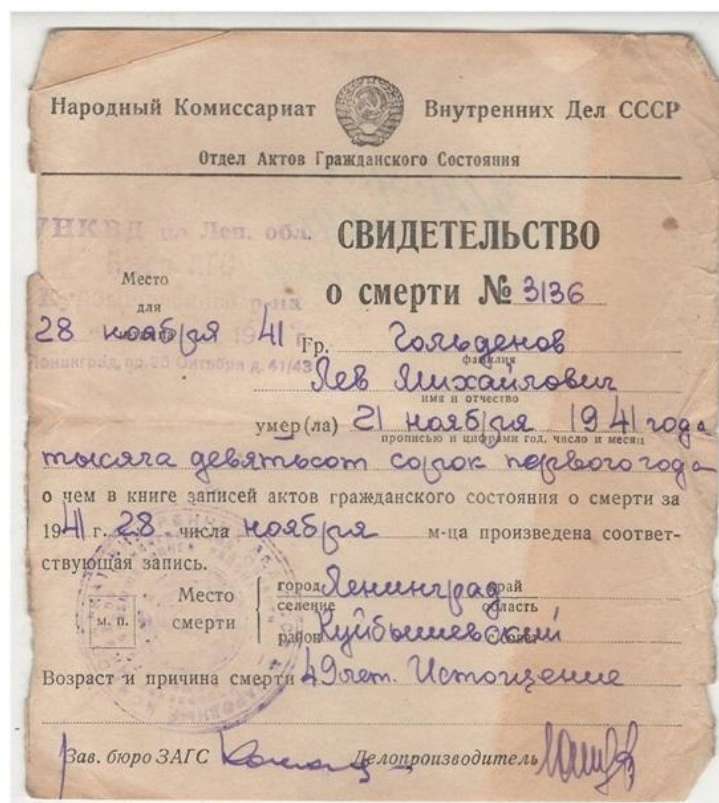
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2

Когда 8 сентября 1941 года замкнулось кольцо Блокады Ленинграда, и в городе все стало совсем плохо, Лев Михайлович протянул совсем недолго – плохое здоровье не позволило ему продержаться даже до зимы – самой тяжелой Блокадной зимы 1941–1942 года... Моя мама вспоминает, что ее мама Софья и тетя Ревекка говорили о том, что Лелька потерял продуктовые карточки... Что это означало в Блокаду – всем очевидно. Думаю, он их не потерял (карточки берегли как зеницу ока), а скорее всего у него их украли или вырвали из рук в очереди за хлебом... Возможно, это и стало роковым моментом в жизни Льва Михайловича...

Сестрам Софье и Ревекке, видимо, позвонили соседи Левы и сообщили о том, что он умер. Он умер один в своей квартире – от крайнего истощения и холода...

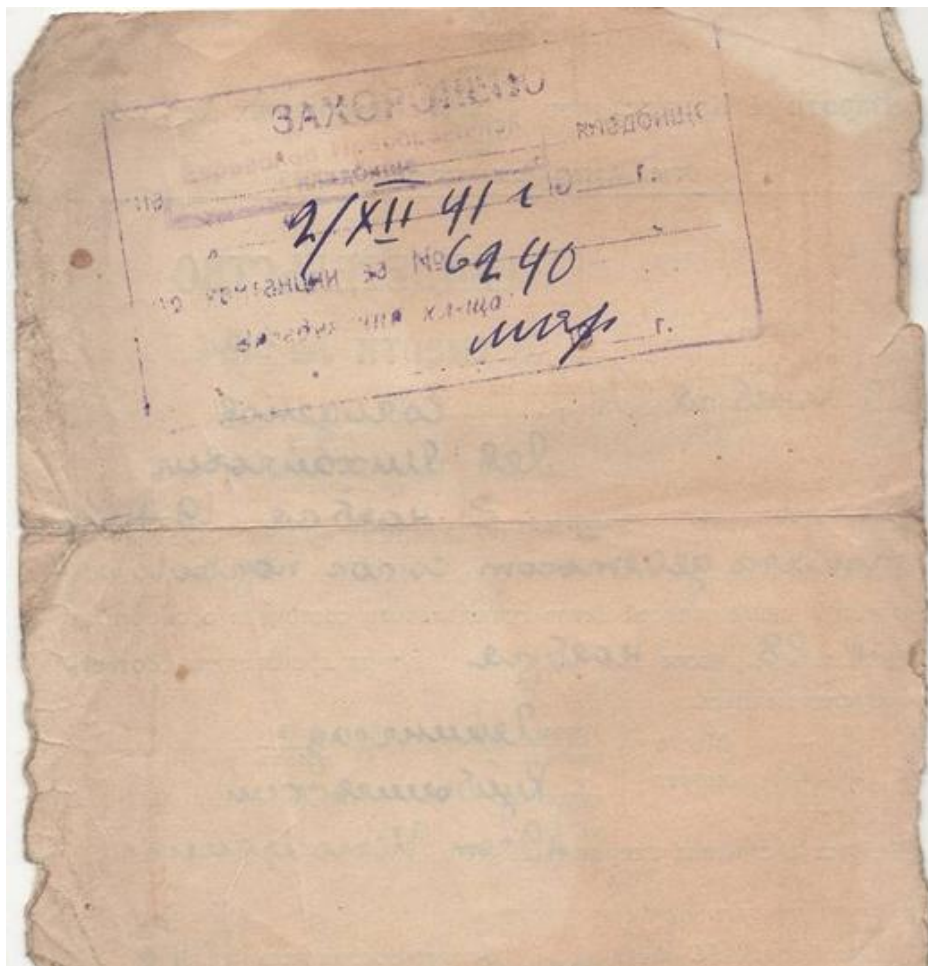
Сестры поехали и забрали его тело. Спустя какое-то время им удалось – мама предполагает, что за какую-то мзду – договориться на Еврейском Преображенском кладбище Ленинграда о том, чтобы Льва похоронили не в общих могилах, что в то время практиковалось повсеместно по объективным причинам, а в отдельной могиле, что и было сделано...

Это страшно: дата смерти – 21 ноября 1941 г., возраст – 49 лет, причина смерти – истощение.

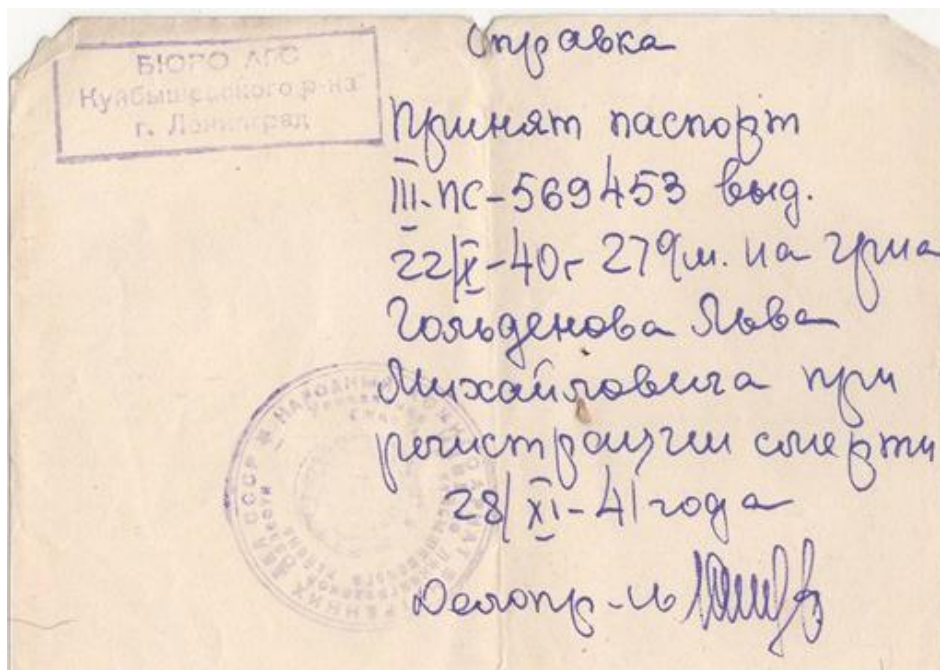

Свидетельство о смерти Л. М. Гольденова
L. M. Goldyonov's death certificate

На обратной стороне Свидетельства о смерти стоит штамп Еврейского Преображенского кладбища г. Ленинграда о том, что Лев Михайлович был захоронен там 2 декабря 1941 года – то есть, он пролежал вот так не захороненным (по словам моей мамы – скорее всего, в своей квартире, т. к. были уже довольно сильные морозы) еще 12 дней... Сестры, видимо, постарались сделать все возможное, чтобы достойно похоронить своего старшего брата...

Штамп Преображенского еврейского кладбища (Ленинград) о захоронении
на обратной стороне свидетельства о смерти
The stamp of the Preobrazhensky Jewish cemetery (Leningrad) about the burial
on the back of the death certificate

Справка из Паспортного стола о сдаче паспорта Льва Михайловича по регистрации смерти
Certificate from the Passport Office on the surrender L. M. Goldyonov's passport
on registration of death

Невольно ловлю себя на мысли, какой был невероятный порядок при оформлении и выдаче любых документов и справок в тяжелейших условиях голода и холода...

Немного о поисках могилы Льва Михайловича. По рассказам моей мамы, спустя много лет после войны сестры Софья и Ревекка пытались найти могилу Левы, но безуспешно.

У знаменитого Еврейского Преображенского кладбища удивительная история: оно существует с 1875 года как отдельный иновещерский участок Преображенского кладбища (ныне – Памяти жертв 9-го января). Адрес кладбища: проспект Александровской Фермы, 66. Невский район нынешнего Санкт-Петербурга.

У кладбища есть сайт: со своей поисковой системой²⁶. Сайт был основан одним человеком, который хотел помочь еврейским семьям в поисках могил своих родственников. На данный момент на сайте определено уже более 100 тыс. фамилий захороненных там за многие десятилетия. Но ни в списках, ни в поисковой системе нет имени Льва Михайловича Гольденкова. Мы предполагаем, что причина этого простая: после того, как Лев Михайлович был там похоронен, в эту же могилу – в блокаду ли, спустя много лет ли, – был похоронен кто-то еще, и имя этого человека есть в существующих списках. Думаю, что если у администрации

²⁶ <https://jekl.ru/web>

кладбища сохранились архивные журналы с 1940 года, то, возможно, где-то в них указан номер участка, где был похоронен Лев Михайлович, и можно попробовать поискать по номеру квитанции – то ли № 6240, то ли № 6940. Но я нахожусь слишком далеко от Санкт-Петербурга – в Ташкенте...

Что касается брата Левы – Исаака Михайловича – он прожил очень длинную и прекрасную жизнь, он был коммунистом, как и самая младшая сестра Ревекка (1907 г. р.). Правда, не обошлось без обычных в 30-е годы арестов по ложному обвинению, и он успел побывать врагом народа, но, будучи прекрасным экономистом, в лагерях не валил лес, а работал по специальности – профессионалов своего дела сажали на работу, требующую их опыта и знаний. Это спасло Исаака Михайловича. Он женился на одной из красивейших женщин – Симе Соломоновне Абрамсон, она тоже была экономистом по образованию, вместе они были красивой парой. После отсидки в лагерях Исаак Михайлович был на поселении в Тайшете, где провел всю войну, его жена поехала за ним, и работала там.

Исаак Михайлович рассказывал, что, когда началась война, все «политические», включая его самого, постоянно писали рапорты с просьбами отправить их на фронт, – потом они были готовы вернуться на поселение, чтобы отсидеть свои сроки по приговору. Однако просьбы не были удовлетворены...

Исаак Михайлович Гольдинов с товарищем по компартии
Isaak Mikhailovich Goldyonov with a comrade in the Communist Party

Сима Соломоновна, жена Исаака Михайловича Гольдинова
Sima Solomonovna, I. M. Goldinov's wife

Умер Исаак Михайлович в возрасте 95 лет 21 июня 1990 г. В Ленинграде. Его жена Сима пережила его на 2 года, хотя она была младше мужа на 12 лет. Ей было 85, когда она скончалась в 1992 г. У них было 2 сына – Владимир и Валентин (обоих уже нет), и дочь Юлия, которая живет и здравствует по сей день в Санкт-Петербурге, и хотя ей уже много лет, она продолжает работать и путешествовать. Мы очень тесно общаемся, как это повелось в нашей семье в течение долгих десятилетий.

Дальнейшая после смерти Льва Михайловича история сестер – Софьи и Ревекки – это история блокадников. Пережив самую страшную блокадную зиму (запрельские морозы и голод), 19 марта 1942 г. их мать Мария Марковна, дочь Софья, ее дочь Наталья (моя мама), которой было 10 лет и которая была уже при смерти, на последней стадии дистрофии, были эвакуированы по Дороге Жизни, по льду Ладожского озера из Ленинграда. Лед в то время уже был очень слабый, мама помнит, как на их глазах грузовые машины проваливались под лед вместе с людьми и грузами... После долгих мытарств по всей стране, они попали в Узбекистан, позже к ним присоединилась и младшая сестра Ревекка. Но это уже другая история.

Ни Софьи, ни Ревекки уже давно нет в живых...

Сюжеты и судьбы

Как я уже говорила, все эти годы мы поддерживали самые близкие и теплые отношения – благодаря тому, что старшее поколение Гольдиновых всегда было сильно привязано друг к другу. И потому Софья и Ревекка постоянно до самой старости ездили в гости к Исааку и Симе, его жене, а Исаак и Сима ездили к нам в Ташкент. Мама, когда выросла, училась в ВУЗе в Ленинграде, и общение с родней не прекращалось никогда. Потом в 1984 г. и я поступила в ВУЗ в Ленинграде, и дед Исаак с бабушкой Симой были мне совершенно родными людьми, у которых я каждую субботу появлялась с букетиком цветов – Сима Соломоновна обожала цветы...

Вот несколько семейных фотографий за разные годы, но уже, конечно, без Левы.

Сима Соломоновна, Исаак Михайлович и Софья Михайловна
Sima Solomonovna, Isaak Mikhailovich & Sofia Mikhailovna

Исаак Михайлович с сыновьями Валентином слева (он был архитектором)
и Владимиром справа (он был военным)
Isaak Mikhailovich with his sons Valentin on the left (he was an architect)
and Vladimir on the right (he was a military man)

Исаак Михайлович с дочерью Юлией, дома на Охте, Ленинград
Isaak Mikhailovich with his daughter Yulia, at home on Okhta, Leningrad

Сима Соломоновна и Исаак Михайлович,
пансионат Репино, Ленинградская область
Sima Solomonovna & Isaak Mikhailovich,
Repino boarding house, Leningrad region

Брат и сестра – Исаак и Ревекка, пансионат Репино, Ленинградская область
Brother and sister – Isaak and Revekka, Repino boarding house, Leningrad region

Ревекка Михайловна, Ташкент, ТашИИТ, преподаватель политэкономии
Revekka Mikhailovna, Tashkent, TashIIT, teacher of political economy

Ташкент, у нас в гостях Исаак Михайлович и Сима Соломоновна.

Посередине – моя мама Наталья, дочь Софьи Михайловны
Tashkent, our guests are Isaak Mikhailovich & Sima Solomonovna.
In the middle is my mother Natalya, Sofia Mikhailovna's daughter

Исаак Михайлович на пляже на берегу Финского залива
Isaak Mikhailovich on the beach of the Gulf of Finland

Очень старая фотография: Мария Марковна с сыном Исааком
Very old photo: Maria Markovna with her son Isaak

Софья Михайловна, Ташкент, ТашИИТ, заведующая библиотекой
Sofia Mikhailovna, Tashkent, TashIIT, head of the library

Мария Алексеевна Хорошева
(Ташкент, Узбекистан, mashstroller@mail.ru)

Maria A. Khorosheva
(Tashkent, Uzbekistan, mashstroller@mail.ru)

Большухин Л. Ю., Замятина О. В. Истинная жизнь Голубчика-Гостова

Информация об авторах

Леонид Юрьевич Большухин, PhD, профессор

WoS Researcher ID M-5255-2015

Scopus Author ID 55337007400

Оксана Вадимовна Замятина, преподаватель

Information about the Authors

Leonid Yu. Bolsukhin, PhD, Professor

WoS Researcher ID M-5255-2015

Scopus Author ID 55337007400

Oxana V. Zamiatina, Lecturer

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетогрaфия. 2021. № 2

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2

Требования к оформлению статьи

Редакция принимает материалы объемом 0,5–0,7 п. л. в виде файла, набранного в редакторе Word 97-2003: шрифт Times New Roman, кегль 14, междустрочный интервал 1,5, поля со всех сторон 2 см, абзацный отступ 0,5 см.

Порядок расположения структурных элементов статьи:

- слева номер УДК;
- по центру строчными буквами (шрифт полужирный) заголовок статьи (если название занимает 2 строчки и более, то междустрочный интервал одинарный, точки в заголовке не ставятся);
- по центру строчными буквами (шрифт полужирный) ФИО автора статьи (полностью);
- по центру строчными буквами – аффилиация автора (без сокращений), электронный адрес, ORCID;
- по ширине аннотация (не менее 100 слов);
- по ширине ключевые слова (6–8 слов);
- по ширине сведения о финансовой поддержке исследования;
- основной текст статьи;
- список литературы;
- название статьи, инициалы и фамилия автора, аффилиация автора, аннотация, ключевые слова на английском языке;
- сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках, коды автора в WoS, Scopus и др.

Список литературы набирается вручную в конце статьи в алфавитном порядке (кегль 10). Ссылка в тексте на цитируемую работу выглядит так: [Иванов, 2017, с. 51]. Ссылки на материалы, не поддающиеся библиографическому описанию, оформляются в виде сносок внизу страницы¹.

Образец оформления статьи:

УДК 81:39, 81'23

**Исследование наименований растений
и национальная языковая картина мира:
к постановке проблемы**

**Иван Иванович Иванов¹
Петр Петрович Петров²**

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ ivanov@gmail.com, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

² petrov@ngs.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

¹ Например: Зыковская Н. Л. Лейтмотив в ряду других общесемиотических концептов. URL: http://www.lib.csu.ru/vch/2/2000_01/008.pdf (дата обращения 19.09.2012).

**Studies of Plant-Names and an Ethnic World Image:
Defining the Problem**

Ivan I. Ivanov¹, Petr P. Petrov²

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ ivanov@gmail.com, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

² petrov@ngs.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgments

Основной текст статьи

Список литературы

Список источников (если есть)

References

List of Sources

Информация об авторах

Иван Иванович Иванов, кандидат филологических наук

Ivan I. Ivanov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

WoS Researcher ID

Scopus Author ID

SPIN

Петр Петрович Петров, доктор филологических наук, профессор

Petr P. Petrov, Doctor of Sciences (Philology), Professor

WoS Researcher ID

Scopus Author ID

SPIN

Обязательная англоязычная версия списка литературы (References) размещается в статье с учетом рекомендаций: <http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/translit.pdf>

Статья подается в электронном виде по адресу zhurnal.syuzhet@yandex.ru, файл, отправленный по e-mail, называется так: ИвановИИ_статья.doc

Контактный телефон: 8 (383) 330 47 72 (понедельник, четверг)